АТАНАС СЕМЕРДЖИЕВ

...И МНОГИЕ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В книге начальника Генерального штаба болгарской Народной армии повествуется о партизанском движении в Болгарии в годы второй мировой войны. Образы партизан и подпольщиков восхищают своей преданностью народу и ненавистью к монархо-фашистам. На фоне описываемых событий автор показывает, как росла и ширилась народная борьба под влиянием побед Советской Армии над гитлеровскими полчищами.

- ...И многие не вернулись
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ
  - КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА — КОММУНИСТ…
  - И КУСАЛИ СЕБЕ РУКИ, ЧТОБЫ НЕ СТОНАТЬ…
  - ВРЕМЕНА СИЛЬНЫХ
  - ПОХОД В БЕССМЕРТИЕ
  - СЛЕДЫ ЗАПЕКШЕЙСЯ КРОВИ
  - СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРОВ — ЧЕТЫРЕ, А ЖИЗНЬ — ОДНА
  - И КАРЛЫК ОНЕМЕЛ
  - ПОСЛЕ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА
  - ЖИЗНЬ, РОЖДЕННАЯ В ОГНЕ
  - КОГДА УГАСЛИ ОБА СОЛНЦА
  - ПЕРЕД ТЕМ КАК РАСЦВЕСТИ ЯБЛОНЕВЫМ САДАМ
  - МОРОЗ И ИЩЕЙКИ ПО ПЯТАМ
  - МЕРТВАЯ ПШЕНИЦА В РАШТЕЛЕ
  - СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ
  - БОГАТЫРСКАЯ ЗАКВАСКА
  - БОЙ НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ
  - СЕРДЦА ВСЕ КРОВОТОЧАТ
  - ДВА ДОМА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34

...И многие не вернулись

АТАНАС СЕМЕРДЖИЕВ

...И НИКОЙ НЕ СЕ ЗАВЪРНА

«НАРОДНА МЛАДЕЖ»
Издателство НА ЦК НА ДКМС
София — 1973

АТАНАС СЕМЕРДЖИЕВ

...И МНОГИЕ НЕ ВЕРНУЛИСЬ

РАССКАЗЫ

Перевод с болгарского
И. САБУРОВОЙ

Предисловие генерала армии
С. М. ШТЕМЕНКО

2-е ИЗДАНИЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ

Ордена Трудового Красного Знамени
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА — 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не скрою, что мне приятно представить читателю книгу нашего боевого товарища и друга Атанаса Георгиевича Семерджиева.

Советские люди знают автора как видного военного деятеля Народной Республики Болгарии, первого заместителя Министра обороны, начальника Генерального штаба болгарской Народной армии. Одновременно он является заместителем главнокомандующего и членом Военного совета Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора.

Атанас Георгиевич, как мы его по-русски называем, относительно молод, но за плечами у него нелегкий жизненный путь. Он родился в 1924 году в бедной семье и с малых лет был вынужден сочетать учебу в школе с работой на лесопильном заводе и строительстве дорог.

Политическая обстановка фашистской Болгарии, в которой проходила юность Атанаса Семерджиева, рано открыла ему глаза на социальные проблемы. В 1939 году он вступил в революционное движение, принимая участие в деятельности Рабочего молодежного союза (РМС) в Лыджене, а затем в Пазарджике.

Вторая мировая война, особенно беспримерное сопротивление советского народа немецко-фашистским захватчикам, вызвала в Болгарии новый подъем революционной борьбы против гитлеровских разбойников и их болгарских пособников. Во главе борьбы как ее организатор и руководитель встала партия коммунистов. В стране развернулись деятельность подпольных боевых групп и широкое партизанское движение. Они явились важным элементом подготовки народного восстания. Народная война целиком захватила и Атанаса Семерджиева. В связи с провалом организации РМС в декабре 1941 года он ушел в подполье, в 1942 году стал партизаном, с 1943 года коммунист Атанас Семерджиев — командир отдельного партизанского отряда «Братья Кристины», позже переросшего в бригаду «Чепинец».

Со дня вступления Советской Армии в Болгарию и победы народного восстания 9 сентября 1944 года для Атанаса Семерджиева начинается новый этап жизни. Он ушел на фронт, был помощником командира батальона 27-го пехотного Чепинского полка и воевал до полного разгрома гитлеровской Германии.

После войны Атанас Семерджиев, получив высшее военное образование в Советском Союзе, становится активным строителем болгарской Народной армии и Объединенных Вооруженных Сил государств — участников Варшавского Договора.

Вот, пожалуй, коротко и все об авторе. Остается добавить только, что это очень эрудированный генерал, обаятельный, скромный человек и верный друг Советского Союза, советских людей.

Путевка в жизнь, данная Атанасу Семерджиеву народом и партией, не только провела его по трудным и опасным тропам жестокой войны против фашизма, но и предопределила самую цель жизни автора и любовь его к своей родине. Возникла глубокая потребность, ставшая нравственной задачей: донести до сознания людей суровую, подчас трагическую, но неизменно величественную и благородную красоту помыслов и целей самоотверженных борцов против немецко-фашистских захватчиков и их болгарских пособников. Выражением этой потребности явилась изданная в 1964 году книга «Во имя жизни»[1], в которой автор рассказывает о борьбе лучших сынов Болгарии за свободу своей родины в годы второй мировой войны.

В 1973 году вышла в свет новая книга Атанаса Семерджиева «…И многие не вернулись». О чем она? Нельзя однозначно ответить на этот вопрос. Книга эта о героическом прошлом болгарского народа, о годах второй мировой войны. Но вместе с тем помыслы автора устремлены вперед. Так бывает, когда добрый сеятель бросает в почву семена, чтобы снять урожай в будущем. Книга говорит о борьбе народа, которая унесла многие жизни, но плоды этой борьбы ныне являются достоянием строителей социалистической Болгарии.

В центре внимания автора — люди из народа, самые обычные, внешне непримечательные, живущие тяжело, как все. Однако именно они не убоялись трудностей борьбы, смело в нее вступили, победили фашизм и стали легендарными героями. В Болгарии фашистский режим был марионеткой гитлеровских извергов и потому был вдвойне чудовищным и жестоким. Однако идеологи и исполнители преступлений болгарского фашизма понесли справедливую кару от рук трудящихся своей страны, на помощь которым пришла армия великого Советского Союза.

Книга состоит из коротких рассказов, объединенных общей идеей освободительной борьбы народа. Каждый рассказ — судьба человека или группы подпольщиков и партизан, ведущих войну с фашизмом не на жизнь, а на смерть. Эти мужественные и бесстрашные люди были крепче металла — они были коммунистами. Димитр Баненкин, семнадцатилетний Баджун,

Георгий Кацаров, Георгий Чолаков, Тоско Ганев, Вела Пеева и многие другие герои шли дорогой партизанской борьбы. Они не вернулись к родным очагам, но завоевали право сохранить свое имя в вечной памяти народа.

Книга Атанаса Семерджиева — это дань глубокого уважения мужественным борцам, их делу, их матерям, вскормившим и воспитавшим былинных богатырей. Книга — это наказ будущим поколениям помнить о днях жестокой борьбы, о ее жертвах и героях, призыв сохранить их навечно в памяти народной.

Произведение Атанаса Семерджиева пронизано идеей вечной, нерушимой дружбы болгарского и советского народов. Эта дружба уходит вековыми корнями в прошлое, она сильна своим настоящим, у нее большое будущее.

Автор с большой душевной теплотой говорит о старшем брате своей страны — Советском Союзе. Он пишет о наших песнях — их пели болгарские партизаны и когда на душе было весело, и когда тяжело, — о нашей армии, победы которой стали знаменем болгарских повстанцев, об освободительной миссии советских воинов, пришедших на болгарскую землю ради торжества светлых идей борцов против фашизма.

«…И многие не вернулись» — это книга-боец. Она воюет против равнодушия, ибо оно всегда на руку врагу. Может быть, поэтому автор ничего не приукрашивает, он пишет правду, подчас страшную, потрясающую. Книга основана на подлинных фактах, на личных воспоминаниях автора о тревожной жизни народных мстителей. Ведь он сам был в одном строю с героями своей книги. Повествование ведется просто, без излишней сентиментальности, оно проникнуто гневом и ненавистью к врагам, горячей любовью к своему народу, родной стране, ее природе, людям беспримерной доблести.

Атанас Семерджиев живет тем, о чем повествует. Он немногословен, порой весьма сдержан и всегда искренен. Каждая его строка дышит мужественной скорбью о погибших борцах, преисполнена веры в светлое будущее своего народа.

О себе автор рассказывает мало, хотя был в передовых рядах тех, кто сражался за победу, тех, чью внутреннюю красоту он описывает с таким высоким гражданским пафосом.

Атанас Семерджиев не просто излагает факты, он умеет передать атмосферу события, раскрыть характерные черты эпохи, вызвать сердечное волнение и душевную тревогу читателей за судьбу героя. Автора отличает умение нарисовать индивидуальный образ героя, подметить движения его сердца, разума и воли. Все это — свидетельство литературного таланта и зрелого художественного мастерства.

Форма произведения своеобразна. Это сплав двух жанров — мемуарного и публицистического. Книга читается с неослабевающим интересом. Автор достигает своей цели: есть события и люди, которых нельзя забыть, а именно такими являются события минувшей войны с фашизмом, ее герои и мученики.

Прочтите эту книгу, уважаемые читатели. А тебе за то, что создал ее, спасибо, брат!

Генерал армии С. М. ШТЕМЕНКО
Москва, 1973 г.

К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Перевод моей книги на русский язык — волнующее для меня событие. Причиной этого волнения является не присущая каждому автору заинтересованность в судьбе написанной книги, а та особая связь между нами, участниками вооруженной борьбы болгарского народа и советскими людьми, связь, дающая нам право чувствовать себя причастными к героическим делам советского народа.

Еще до войны партия научила нас видеть в Советской стране свою вторую родину, испытывать к ней ту же сыновнюю любовь, как и к родной земле. Поэтому Великая Отечественная война с самого начала стала войной и для болгарских патриотов. Многие из нас пошли по партизанским тропам, другие приняли на свои плечи тяжелое бремя и риск революционной борьбы в городах, селах и частях царской армии. Все мы жили сознанием, что являемся неотъемлемой частью Советской Армии. Это поддерживало нас в тяжелые минуты, воодушевляло на героические дела. И многие из тех, кто погиб, встретили смерть возгласом: «Да здравствует Советский Союз!»

Такую самоотверженную любовь к вашей стране испытывали и герои моей книги. Это были подростки и юноши, еще не узнавшие волнующего сердечного трепета, мужчины, оставившие дома жен и детишек. Все они вышли на борьбу за свободу, полные решимости, если понадобится, отдать жизнь ради победы.

И многие не вернулись…

Это не страшная сказка, а бездна нечеловеческих страданий, народная голгофа. Слышится детский крик, призывающий отца, который никогда уже не вернется… Тлеют головни костра, на котором заживо сожгли Данчо Пачева. Тлеют они не в Виноградце, а в нас, уцелевших… И грохот взрывов оглушает нас, и выстрелы, сразившие Методия Шаторова, Георгия Чолакова, Велу Пееву, Стойю Калпазанова, Петра Велева… И малыш стоит над окровавленной головой отца — и верит, что ему еще удастся зажечь угасшие солнца в его глазах…

Брат против брата! Это не просто бессмысленная жестокость, а особенность гражданской войны, трагедия, выпадавшая на долю каждого народа, вынужденного подняться на вооруженную борьбу не только против иноземного поработителя, но и против собственной буржуазии. В такие времена народы возрождаются и возвышаются духом благодаря своим героям и мученикам.

Знаю, что мне приходится бередить раны. Но если мы будем бежать от воспоминаний, оберегая свои раны и боясь их

разбередить, то нам угрожает худшая из бед — равнодушие.

Я буду счастлив, если моя книга поможет советскому читателю понять сокровенные мысли и чувства, которые воодушевляли нас на подвиги в годы вооруженной борьбы.

Эти мысли и чувства живы и всегда будут жить в наших сердцах и в памяти народа.

Атанас СЕМЕРДЖИЕВ

КРЕПЧЕ ЖЕЛЕЗА — КОММУНИСТ…

1

После полуночи ребенок перестал метаться в постели и стонать, его голова бессильно лежала на влажной от пота подушке. Он погрузился в глубокий сон. Ноздри его вздрагивали, и это было единственным признаком того, что в измученном, почти незаметном под одеялом детском тельце теплится жизнь. Люба вытерла ребенку платком лоб и, поправив одеяло, чтобы оно не кололось, без сил опустилась на стул. И заплакала… Это был горький надрывный плач, который она с таким трудом сдерживала, сидя у изголовья детской кроватки все эти долгие три дня и ночи. Так плачет человек, когда остается совсем один. В соседних дворах не было видно ни одной живой души. Откуда-то издалека доносился шум моторов самолетов. Этот шум то приближался, то удалялся, и Люба ощущала его, казалось, всем телом. Это американские самолеты летели к Плоешти или возвращались оттуда налегке, сбросив свой смертоносный груз.

Усталость и тревоги истощили Любу до изнеможения, и уснуть она не могла. Чувствовала, как сердце пронзают острые иглы. От слез жгло веки. На востоке загоралась заря, и по булыжнику улиц старого города загромыхали брички и телеги.

Утром кто-то постучал в ворота и, не дожидаясь ответа, вошел во двор. Люба взглянула в приоткрытую дверь и увидела пожилого полицейского с худым небритым лицом, в нескладно сидевшей форменной одежде.

— Здесь проживает Димитр Георгиев? — спросил он.

— Здесь живет Димитр Стоянов Баненкин, — поправила его женщина, — Баненкин…

— Это одно и то же, — сказал полицейский и отвел взгляд в сторону. — Если человека прикончили, то как его звали — Стояновым или Георгиевым — все равно… Смерть, молодка, она для всех…

Люба попыталась сказать что-то, но не смогла. Как будто на нее навалилось что-то тяжелое и вот-вот раздавит.

Полицейский повернулся, чтобы уйти, и она услышала его голос как будто издалека:

— Поезжайте в Пловдив, заберите его… А то его труп выбросят в ивняк над Марицей.

Люба уехала в Пловдив. Насобирала у соседей денег в долг и уехала. Из областного управления полиции ее отослали на

пловдивские холмы искать там старое желтое здание — морг. У входа в это здание она застала пожилого человека в грязном белом переднике. Старик вытер руки о передник, как бы раздумывая, что ответить на вопросы Любы. Наконец его ввалившийся рот задвигался:

— Есть тут один Баненкин… Муж твой, что ли?.. Привезли позавчера. Велели привести в божеский вид, чтобы незаметно было… А разве можно скрыть такое?.. Вчера я сказал директору, чтобы подыскали себе другого человека на мое место…

Старик повел Любу за собой, кивком головы указал на открытый гроб и отошел в сторону. В гробу лежал Динко[2] Баненкин. Люба покачнулась. Когда пришла в себя от потрясения, то заметила, что крепко держится за стенку гроба. Протянула было руку к голове умершего, но рука повисла в воздухе, словно ее парализовало: мертвец был вроде и Динко и вроде не он…

Год спустя, уже после победы, я зашел к Любе, чтобы узнать, что случилось с Динко, как все произошло. Очень тяжело было говорить об этом, но время, прошедшее с тех пор, все же сделало возможным наш разговор.

О том, что пережила тогда в промерзшем подвале морга, Люба сказала:

— Я перестала видеть и слышать… В какой-то мрак погрузилась, и в этом мраке вдруг замигал огонек, который стал расти и приближаться ко мне. И когда совсем приблизился, я увидела Динко. Не мертвого, а такого, каким помнила с тех пор, когда он служил солдатом в царской гвардии…

Последние слова Любы напомнили мне один рассказ о Динко, услышанный от его односельчанина и друга.

…1929 год. Дворы в селе Лесичево благоухали белой акацией и сиренью. Заколосившаяся в поле рожь от порывов теплого ветерка гнулась до земли — так серебристые волны на озере наплывают одна на другую. Из густой зелени тутовых деревьев доносились детские голоса. К вечеру на дороге из Калугерово показался молодой, странно одетый мужчина. На голове у него — меховая шапка с длинным пером (под шапкой — открытый лоб и большие черные глаза; на резко очерченных губах играет улыбка). Ярко-красная куртка, расшитая белыми галунами, казалось, вот-вот лопнет на широченной груди и в плечах. Сапоги поскрипывают, шпоры позвякивают, позвякивает и сабля в серебряных ножнах, пристегнутая к широкому ремню. Дети толпятся вокруг него, и он идет среди них, сильный и жизнерадостный.

Таков был Динко Баненкин, солдат гвардии его величества. Через четырнадцать лет этого самого Динко, обезобразив до

неузнаваемости во имя и по воле его величества, положили в наспех сколоченный полицейскими гроб.

2

Перед войной я вместе со своими сверстниками из Чепино уехал из села продолжать учебу в старших классах пазарджикской гимназии. Там и встретил Динко Баненкина. Тогда я не мог бы одним словом охарактеризовать человека с таким, как у него, даром привлекать людей. Теперь знаю — он был обаятельным человеком. Его небольшой трактир напротив городского сада служил нам чем-то вроде партийного клуба. Там собирались учащиеся и рабочие не только для того, чтобы поесть в долг или на «коммунистических» началах — бесплатно, но также, чтобы узнать новости или незаметно получить новый номер газеты «Работническо дело»[3] или же посылку и письмо из дому. Баненкин объединил вокруг себя лесичевских ребят, а нас, ремсистов[4] из Чепино, спаяли с ними общие идеи, романтика опасных дел, так что осторожные люди и их и нас называли сорвиголовами. И еще нас с ними объединяли уважение и любовь к Динко.

Наступила осень 1941 года, оказавшаяся для многих из нас переломной. Рано похолодало, и старинный город сразу стал неуютным и мрачным. Оголившийся и одинокий остров окутал туман, наплывавший на него по утрам с Марицы и Тополницы. На рынке собиралось много народу. Крестьяне в овечьих тулупах сновали между рыночными рядами и о чем-то шушукались между собой. Около них увивались спекулянты и агенты полиции. Перед пекарнями стояли в длинных очередях за хлебом хмурые мужчины и усталые женщины. В руках они держали только что введенные хлебные карточки какого-то странного лилового цвета.

В гимназии становилось все тяжелее и опаснее, а нам приходилось решать все новые и новые задачи: создавать боевые группы из учеников, собирать оружие, готовиться к вооруженным операциям. Пришло время перейти от слов к делам, за которые нередко приходилось расплачиваться собственной жизнью.

В один из пасмурных декабрьских дней полиция схватила на нелегальном собрании пятерых учеников. Через несколько дней арестовали и Ивана Пашова — одного из трех членов руководства РМС в гимназии. Угроза ареста нависла над многими из нас, поскольку мы чересчур поздно спохватились, что недостаточно строго соблюдали правила конспирации. Некоторые из тех, кому угрожал арест, начали скрываться. Мы поняли, что в наших рядах

действует провокатор, и это нас встревожило и привело в замешательство. Именно тогда-то мы и почувствовали твердую руку Динко Баненкина.

Через несколько дней после ареста наших товарищей он отправился к директору гимназии и в качестве опекуна Ивана Пашова потребовал объяснений:

— Почему вы позволяете полиции хватать и мучить лучших учеников? В чем обвиняют Ивана?

— Полиция передо мной не отчитывается. У нее есть какие-то свои основания… подозрения… — изворачивался директор. — Ивана собирались выпустить, и вдруг дело осложнилось. Хаджийский, соученик и сосед Ивана по квартире, перестал посещать занятия и скрылся. Это для полиции кое-что значит…

— Неправда! — возразил Динко. — Хаджийский находится у себя на квартире и готовит уроки. А не приходил в гимназию, потому что болел…

После этого разговора директор сообщил по телефону начальнику тайной полиции Мачо Генову, где находится Хаджийский. Динко этого оказалось достаточно, чтобы раскрыть предательскую роль директора. Предупрежденный Хаджийский своевременно скрылся.

Новость о том, что Методий Хаджийский перешел на нелегальное положение, в тот же вечер распространилась среди учеников, и он сразу стал для нас героем. Около квартир, где жили ученики, начали рыскать агенты и полицейские. Легионеры[5] сразу активизировались, но нас это уже не смущало. Динко вернул нам веру в себя и смелость.

На следующий вечер на квартиру, где я жил с моим товарищем Кочо Гяуровым, пришел Любен Димчев, без шапки, в расстегнутой шинели, весь перепачканный. Румянец покрывал его широкоскулое лицо. Он сообщил нам приказ «сверху» последовать примеру Методия и, явно расстроенный тем, что пока ему предстояло оставаться в городе, молча распрощался с нами. Его шаги затихли в темноте, и в нашей небольшой каморке все словно замерло. Кочо, не промолвив ни слова, принялся собирать все необходимое. Молчал и я — в такие минуты совсем не до разговоров.

3

Весна 1943 года была ранняя. Из-за нее ли или благодаря победе под Сталинградом, но все мы были охвачены восторгом, которого нам никогда не забыть. Народ боролся. Партизанские

операции становились все более дерзкими. Эхо сражений в горах, селах и на равнинах превращало эти операции в народную легенду. Всесильный и грозный начальник пазарджикской тайной полиции Мачо Генов, человек неглупый, почувствовал опасность. Но он все еще верил: игра пока не проиграна.

Генов нервно шагал из угла в угол своего кабинета, а его помощники, сидя в креслах перед письменным столом, молча следили за ним взглядом. Они знали: начальник не любит разговорчивых подчиненных. При каждом шаге пол неприятно поскрипывал. Наконец Генов остановился и уставился в окно.

— Пока все в наших руках… — сказал он, не отрывая взгляда от окна. — Если мы сделаем свое дело как следует, все может измениться в нашу пользу… Дирекция предоставила мне дополнительно людей, деньги и оружие. Этими лесными бандитами — партизанами займутся войска и полиция. От нас же требуется ликвидировать их руководство в городе, поймать крупную рыбу, а не возиться с мелочью…

Он сделал еще несколько шагов, сунул руки в карманы и резко повернулся к своим людям:

— Группа Калмука уже напала на след. Это наверняка крупная дичь. Барышник же должен выделить больше людей для наблюдения за Баненкиным. Я хочу знать о каждом его шаге. Пусть мне докладывают обо всем! А как только Барышник почует что-нибудь, пусть не медлит с арестом…

Через несколько дней Барышник доложил, что Баненкин ночью выходит из дому и отправляется куда-то за город по софийскому шоссе. До конца за ним проследить не удалось, потому что он ведет себя как весьма опытный конспиратор и очень ловко отрывается. Мачо Генов выслушал рапорт, медленно вытащил свое огромное тело из пространства между письменным столом и стеной и оказался лицом к лицу со своим подчиненным. Барышник весь съежился: он знал, что именно так Генов приближался во время допросов к арестованным и неожиданно обрушивал на них всю силу своего кулана. Сейчас он схватил подчиненного за отвороты пальто, притянул к себе и сказал:

— Если это еще раз повторится, уничтожу, как бешеную собаку…

20 марта ночью Динко Баненкин снова вышел из дому и медленно пошел по улице мимо старой церкви. Две тени сразу же отделились от стены соседнего дома и последовали за ним. Он тотчас почувствовал это, но продолжал идти к центру города. Тени разошлись: одна продолжала следовать за ним, а другая двинулась по соседней улице в направлении уездного управления полиции. Динко этого и ждал: проверил пистолет, заткнутый за

пояс, и замедлил шаги. Потом повернул назад и стремительно направился к агенту, следовавшему за ним. Тот вздрогнул, засуетился и побежал по боковой улочке. Тогда Динко пробрался во двор дома своего знакомого, схватил заранее приготовленный велосипед и вскоре исчез где-то среди темных улиц.

К полуночи он достиг развилки дорог, одна из них вела на Величково. Оставив велосипед в канавке, он осторожно направился к небольшому холму Стражда. Кружевные облака не закрывали луну, и было светло. Динко, сжимая в руке пистолет, подошел к груде камней.

— Кто идет? — спросил чей-то тихий голос.

— Это я. «Бистрица»! — сообщил пароль Динко.

С земли поднялись двое.

Полуночная встреча на невысоком холме длилась меньше часа. Но этого оказалось достаточно, чтобы обсудить указания окружного комитета партии о боевой работе в Карабунарском районе. Георгию Перустийскому и Николе Бечеву не требовалось долгих разъяснений. Бечев — богатырского сложения человек, чем-то похожий на Ботева[6]. О таких, как он, рассказывается в былинах:

Из-под ног искры летят,
Изо рта пламя вырывается.

Перустийский — студент Загребского университета. Когда наступают дни испытаний, люди, подобные Перустийскому, где бы они ни находились, становятся в ряды борцов.

Динко Баненкин расстался с ними и, прежде чем отправиться в путь, спустился к реке, чтобы смыть с обуви налипшую грязь. Мутные воды реки обмывали корни изогнутых верб, мрак был пропитан сыростью, дул холодный ветер. В ближних селах захлебывались лаем собаки. Динко сел на велосипед и заторопился в город.

4

Молодой рабочий с кудрявой шевелюрой и скуластым лицом пересек городской сад и вошел в трактир Динко Баненкина. Хотя ужинать было еще рано, но там уже сидели человек десять молодых ребят. Динко пригласил вошедшего за перегородку, где готовили еду.

— Пришло время действовать, — сказал он и пристально посмотрел в глаза парню. — Боевые группы готовы? Кое-кто из

кровопийц приговорен к смертной казни, и группы должны привести этот приговор в исполнение…

— С кого начнем? — нетерпеливо спросил молодой парень.

— С Мачо Генова. Нужно ли объяснять — почему?

Парень покачал головой. Он уже собрался уходить, но Динко задержал его руку в своей. Помолчал мгновение-другое, разгладил усы и сказал:

— Подожди минутку.

Он спустился в погреб. Вернулся оттуда с новым пистолетом калибра 7,65 миллиметра и передал его парню.

— Хорошее оружие. Берите и свои два парабеллума…

В тот же вечер в парке в старой части города появился парень лет двадцати четырех с типично «морской» походкой вразвалку. За ним шел еще один — с русыми усиками и голубыми глазами. На скамейках сидели влюбленные — весна была в разгаре. Когда стемнело, будто бы случайно появился откуда-то и молодой рабочий с кудрявой шевелюрой.

На следующее утро, точно без четверти, восемь, Мачо Генов громко хлопнул дверью своей квартиры и направился к уездному управлению полиции. По пути он небрежно кивал людям, кланявшимся ему еще издали. Когда же миновал гимназию имени Василия Друмева, из школьного двора вышел парень с русыми усиками и пошел за ним следом. Каждое утро, каждый день, каждый вечер в течение более пятнадцати дней опытный полицейский находился под зорким наблюдением троих ремсистов. Но за все эти дни им ни разу не подвернулся удобный случай выполнить свое задание.

В конце апреля Динко Баненкин вызвал к себе молодого рабочего и спросил о настроении ребят.

— Все нормально, — ответил парень. — Плохо, что мы ничего пока не сделали…

Динко сразу понял, что неудача их огорчает и, если дела пойдут так же, они почувствуют растерянность, неуверенность в себе.

— Вам не о чем сожалеть, — сказал Динко. — Вы хорошо справились с делом: мы знаем о каждом шаге Генова. А вот и удобный случай подворачивается. Завтра открывается ярмарка в Пловдиве. Генов решил поехать туда и вернется специальным ярмарочным поездом. Значит, вернется вечером, когда будет темно…

На следующий день Мачо Генов, в сером костюме, с плащом, перекинутым через руку, вместе с женой сел в ярмарочный поезд и отправился в Пловдив. Кудрявый парень затерялся в сутолоке пассажиров соседнего вагона…

На пловдивском вокзале пассажиры, бросившись к дверям, создали пробку. Пока парень прокладывал себе путь, Мачо Генов вышел на вокзальную площадь, сел в извозчичью пролетку и исчез. Опять неудача!

Парень несколько часов слонялся по павильонам ярмарки, толкался в толпе и искал Генова. Наконец обнаружил его в венгерском павильоне. Раскрасневшийся, развеселившийся Мачо Генов дегустировал венгерские вина, а его жена рассматривала какой-то модный журнал. Неожиданно она подняла голову, заметила пристальный взгляд парня и шепнула что-то мужу, потом снова уткнулась в журнал, но ее неспокойный взгляд то и дело искал скуластое лицо парня, выделявшееся в толпе.

К вечеру начальник тайной полиции Пазарджика покинул павильоны ярмарки и направился по обсаженному платанами бульвару Ивана Вазова к вокзалу. Парень издали проследил, в какой вагон он сел, и, когда поезд отправился в Пазарджик, вышел к стоянке такси перед вокзалом.

— Друг, можешь ты на своем «фиатике» отвезти меня в Пазарджик? — обратился он к молодому шоферу.

— Если заплатишь… — ответил парень. — А что тебе так приспичило?

— Упустил поезд, а в нем едет моя невеста. Мне надо ее обогнать. А то с ними ведь не договоришься. Женщины — это такой народ…

На пазарджикский вокзал парень со скуластым лицом приехал вовремя: вокзальный колокол как раз оповестил о том, что состав вышел со станции Марица.

К восьми часам вечера поезд прибыл, и Мачо Генов с женой, наняв извозчика, поехали в город. За ними последовала пролетка, в которой сидел всего один пассажир. Супруги сошли перед кафе в здании библиотеки, уселись за столик в саду и заказали что-то. Поели, выпили и пошли пешком домой. Вот наконец подходящий момент! Парень, неотступно следовавший за ними, забыл обо всем на свете и шел как загипнотизированный, не замечая людей, встречавшихся ему на тротуаре. Он думал об одном: «Только бы они не остановились где-нибудь». Геновы пересекли небольшую площадь перед банком и пошли по улице Излучина Черны.

Когда они миновали гимназию имени Василия Друмева, жена Генова снова заметила, что за ними следом идет парень со скуластым лицом.

— Мачо, какой-то человек весь день ходит за нами по пятам. Взгляни, прошу тебя! — сказала она нарочно громко, чтобы слова ее услышал не один Генов.

— Каждый знает, кто такой Мачо Генов! — самоуверенно

ответил ей муж и вынул из кобуры пистолет. — Не бойся!..

Мачо Генов жил в конце улицы Излучина Черны в двухэтажном доме, с высоким крыльцом и балконом. Я помню, что на балконе с ранней весны и до поздней осени в больших кадках росли лимоны и филодендроны. От улицы двор отделяла высокая белая стена, покрытая черепицей. Во двор можно было войти только через массивную деревянную калитку.

Мачо Генов уже стоял перед калиткой и нащупывал ключом замочную скважину. Вот он — самый подходящий момент! Кудрявый парень оказался совсем рядом. Генов, почувствовав опасность, перебросил пистолет в правую руку…

«Генов, ты приговорен к смертной казни!» Ох, как красиво прозвучали бы эти слова перед тем, как выстрелить. Красиво и глупо! Он просто выстрелил. Почти одновременно выстрелил и Мачо Генов. Пуля обожгла левую ногу кудрявого, но тот все же выстрелил еще два раза. Мачо Генов замертво упал перед воротами своего дома. Жена Генова пронзительно закричала…

Парень спрыгнул в отводной канал, перешел вброд Марицу около острова и по старому мосту вернулся в город. Из уездного управления полиции уже сбегались полицейские, блокируя квартал вдоль канала.

На следующий день в местной газете появилось короткое сообщение о том, что начальник тайной полиции Пазарджика Мачо Генов убит подпольщиками-коммунистами, когда возвращался домой, чтобы взять оружие и принять участие в преследовании партизан, появившихся в районе сел Варвара и Симеоновец…

5

В начале июня двое студентов, один из которых был родом из села Величково Пазарджикского уезда, с большими чемоданами в руках ждали трамвая на остановке в Софии. Перед тем как они сели в трамвай, двое одетых в штатское полицейских остановили их.

— Что у вас в чемоданах? Откройте! — приказал один из них.

Оба чемодана оказались до отказа набиты бумагой и восковками, закупленными студентами для подпольного «Информационного бюллетеня» Пазарджикского окружного комитета партии. Полицейские повели студентов в полицию.

Три дня спустя войска и полиция блокировали Пазарджик и Величково. Группа агентов и взвод полиции окружили дом Динко Баненкина и ворвались внутрь. Разбуженный поднятым шумом,

Динко вытащил пистолет, подбежал к окнам, но понял, что все попытки скрыться бессмысленны. Проснулись дети, подбежали к отцу и, чувствуя беду, прижались к нему. Динко не мог даже оказать сопротивление врагам — дом стали бы обстреливать или забросали ручными гранатами, а в доме были его дети.

Динко связали и вывели на улицу. Соседи с тревогой посматривали на двор Баненкина. Любы в этот момент дома не было: она ушла к своим родным в Чернигорово, чтобы помочь в полевых работах. Дети стояли на пороге и жались друг к дружке. Где-то стучали сапоги, кто-то кашлял, кто-то шептался. В полуночной темноте дома и деревья казались выше. Послышался чей-то режущий слух голос:

— Ручки связаны… и ни гу-гу…

— Тетя Стоилка, позаботься о детях! — крикнул Динко соседке. — Когда вернется жена, скажи ей, что меня забрали в полицию. Пусть принесет поесть…

— У тебя еще хватает совести разговаривать! Людям больше делать нечего, как возиться с твоим змеиным отродьем!.. — Послышался глухой удар, а потом вздох, а вернее, стон.

В эту и последующие несколько ночей арестовали сто тридцать пять человек. А может, и больше. Среди арестованных оказались члены окружного и городского комитетов партии, РМС и жители нескольких других сел. Динко Баненкина и большую часть арестованных увезли в Пловдив в полицейские застенки, откуда нет возврата. Начались жестокие пытки, допросы, очные ставки…

Все данные, которыми располагала полиция и которые ей удалось вырвать у арестованных, свидетельствовали о том, что главной фигурой является Динко Баненкин, руководитель боевых операций в округе. Не нашлось бы даже страницы, даже абзаца в полицейских документах, где бы не упоминалось о нем.

> «…К концу февраля 1943 года Георгий Перустийский из села Карабунар, после провала перешедший на нелегальное положение, отвел одного парня в Пазарджик и познакомил там с Динко Баненкиным, — говорилось в одном из документов. — Баненкин поручил парню поддерживать связь с находившимися на нелегальном положении Николой Бечевым из Карабунара и Любеном Йовчевым — секретарем Сараньовского районного комитета партии.
>
> 5 марта Бечев послал в Пазарджик человека передать Баненкину, что им нужно встретиться в урочище Стражда.

К 20 марта Баненкин провел совещание с Бечевым, Перустийским и еще одним ответственным деятелем партии, а через несколько дней и с Любеном Йовчевым…

В начале апреля Бечев послал к Баненкину человека, чтобы сообщить о том, что в села Варвара и Семчиново прибыла полицейская часть и что она действует весьма активно, а потому перебрасывать людей по этому каналу стало очень трудно.

Баненкин передал через курьера, что просит о встрече с руководителями Сараньовского и Карабунарского районных комитетов партии Любеном Йовчевым и Перустийским, чтобы обсудить вопрос о переброске людей.

Примерно 20 апреля Баненкин снова встречался с Бечевым, и они обсуждали боевую работу…»

В других полицейских материалах говорилось об участии Баненкина в работе подпольных окружных конференций, в доставке оружия, организации боевых групп и убийстве Мачо Генова.

Полиции не удалось раскрыть связи Баненкина с воинскими частями, где он создал сильную организацию, насчитывавшую в своих рядах многих офицеров, а также его связи с другими районами округа. Но и того, что они узнали, оказалось достаточно, чтобы привести полицейских в изумление. Кто мог допустить, что трактирщик с Софийской улицы такой опасный и опытный конспиратор!

Его подвергли пыткам, которые трудно описать, ибо они превосходят все, что может себе представить нормальный человек. Но никаких новых показаний полиции не удалось вырвать у него. На протокол допроса высший полицейский начальник наложил резолюцию:

«Ерунда! Нам нужен состав окружного комитета партии, данные о деятельности каждого члена этого комитета и, в частности, о том, чем специально занимался Баненкин! Сведения об убийстве Генова и саботаже на фабрике!»

В последний раз его вывели на допрос в ночь на 13 июня. Через четыре часа его принесли в камеру завернутым в одеяло и бросили на пол. Это было чудовищное зрелище: голова словно вдавлена в грудь, череп продырявлен, язык вывалился, изо рта текла кровь. И на сей раз Динко ничего не сказал. Впоследствии кто-то из полицейских начальников написал на его старых

показаниях: «Да человек ли это или железо?»

На следующее утро арестованные, которых вывели к водоразборной колонке, увидели, как несколько полицейских сколачивают гроб.

В те дни командование отряда имени Антона Иванова ничего не знало о тяжелом провале, и группа партизан ждала около Паталеницы встречи с секретарем окружного комитета партии Любеном Гумнеровым и Динко Баненкиным. В числе вышедших на эту встречу был и я.

Шли дни, а из города никто не приходил. Не переставая лил дождь, и все промокли до нитки. Нельзя было разжечь костер, чтобы обсушиться, так как мы прятались среди низкорослых кустов в открытом поле. Все это только усиливало в нас чувство досады на виновников нашего бесполезного ожидания.

Однажды вечером пришли два товарища из Паталеницы. Поставили перед нами корзину с черешнями и несколькими буханками хлеба и сообщили, что встреча с товарищами из окружного комитета партии не состоится. Они рассказали о провале, и наш небольшой партизанский лагерь словно замер. Лев Желязков, новый комиссар отряда, снял очки и долго-долго протирал стекла. Всем было тяжело. Нас переполняло чувство вины за наши несправедливые упреки в адрес товарищей, не явившихся на встречу.

Больше нам нечего было делать около Паталеницы. Мы расстались с подпольщиками из села и пошли в горы над Батаком.

6

У гроба Динко Баненкина в Пазарджике собрались немногие — одни из его товарищей скрывались в горах, другие находились в тюрьмах и концентрационных лагерях. Дети Динко поверили взрослым, что их отец только уснул, но недоумевали, почему же плачут над спящим. Девочка, только недавно оправившаяся после тяжелой болезни, ощупывала гроб и непрестанно бормотала:

— Батя Динко… Батя Динко…

Когда сняли крышку гроба, она отскочила назад и закричала:

— Это не батя Динко!..

Обо всем этом я узнал после 9 сентября, но мне кажется, будто я тогда находился там. И в ушах звучит детский крик, вобравший в себя ужас того страшного времени, когда полицейская блокада, как обручем, стягивала города, когда

зловещие выстрелы разрывали темноту ночи и деревенские собаки тревожно выли вслед уводимым полицией хозяевам. Слезы лились во многих домах. А дети, не способные понять смысл трагических событий, продолжали звать своих отцов…

И КУСАЛИ СЕБЕ РУКИ, ЧТОБЫ НЕ СТОНАТЬ…

1

Крестьяне из Величково были люди суровые и дерзкие. Полиция подозревала, что, хотя они и ездят на базар, возят на поля навоз, пашут и жнут, вроде бы целиком поглощенные своими повседневными крестьянскими заботами, у них есть и другая, скрытая жизнь. Полиция пыталась проникнуть в их тайну, подступалась со всех сторон, но взаимная солидарность создала вокруг величковцев непроницаемую стену. Возможно, это явилось одной из причин, породивших в них обманчивое чувство, что власти бессильны. Это придавало им решительности, даже дерзости, и так шло, пока в феврале 1944 года не наступила трагическая развязка.

Все началось в атанасов день — день, когда с незапамятных времен люди празднуют приход весны.

Иван Чалыков, человек добрый, мягкий, но с величковской бунтарской закваской, у которого я скрывался еще весной 1942 года, когда перешел на нелегальное положение, решил отпраздновать именины своей жены Атанасы. Он собрал родственников и друзей, накрыл стол, и в кувшинах забулькало горячащее кровь пазарджикское вино. Люди ели и пили, и глаза у них блестели не столько от вина, сколько от воодушевления: «околевающий конь», как они называли фашистскую власть, хотя еще и брыкается, но лягнуть их уже не может. Своими заскорузлыми пальцами Иван Чалыков разламывал караваи хлеба, разливал вино, а посуда в шкафу позванивала, словно откликаясь на множество громких голосов.

Поздно ночью во дворе залаяли собаки. Иван встал — в расстегнутой безрукавке, низкорослый, с обветренным вспотевшим лицом:

— Запоздалые гости — тоже желанные гости…

Он пошел к двери, но не успел протянуть руку, чтобы ее открыть и сказать «Добро пожаловать», как дверь распахнулась, и на пороге появились вооруженные жандармы.

Атанаса вскочила, теребя передник, щеки ее заметно побледнели. Иван молча посмотрел на нее, потом на жандармов.

— За мной пришли, что ли? — спросил он.

Ему не ответили. И от этого в горнице стало еще тягостнее.

Ивана вывели на улицу. Гости стали расходиться, не смея посмотреть друг другу в глаза, а Атанаса прислонилась к двери, кусая себе руку, чтобы не закричать.

В ту же ночь арестовали Лазара Праждарова, Гроздана Рошлева, Димитра Найденова и Димитра Чавдарова. Еще недавно они были партизанами, но осенью 1943 года, поверив объявленной амнистии, сдались. Полиция оставила их на свободе, рассчитывая ввести в заблуждение и других партизан. Но никто не последовал их примеру, и «благодетели» решили прекратить эту игру.

Всех четверых постигла поистине трагическая участь. Презираемые своими, к которым уже не могло быть возврата, унижаемые людьми, у которых они попросили милости, в конце концов они оказались перед лицом неминуемой гибели.

Около полуночи их на грузовике увезли на берег Тополницы. Возле моста на Пазарджикском шоссе машина остановилась. Вдали сквозь оголенные ветви верб мерцали отсветы огней города, в садах белели пятна не растаявшего еще снега.

Обреченным приказали сойти с грузовика, отделили от них Ивана Чалыкова и погнали связанными друг с другом к дамбе у реки.

Первым по мокрой земле стал взбираться вверх Лазар Праждаров. Человек исполинского роста, он, несмотря на свои пятьдесят лет, все еще сохранял силу и славу первого борца в округе. Арестованные встали на дамбе в один ряд. За их спиной монотонно шумела река, а над ними нависло холодное беззвездное небо.

В темноте обреченные попытались развязать друг другу руки. Но тут раздалась команда:

— Огонь!..

Беспорядочно затрещали автоматы. Димитр Чавдаров, молодой мужчина с худым продолговатым лицом, неистово вскрикнул, покачнулся и упал навзничь на крутой склон. Упал и Лазар Праждаров, но пули его не задели — он притворился мертвым и стал ждать. Полицейские пнули его сапогами и кинулись догонять Рошлева и Найденова, скрывшихся в темноте.

Лазар Праждаров встал, прислушался и через заросли вербняка пробрался в Величково. Его приютил верный товарищ. Через два дня полицейские захватили его врасплох, спящим. Быстро придя в себя, Лазар вскочил и потянулся к своему пистолету, но выстрелы полицейских опередили его — Лазар выпрямился, покачнулся, глаза его потускнели, стали страшными.

Сбежав с дамбы у Тополницы, Гроздан Рошлев укрылся в заброшенном охотничьем шалаше над Марицей. На следующий

день его обнаружили по следам в прибрежной грязи. Гроздан бросился бежать, а преследователи за его спиной смеялись и стреляли, делая вид, что никак не могут в него попасть. Эта дикая потеха была более жестокой, чем само убийство. В конце концов его пристрелили среди заснеженного луга.

Димитру Найденову удалось пробраться в соседнее село и укрыться в хлеву у своих родственников. Рассказывали потом, что они уложили его на дно телеги, накрыли сеном и повезли якобы в более надежное место. Но когда сено над ним разгребли, Димитр понял, что находится во дворе казармы 27-го Чепинского полка.

После расправы на дамбе полицейские увезли Ивана Чалыкова в Пазарджик. Его наспех допросили и в ту же ночь — в ночь святого Атанаса, вестника весны, — расстреляли на берегу Марицы.

2

В канун 9 февраля полиция и войска оцепили Величково. На перекрестках дорог — на холме над селом — установили пулеметы. Во дворах коммунистов залаяли собаки, закричали женщины, заплакали дети. В здание школы затолкали сотню людей. Ускользнуть удалось только Марко Добреву, его сыну Атанасу и молодым ребятам Николе Чипилову и Благо Панчеву — Баджуну.

Было за полночь, когда Марко Добрев и его сын Атанас направились через виноградники к селу Бошуля. Пошел мокрый снег, ледяной ветер щипал лица. Шли молча, засунув руки в карманы.

— Послушай, сынок, — сказал отец, — лучше нам идти порознь. Ты около Тополницы разыщи Ангела Чалыкова[7], а я попытаюсь укрыться в Бошуле. Может, хоть один из нас уцелеет…

Отец и сын расстались, стараясь побороть в себе тревогу.

На следующий день в дом Марко ворвалась группа жандармов.

— Где твой муж? — спросили его жену.

— А он дома не засиживается, куда-то по делам ушел, — ответила тетка Гина.

— А сын?.. Тоже ушел по делам?

— Его дело холостяцкое. Разве уследишь за ним…

— Ничего, все равно мы его схватим. Но и тебе тогда не поздоровится… А теперь забирай своих щенков — и чтоб духу твоего здесь не было! — И они указали на троих детей, ухватившихся за подол матери.

Тетка Гина поняла, что сейчас произойдет что-то страшное.

— Куда же мне деваться? — через силу спросила она.

— Куда глаза глядят! — крикнули ей. — Да пошевеливайся!

И она, не помня себя от горя, пошла с детьми искать приют у чужих людей. Сильный грохот заставил ее обернуться: из-под черепицы ее дома пробивались клубы желтого дыма, а когда ветер рассеял их, она увидела зияющую в крыше дыру, в комнатах полыхало пламя — дом подожгли гранатой.

Отец Марко Добрева, восьмидесятипятилетний дед Ангел, все еще крепкий старик, растолкал солдат и очутился перед поджегшими дом жандармами:

— Поджигайте, убивайте!.. Но только помните: завтра вы сами в этом огне гореть будете!

В его глазах стояли с трудом сдерживаемые слезы.

— Что! Что ты сказал? — накинулся на него один из жандармов.

— То и сказал, что скоро с вами расплатятся за все! — ответил старик.

Дед Ангел умер в 1953 году девяноста шести лет ел роду. Умер у себя дома, когда внук брил его. Старик сидел на стуле, и руки его дрожали. Внук побрил ему одну щеку и налил деду рюмку сливовой водки. Потом начал намыливать другую щеку, а старик сказал:

— Поторапливайся, Гошо, я помираю…

Все в доме подумали, что он шутит, но, пока Гошо возился с мылом, дед притих, словно заснул. Тут увидели, что он мертвый.

Было у него поле, где рос большой вяз. Когда в 1947 году его сын и Ангел Чалыков убедили крестьян создать кооперативное хозяйство, дед Ангел заявил:

— Если срубите вяз, пусть руки у вас отсохнут!

Дерево и до сих пор растет среди огромного кооперативного массива. Называют его Ангеловым вязом. Старик говорил, что с тех пор, как он его помнит, вяз все такой же огромный, с узловатыми ветвями. Он и не думал, что вяз останется единственным памятником ему…

Тогда жандармы сожгли одиннадцать домов. Целый день над селом подымались черные клубы дыма. Когда стемнело, во мраке долго еще светились и дымились головни. На улицах никто из жителей не показывался, даже собачий вой в морозной ночи доносился откуда-то издалека…

3

У Ангела Чалыкова при крупном туловище были короткие руки и ноги. Из-под черных бровей смотрели небольшие глаза, которые в минуты гнева злобно сверкали. Тогда ему исполнилось двадцать три года, и о нем шла слава как об отчаянном, дерзком парне, готовом на все. Еще до того как Ангел стал партизаном, он всегда носил при себе оружие, носил его так, чтобы оно было заметно под пиджаком. Он знал, что его считают забубенной головой, и это наполняло его каким-то особенным чувством собственного достоинства.

В ту ночь, когда в селе начались аресты, Ангелу удалось собрать нескольких человек — сына Марко Добрева, Чипилова, Баджуна — и увести их в кустарник у Тополницы. Они провели там двое суток в надежде, что за это время жандармерия и полиция уберутся в город и в Величково станет спокойно. 11 февраля Ангел велел ребятам перебраться в дубовую рощу за селом, где было более безопасно, а сам остался в урочище Белый Источник, чтобы встретиться кое с кем из села.

Утром на дороге показалась группа полицейских. Ангел попытался скрыться, двинулся по направлению к Величковскому холму через овраг, заросший ежевикой и колючим кустарником. Но навстречу ему шла другая группа полицейских. Со всех сторон путь для него был отрезан.

Он залег в овраге и ответил огнем на автоматные очереди. Полицейские из группы, находившейся на склоне оврага, рассыпались цепью и начали приближаться короткими перебежками. Ангел выждал и выстрелил в них чуть ли не в упор. Полицейские растерялись и побежали назад, но тут за спиной у Ангела кто-то крикнул: «Сдавайся!» Это были полицейские из второй группы, которые подползли к нему метров на пятьдесят. Осмелев, они побежали вперед. Ангел снова выстрелил и стал отходить через колючие кустарники, ища выхода из окружения. Так он достиг тропинки через виноградники, но там овраг кончался и сливался с окружающей местностью. Скрыться было негде!

Вдруг он услышал шаги. Труднее всего человек примиряется с мыслью о смерти, но тут вдруг Ангел понял, что это конец. Не видя выхода, он почему-то почувствовал себя странно спокойным и выхватил гранату. Лицо его почернело. Ангел выдернул кольцо и прижал гранату к себе. Его пульс отсчитывал: «Двадцать один, двадцать два, двадцать…»

Дальше все произошло быстро, невероятно быстро — с такой быстротой, при которой подробности каждого мгновения запечатлеваются в памяти с неимоверной ясностью.

На дороге появились совершенно растерянные, запыхавшиеся

мужчина и женщина. Спасаясь от выстрелов, они бежали к селу и оказались между Ангелом Чалыковым и полицейскими. Стрельба смолкла, преследователи растерялись. В голове Ангела мелькнула мысль о спасении. Он метнул гранату в залегших полицейских, а сам побежал по открытой местности. Звон в ушах, напряженное ожидание выстрелов, затем спасительная межа за дорогой.

Через час Ангел добрался до села Памидово, а полицейские, потеряв его след, вернулись в Величково, хмурые и озлобленные.

После этой перестрелки Ангел уже не мог вернуться к товарищам из Величково, а они потеряли всякую связь с отрядом. Тогда они решили расстаться и в одиночку искать отряд. Атанас Добрев пошел в Виноградец, а Никола Чипилов и Баджун вечером пробрались в Величково. Баджун спрятался в хлеву у сестры. Та поделилась этим с матерью, а мать сообщила обо всем полиции, наивно полагая, что может таким образом спасти сына.

Впоследствии она до конца изведала весь ужас того, что совершила по своей наивности. Никто не осудил бы ее более сурово, чем она сама…

Баджуна схватили. Семнадцатилетнего парня подвергли в Пазарджике диким истязаниям, но он все время твердил одно и то же: «Ни к каким партизанам я не ходил. В селе начались повальные аресты, и я испугался. Хоть и ничего не сделал, но испугался. Пошел к сестре накормить волов и спрятался в хлеву».

Полиция была вынуждена выпустить его. Баджун вернулся в Величково, но не успел он установить связь с партизанами, как в селе снова устроили облаву, и первым арестовали его. Несколько дней Баджуна мучили в здании общины, но он молчал. Тогда его увезли на дамбу — ту же дамбу, где расстреляли добровольно сдавшихся партизан. В обмен на жизнь ему поставили условие: сказать, где скрывается Ангел Чалыков, кто в селе помогает партизанам и кто из молодежи состоит членом нелегального РМС.

Баджун лежал на мокрой земле босой и связанный, но тут он приподнялся и глухим голосом человека, приготовившегося к смерти, произнес:

— Где Ангел, не знаю, но, если бы и знал, все равно бы не сказал… Каждая семья в селе помогает партизанам, и вся молодежь состоит в РМС…

Ему стали выворачивать руки.

— Рой себе могилу! — И перед ним воткнули в мягкую землю лопату.

— Меня и без могилы разыщут и поставят мне памятник, а вы истлеете, и никто костей ваших не соберет!

Позже родственники нашли его мертвым, забросанным опавшими листьями, на берегу Тополницы. Одна рука была отрублена, глаза выколоты.

В феврале и марте погибло еще 17 коммунистов из Величково. Говорили, что некоторых из них живьем закопали у шоссе Пазарджик — Синитьово…

Многое из того, что произошло в те дни, я узнал в июне 1944 года, когда партизанские троны снова свели меня с Ангелом Чалыковым в горах над Ветрендолом. Но трагедию Величково я почувствовал после 9 сентября 1944 года, когда из песков Марицы и Тополницы выкапывали кости расстрелянных и в красных гробах увозили в родные села, чтобы там похоронить. Уже заседал народный трибунал, улицы Пазарджика были полны народа, но лица величковцев выделялись среди множества других — они застыли от горя и жажды мщения. Среди них я встретил осиротевших детей Ивана Чалыкова. Они-то и рассказали мне подробности пережитых ужасов. Многое я позабыл, но их прерывавшиеся, дрожавшие от волнения голоса, в которых как бы все еще звучал подавленный стон, забыть не могу.

ВРЕМЕНА СИЛЬНЫХ

1

У других детей были отцы — это счастливые дети, а мой отец сидел в тюрьме.

Вечерами мать укладывала меня рядом с собой, чтобы я скорее уснула, а сама часто плакала по ночам. С тех пор, когда я слышу ночью плач женщины, места себе не нахожу.

Дедушка Коста и бабушка, отправляясь по каким-нибудь делам, зачастую забывали, зачем пошли. Дедушка говорил, что страдания разъедают ум человека. Бабушка тяжело вздыхала:

— Опустел наш дом…

Кроме сына — моего отца, у них не было больше детей.

— Как это опустел? — спрашивала я. — Разве он пустой? А Султа, а я?..

Султа — наша старая рыжая кошка с белой подпалиной на лбу. Она всегда вертелась около меня. Как только утром мама вставала, кошка тут же вспрыгивала ко мне на постель и забиралась под одеяло.

Бабушка часто отсылала меня во двор, чтобы остаться одной, и начинала причитать по отцу.

Однажды я играла с Султой на лестнице. Во дворе появился какой-то человек с перепачканным маслом и сажей лицом, очевидно пришедший прямо с вокзала.

— Уж не ты ли и есть Фаничка? — спросил он.

— Я!

Он заглянул в окно, чтобы посмотреть, нет ли кого-нибудь еще в доме.

— Все там! — указала я рукой на парники с рассадой клубники.

Дедушка, увидев пришельца, отложил мотыгу и пригласил человека в дом. Поставил на стол бутылку со сливовой водкой, а мама развернула принесенный гостем сверток.

Отец прислал мне корзиночку из лыка. Он сам ее сделал и раскрасил в желтый, красный и синий цвета. В корзиночке лежали детские домашние туфли, тоже из лыка, с мартеницей[8]. До этого никто мне не дарил мартениц. Я приколола ее к кофте и помчалась на улицу, чтобы всем рассказать об отцовских подарках, напомнить всему свету, что и у меня есть отец.

Нам разрешили свидание с отцом. Мы сели в телегу, и дедушка Коста повез нас в Пловдив. Стояли уже погожие

весенние дни. На полях работали крестьяне. Они пахали, высаживали рассаду помидоров и перца, готовили землю для посева риса. Над вербами вдоль реки Марицы летали аисты.

В городе мы свернули в какие-то улочки, мощенные булыжником, и доехали до двухэтажного желтого здания с широкими воротами. Перед ним стоял полицейский с винтовкой в руке. Дедушка остановил телегу и слез, чтобы привязать коня к только что подрезанному тутовому дереву. Мама стала поправлять косынку и неспокойно оглядываться вокруг, делая вид, что все окружающее не имеет к ней прямого отношения. Я сидела в телеге, а беспокойство мамы и молчание дедушки немного пугали меня.

Мы взяли наши узелки и пошли к широким воротам. Дедушка показал полицейскому какую-то записку. Пройдя по туннелю под зданием, мы оказались в полутемной комнате. Надзиратель перерыл наши узелки, и только после этого нас ввели в комнату для свиданий с заключенными.

Отец стоял за железной решеткой. Он улыбнулся мне и подмигнул.

— Как ты выросла, Фаничка!.. Надеюсь, ты держишься молодцом?

Я не знала, что ответить. Мне очень хотелось дотронуться до отца, но руки не доставали до него. У меня перехватило дыхание.

— Не грусти. Я скоро вернусь… — сказал мне отец.

Я расплакалась. Он схватился за решетку, и улыбка его сразу исчезла. Он сказал что-то, чего я не поняла. Потом дедушка и мама стали ему рассказывать о сельских делах.

Надзиратель сказал, что нам пора уходить, но я не могла пошевелиться. Вырвавшись из рук мамы и обливаясь слезами, я крепко вцепилась в решетку. Слезы мешали мне видеть отца. Мама вытерла мне глаза, и я увидела отца, побледневшего и молчаливого, словно рассеченного решеткой на квадраты…

Через год ли, через два ли — уже и не помню — мы снова поехали на свидание. Вошли в желтое здание дирекции тюрьмы. С верхнего этажа спустился пожилой, одетый в штатское человек и остановился перед дедушкой.

— Это вы к Георгию Кацарову? — спросил он. — Никаких свиданий… Поезжайте восвояси!

Дедушка Коста положил узелок на пол.

— Да как же так мы вернемся и не увидим его? Да что вы за люди!..

Штатский побагровел и так закричал, что у меня в глазах потемнело.

— А ты на меня не ори. Я тебе не батрак! — возразил ему

дедушка. — Я на двух войнах воевал, а ты небось и пороха-то не нюхал…

— Ты воевал, а твой сын продает и тебя, и Болгарию…

Дедушка весь будто ощетинился. Он был сухопарый, но жилистый, крепкий старик. Мастерил самые добротные бочки в округе. Он сжал кулаки и потряс ими.

— Мой сын — настоящий человек, а вот ваша власть прогнила и зачервивела…

Так в тот раз мы и не увидели отца. Нам отказали в свидании потому, что отец прикрепил красный флаг к тюремной трубе.

2

Я еще не ходила в школу, когда отец вернулся из тюрьмы. Увидев отца в окно, я пустилась бегом, чтобы первой встретить его. Он вошел во двор, положил перед бочарней какой-то узел и остановился под старой грушей. Я бросилась ему на шею… Прикосновение к его лицу меня словно обожгло, а его глаза показались мне такими глубокими, как омуты на реке.

Наконец мы вошли в дом. Дедушка Коста поздоровался с отцом и больше ничего не сказал. Делал вид, что сердится. Молчал, а хитрющие глаза так и ощупывали взглядом папу.

А отец стоял посреди комнаты и держал меня за руку.

— У тебя жена и ребенок… Подумай об этом! Я уже стар, и некому о них заботиться… — проговорил наконец дедушка.

Отец ничего не ответил. Со двора примчалась мама, а за нею и бабушка. Бабушка бросилась отцу на грудь, он наклонился и поцеловал ее, потом обнял маму.

Через какое-то время за отцом снова пришли полицейские. Дедушка открыл ворота, и они ворвались во двор. Один встал под грушей, а двое с пистолетами в руках вошли в дом. Я закричала.

— Что вам надо? — спросил отец.

Полицейские показали ему листовки и небольшой плакат, а на плакате — рабочий с поднятым кулаком. Оказывается, такие плакаты расклеили на здании станции Кричим, в Полатово и других селах.

— Если меня не отпустят, забирай детей и уходи к своим, — сказал он маме и вышел.

Тогда еще была жива моя маленькая сестренка. Слабенькая, она часто болела и умерла перед самой войной. Динко и Бойка родились после нее.

Отца арестовывали еще несколько раз, но до тюрьмы дело не доходило.

Однажды, закончив работы в поле, мы собрались идти домой, но отец не пошел с нами.

— Отправляйтесь одни, — сказал он. — У меня есть кое-какие дела…

Мы пошли домой. Сели ужинать. На дворе уже смеркалось. Вдруг за селом раздались выстрелы. Дедушка Коста открыл окно и прислушался. В соседних дворах надрывались от лая собаки. Послышались какие-то голоса, а потом сразу все стихло.

Словно что-то встало у всех в горле — так никто и не притронулся к ужину. Мама убрала тарелки и вышла во двор. Дедушка погладил меня по голове и вздохнул:

— Не к добру это…

Я уснула, так и не узнав, когда отец вернулся домой.

От первых лет моего пребывания в школе у меня сохранилось чувство обиды: дети все время нападали на меня за то, что у меня отец безбожник, что он против царя. Многие сторонились меня.

Однажды поздно вечером отец вернулся из Пловдива. Бросил пальто на постель и вышел во двор. Он носил черное пальто из домотканой материи с круглым воротником. Я взяла пальто, чтобы положить на спинку стула, но во внутреннем кармане зашуршали какие-то бумаги. Я залезла в карман и нащупала маленькую газету «Работническо дело». На первой странице крупными черными буквами было написано имя Кочо Цветарова. Я прочла сообщение о его гибели и заплакала. Отец вернулся в комнату, отобрал у меня газету и отчитал за то, что лажу по его карманам.

— Так, значит, дядя Кочо убит? — спросила я.

Отец не ответил.

Кочо Цветаров часто приходил к нам в гости. С его дочерьми мы работали в саду. Старшая, Сийка, только что была помолвлена, а младшей, Доре, исполнилось столько же лет, сколько и мне. Вместе с ней мы ходили в лес по ягоды.

С этого дня меня охватил страх за отца. Я поняла, что случившееся с дядей Кочо грозит и ему.

3

Когда немцы вступили в Болгарию[9], я заканчивала седьмой класс. На дворе уже было тепло. С вершин Родопских гор к нам на равнину неслись белые облака, но, не достигнув Марицы, они таяли и растворялись к небесной синеве. От распаханной земли поднимался пар, пахло черноземом и навозом. Начались работы в парниках. Дедушка Коста с отцом обтесывали колышки, а мама с

бабушкой высаживали рассаду помидоров. Я помогала им и прислушивалась к чириканью воробьев, усыпавших ветви верб у реки. На работу вышли все жители села.

В полдень на шоссе загрохотало множество грузовиков. Старая крестьянка из Цалапицы по меже подошла к нам и закричала:

— Немцы идут!.. Такие красномордые, сытые, одетые во все новое.

Соседи побросали мотыги и пошли к шоссе. Пошла было и я, но отец меня одернул:

— Не смей ходить! Накажу!

На следующий день учительница пришла в класс без журнала.

— Сегодня у нас не будет занятий, — сказала она. — Директор приказал, чтобы мы пошли к Ортахану встречать немцев.

Все сразу зашумели — дети есть дети. Мы даже обрадовались тому, что не будет занятий. Учительница вышла из класса, мы гурьбой вывалились вслед за ней. Я даже и не вспомнила о том, что наказывал мне отец. Но когда мы построились и гомон смолк, я растерялась, вышла из строя. Учительница с удивлением посмотрела на меня, и я выпалила:

— Отец не велел мне ходить!

Учительница поняла меня. Она была добрая, знала моего отца и поэтому ничего не сказала. Но мои подружки тут же загалдели:

— Да он же тебя не увидит! Как он узнает?

Я заколебалась. Меня терзало любопытство не меньше, чем их; к тому же мне не хотелось расставаться с классом. И я пошла вместе со всеми.

У Ортахана собралось много народу. Пришел староста Кричима. Он сообщил, что прибудет какой-то немецкий генерал и остановится тут, чтобы встретиться с населением.

— Нужны цветы! Да побольше! — объявил староста.

Один из полицейских помчался на велосипеде искать в парниках розы.

Мы выстроились вдоль дороги и стали ждать генерала. Грузовики с грохотом проносились мимо нас. Ни один не остановился. Собравшиеся зашумели. Наша учительница предложила разойтись, но директор не разрешил:

— Он скоро приедет… Не может не приехать! Немцы — народ пунктуальный…

К полудню на дороге появилась колонна из десятка легковых машин — огромных, на высоких шасси. В середине колонны

двигалась красивая черная машина. С переднего сиденья соскочил молодой офицер в фуражке с высокой тульей и быстро распахнул заднюю дверцу. Из нее вышел генерал — высокий розовощекий человек. Он встал во весь рост у машины, посмотрел на нас и в знак приветствия помахал рукой.

Староста Кричима и другие наши «видные» люди подошли к нему. Генерал медленно натянул на руку мягкую лайковую перчатку и поздоровался с ними. Директор подал нам знак крикнуть «ура». Гость в сопровождении двух-трех офицеров направился к нам. Директор подошел ко мне и ткнул мне в руки букет:

— Преподнеси цветы!

Я отдернула руку, но директор сжал мне локоть и повел вперед. Немец протянул руку к цветам. Рядом с ним я сама себе показалась совсем маленькой. Кто-то преподнес ему ящик яблок. Генерал заговорил, а один из штатских начал переводить его слова, но я ничего не слышала…

Когда мы возвращались в село, я встретила деда Начо — приятеля моего дедушки.

— Давно вы у нас не были, — сказала я ему. — Идемте к нам сейчас, отец обрадуется.

Я надеялась, что в его присутствии меня, может быть, и минует кара. Он согласился и пошел со мной.

Мы вошли во двор. Отец положил топор рядом с целой кучей заготовленных колышков и встал у стены. Дед Начо поздоровался. Поздоровалась и я, но отец мне не ответил. Лицо у него было будто каменное, шея побагровела. Бабушка показалась на лестнице, вид у нее был подавленный. Дедушка Коста подозвал гостя к себе и повел его к парнику. Оставив портфель на лестнице, я пошла мыть руки, но почувствовала, что ноги меня не слушаются.

— Иди сюда! — послышался голос отца, и я замерла на месте. — Выбери себе розгу!

Перед ним валялась целая куча веток — он втыкая, их в грядки и подвязывал к ним рассаду перца.

— Папа, я не виновата!

— Иди сюда!

Он сам выбрал хворостину, и она просвистела в воздухе и больно впилась мне в спину. Я стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Это тебе за генерала!.. А это — чтобы урок пошел впрок… — Бросив хворостину, он сказал: — Ведь я же тебя предупреждал, чтобы ты не ходила туда!

Я молчала. Да и что я могла ответить?

Ни бабушка, ни мама не защитили меня. Не помогло и то, что к нам в гости пришел дед Начо.

4

В феврале 1942 года в Кричиме начались аресты. Несколько коммунистов ушли в горы. Бориса Стамболиева, молодого кудрявого парня, забрали в полицию. Я знала его по фабрике «Алка». Летом мы ходили туда на поденную работу. Он всегда хорошо одевался, ходил в красном джемпере.

Не прошло и трех дней, как разнеслась весть о том, что Стамболиев выломал решетку в окне полицейской камеры и сбежал.

Вечером над селом разразилась буря. Порывами ветра обломило огромный сук у старой груши, и он рухнул на лестницу. Со стороны цыганского квартала послышались крики женщин и детей.

Кто-то тихо постучал в окно. От такого стука у человека замирает сердце. Перепуганная мама посмотрела на меня. Мы с нею в доме оставались одни — ждали отца и дедушку, а бабушка спала на верхнем этаже. Мама открыла дверь. В комнату вошел человек в пастушьей бурке. Капюшон закрывал его лицо.

— Фаничка, дай мне воды! — сказал мужчина.

Я подала ему кружку. Мужчина напился и снял наконец капюшон. И только тогда я узнала в нем Стамболиева. На поясе под буркой у него висели граната и пистолет.

Он спросил, где отец. Мать предложила ему посидеть подождать его.

Отец вернулся незадолго до полуночи. Вместе со Стамболиевым они перешли в другую комнату и о чем-то долго разговаривали. Потом отец собрался в дорогу, и они оба вышли.

Вернулись только через два-три дня. Вместе с ними пришел еще один человек, на вид примерно лет пятидесяти. У него было плоское лицо, изрытое оспой. Голос его звучал хрипло, и говорил он невнятно, но выразительный взгляд помогал понять смысл его слов. Он был подвижным человеком, но в то же время каким-то неловким. Такими обычно бывают люди, у которых короткие руки и короткое туловище. Его ноги в обмотках чем-то напоминали вросшие в землю пни.

Как выяснилось, родом он из Крыстевичей и звать его Георгий Ликин — Дед. Прибыл из Советского Союза на подводной лодке, чтобы принять участие в организации партизанского движения в Болгарии. Большинство его товарищей,

высадившихся вместе с ним на берег, погибли еще в первых стычках с полицией. А он с оставшимися в живых двинулся к Панагюрским горам. Около Сливена их обнаружили, и они снова вели неравный бой. Остались в живых только Дед и еще один человек. Наконец он добрался до Стрелчи и установил связь с местными коммунистами. Вместе с двумя другими подпольщиками он провел зиму в землянке, вырытой неподалеку от села, а в марте отец и Стамболиев привели его в наш край.

Сколько пробыли у нас Дед и Борис Стамболиев, я уже не помню. Однажды ночью отец проводил их, и они ушли в горы.

Как-то вскоре, незадолго до рассвета, отец оделся потеплее, взял узелок с едой и ушел в заброшенный охотничий шалаш. Там он провел дней двадцать. За все это время он приходил домой в неделю не более одного-двух раз, причем буквально на минутку — только чтобы переодеться и забрать продукты. Людям мы говорили, что он уехал на заработки.

В конце марта его пришли искать из общины. Заместитель старосты вошел во двор, остановился у лестницы и спросил:

— А где Георгий? Староста разыскивает его. Какие-то там нелады с налогами.

— Нет его, — сказала мама. — Когда вернется, я ему скажу.

Заместитель старосты не торопился уходить. Глаза его так и шарили по бочарне и верхнему этажу дома.

Мама поняла его игру.

— О каких это еще налогах вспомнил староста? Да мы уже все заплатили, — сказала она, чтобы поставить его в неловкое положение.

Посетитель пожал плечами:

— А я почем знаю…

Стало ясно, что отца разыскивают не из-за налогов. Просто хотели узнать, где он, чтобы схватить его. Но отец решил им не даваться, поэтому-то он и ушел в горы.

На следующий день из Пловдива на мотоциклах приехали полицейские и агенты. Они окружили наш дом, ворвались внутрь и перевернули все вверх дном. Один из них — низенького роста, с брюшком — отвел дедушку в сторону и начал его допрашивать. О чем только он его не спрашивал! Дедушка на первые вопросы ответил, а потом заупрямился. Тот задает вопросы, а дедушка молчит.

Полицейский встал и резко оттолкнул стул:

— У тебя боевые ордена! А вырастил разбойника!

Закончив обыск, полицейские ушли. Увели с собой на допрос дедушку Косту и маму, а около нашего дома собралась целая толпа зевак — чуть ли не весь наш квартал.

С тех пор, как только в селе слышался звук мотора, мы вместе с Динко и Бойкой замирали от страха. А они приезжали каждый месяц или через месяц. Однажды ворота оказались открытыми, и полицейские въехали прямо во двор. Куры бросились врассыпную, Динко и Бойка разревелись. Один из полицейских чуть не наехал на Динко — нарочно, чтобы напугать мальчугана. Тот отскочил, упал. Из носа у него потекла кровь.

5

В мае отец впервые спустился с гор и явился домой. Вместе с ним пришли еще двое партизан. Две ночи провели они у нас в большой комнате на втором этаже, но от постелей отказались. Попросили, чтобы принесли им рогожки, которыми укрываем рассаду помидоров. На третью ночь ушли.

Они ушли, а бабушка поднялась наверх, упала на рогожки и заплакала.

От всех переживаний с ней вскоре случился удар, и ее парализовало. Прожила бабушка после этого меньше месяца и умерла, а ей ведь еще не исполнилось и пятидесяти пяти лет. Мы тяжело переживали ее смерть.

В другой раз к нам в дом пришло пятеро или шестеро партизан. Мы принесли им те же рогожки, и они улеглись прямо на полу. Утром я отнесла им таз с водой, чтобы они умылись.

— Вытащи из сундука полотенца и простыни, — сказал отец. — И сшейте из них рубашки, портянки и небольшие мешки…

Я ушла в другую комнату и стала рыться в сундуке. Мать пошла к отцу.

— Мне бы не хотелось трогать это белье, — сказала она ему. — Это же приданое Фани.

Отец рассмеялся:

— Когда дело дойдет до свадьбы, приданое мы ей соберем за один день…

Несколько дней мы ухаживали за нашими гостями. Перестирали им белье. Мама сшила для них больше двадцати рубашек, приготовила много портянок и других вещей. По ночам отец выходил в село, встречался с кем-то и возвращался домой.

6

Осенью 1943 года арестовали дедушку Косту и увезли в

областное управление полиции. Они там дознались, что в селе он один из главных помощников партизанского отряда. Деда долго мучили, но он так им ничего и не сказал. Его выпустили, но не разрешили вернуться в село, а сослали куда-то в Северную Болгарию.

Когда его арестовали, и нас выгнали из дому. Опечатали все двери, а ночью выставили около дома полицейские засады. Нас приютил у себя мой дядя.

Через неделю после этого отец спустился с гор вместе с пятью партизанами и направился к дому. Ночи стояли темные, дождь лил не переставая. Над холмами вокруг села совсем низко клубились облака. Село погрузилось во мрак и казалось вымершим.

Партизаны пересекли поле и вошли в село. Отец шагал впереди, а остальные следовали за ним в двадцати шагах. Он двигался медленно, после каждого шага оглядывался и прислушивался. Когда подошли к нашему двору, отец остановился в тени покореженного бурями вяза. У самого перекрестка показались силуэты двух людей. Один из них шел прямо на отца.

— Руки вверх! — крикнул отец.

Человек поднял руки. Отец отобрал у него оружие. Оказалось, что это наш односельчанин. Его вместе с другими жителями села заставили патрулировать около нашего дома. Он предупредил отца, чтобы тот больше не приходил домой, потому что поблизости полицейские устраивают засады.

От него отец узнал, что дедушку арестовали, а нас выгнали.

Потом через дядю мы получили письмо.

> «…Подлый и жестокий враг не пожалел и вас. Он вас преследует, доводит до слез, но слезы не минуют и врагов, — ободрял нас отец. — Будьте горды тем, что вы участвуете в борьбе, которую оценят будущие поколения».

Как полиция узнала об этом, я до сих пор не пойму. Но из-за этого письма арестовали дядю, избили до полусмерти и тоже выслали из родного села.

В праздник святого духа в нашем селе устраивались большие гулянья. В этот летний день в поле не встретишь ни души. Принарядившиеся крестьяне собирались на лугу между селом и станцией Кричим. Люди рады были случаю забыть о своем горе и повеселиться. Приходило много жителей и из соседних сел. Но в тот год в праздник святого духа случилось такое, что потрясло всех.

На рассвете село всполошилось от взрывов гранат. В роще около Марины застрочили пулеметы и автоматы. Я вскочила с постели и увидела, что мама стоит перед открытым окном и плачет. Она повернулась ко мне, но глаза ее как будто не замечали меня. Косы обвили ее шею.

— Убили его! — с трудом произнесла она.

Накануне вечером она встречалась с отцом в саду около дядиного дома. Выяснилось, что вместе с ним пришли и другие партизаны. Днем они должны были укрыться в роще около Марицы.

Утром все говорили о перестрелке в роще. Разнесся слух, что кого-то из партизан схватили, а большинство убили.

К полудню нашу маму было не узнать — она на глазах поседела. Мама не плакала, ни с кем не разговаривала. Динко и Бойка все время крутились около нее.

Страшнее всего была неизвестность. Откуда-то издалека доносилась жалобная мелодия волынки и монотонная дробь барабанов. В доме стало невозможно дышать, нам просто не хватало воздуха.

Я не могла и не хотела поверить, что отец убит, и настояла на том, чтобы выйти и разузнать, что же произошло.

Оделась и пошла на гулянье. Между лотками сновали веселые парни, а среди них и сын одного из сельских богатеев. Решила выведать у него.

— А какой фейерверк устроили в честь праздника! — сказала я.

Парень ответил:

— Стреляли из-за партизан. В роще их обнаружили…

— Выдумки, — возразила я.

— Ничего себе выдумки! Убитые все еще лежат в роще. Одного схватили живым. Все они не из нашего села…

Вокруг меня все поплыло — и люди, и лотки, и деревья. Может, и правда?.. Значит, отца там не было? Я старалась не выдать своего волнения. Парень так и не понял, что у меня на душе.

Я незаметно улизнула и побежала домой. Бежала изо всех сил. Хотелось как можно скорее успокоить маму, Динко и Бойку.

Потом мы узнали, что незадолго до перестрелки в роще отец вместе с несколькими товарищами ушел на какую-то встречу в село Мало-Конаре. Это и спасло его тогда от гибели.

Поздно осенью нам разрешили вернуться в свой дом. Освободили и дедушку Косту. Мы еще не успели устроиться, как пришел отец с двумя партизанами.

Они немного отдохнули и поели. Товарищи отца настаивали на том, чтобы скорее уходить, но он не торопился. Мы вышли в коридор, и отец заговорил со мной:

— Времена настали суровые… Со мной все может случиться. Поэтому я хочу, чтобы ты была твердой и рассудительной. Несчастье может произойти и с дедом, и с матерью. Тебе придется позаботиться о Динко и Бойке. Они ведь совсем еще дети.

Я хотела что-то сказать, но он перебил меня:

— Мне очень жаль, что тебе не удастся продолжить свое образование… Но эта беда поправимая. Победа уже недалеко. Тогда и наверстаешь упущенное.

Мы стояли в темноте, отец говорил медленно, обдумывая каждое слово. Было слышно, как он дышит.

В его словах я никогда еще не чувствовала столько тревоги и заботы о нас. Это меня привело в замешательство. Но в то же время я испытывала гордость оттого, что отец разговаривал со мной как со взрослой.

Отец очень переменился, даже внешне. В его густых волосах появились серебристые пряди, а лицо избороздили глубокие морщины.

8

В середине января через станцию Кричим проехали грузовики с войсками и жандармерией. В Козарско и других селах начались аресты. В конце января у нас в селе стали рассказывать, что через Козарско, Пештеру и другие населенные пункты проезжал грузовик с насаженной на кол головой партизана. Об убитом говорили, что он человек, видно, крупного сложения, у него кудрявые волосы, лицо с широкими скулами. Люди рассказывали об этом, а у нас сердце обливалось кровью…

Осенью, когда отряд ушел в Батакские горы, отец остался руководить боевыми группами около Пловдива и Кричима. После Нового года он встретился с командующим Третьей оперативной зоной Методием Шаторовым и секретарем окружного комитета партии. После этого сразу вернулся в Кричимскую партизанскую группу.

23 и 24 января полиция произвела массовые аресты в селе Жребичко. В это время дул теплый ветер, глубокий снег стал рыхлым и мягким. Вечером в землянку пришел Борис Стамболиев

и доложил об арестах. Тогда решили выбраться из этих мест.

Утром группа покинула землянку. Последний в цепочке партизан тащил за собой связку терновника, заметая следы на снегу. Когда они поднялись на вершину Валчан и посмотрели вниз, то увидели, что вся гора почернела от мундиров полицейских и жандармов. Те открыли огонь из пулеметов.

Кругом все было покрыто глубоким снегом, и лишь на самом хребте чернела земля. Партизаны рассредоточились и направились туда. Но преследователи обогнала их и встретили на вершине огнем из пулеметов.

Части партизан удалось перебраться через хребет на другую сторону горы, но отец шел последним. У самой вершины он свалился на свою котомку и простонал:

— Ну, со мной кончено…

— Что с тобой? Куда тебя ранило? — крикнул Борис Стамболиев — он находился на некотором расстоянии от отца и приблизиться к нему никак не мог. Пулемет не переставая обстреливал этот участок, срезая с деревьев ветки, падавшие на снег.

— Уходи! Мне уже нельзя помочь… — проговорил отец, и голова его безжизненно упала в снег.

Через два дня товарищи пришли на это место похоронить его.

9

Наступило 9 сентября. Вместе со всеми мы с цветами пошли встречать партизан. В наших сердцах все еще теплилась искра надежды на то, что, возможно, отец жив. После боя около села Жребичко его товарищи не решались сказать нам правду. Распространился слух, что он остался жив и налаживает связь с югославскими партизанами.

Партизаны приехали на грузовике. Один из них взобрался на кабину грузовика, поднял руку, и народ сразу же смолк.

— Братья! За нашу свободу погибли лучшие из нас… Почтим же память Георгия Кацарова…

Я пошатнулась. Цветы выпали из рук. Называли и другие имена, но я уже ничего не слышала. Кто-то подхватил маму под руки и повел домой…

Когда Фаня рассказывала мне о последнем походе отца на вершину Валчан, она уже была замужем и имела детей.

Со времени этого трагического похода прошло много лет, но она, все еще боясь страшного смысла слов, так и не решилась

рассказать мне о том, в каком состоянии товарищи отца нашли его: он лежал босой, обезглавленный, с растерзанной грудью. Это я узнал уже от других.

Мы смотрели в глаза друг другу и видели в них выражение острой, непроходящей боли. Для нее Георгий Кацаров был отцом, для меня — товарищем и наставником, с которым я провел в отряде имени Антона Иванова полтора года. Да, это время требовало сильных, в чьих жилах текла не водица, а настоящая кровь, ценою которой только и можно было добыть свободу.

ПОХОД В БЕССМЕРТИЕ

Из Батака[10] приходили невеселые новости. На ноги подняли всю полицию в области. 2-я Фракийская дивизия сосредоточивалась в районе Батакских гор. В Брацигово расквартировался карательный отряд подполковника Янева. Комендантом Батака назначили капитана Динева, вскоре прозванного «черным капитаном».

Всякий террор, как правило, рождает своего «черного капитана»…

25 января во двор брациговской школы, где размещался штаб карательного отряда, вошел мужчина лет сорока, высокий, слегка сутулый, с продолговатым лицом и резко выделяющимся кадыком. Часовой, стоявший перед зданием штаба, потребовал у него документы. Незнакомец расстегнул пальто и вынул удостоверение личности.

— Георгий Стоилов из Батака. Торгую лесоматериалами, — сказал он часовому. — Хотел бы поговорить лично с господином подполковником.

Часовой открыл дверь и крикнул в коридор, чтобы позвали дежурного офицера. Прежде чем войти к Яневу, Стоилов поправил галстук и снял шапку.

— Что вам угодно, господин Стоилов? — с явным раздражением спросил Янев и уставился на него своими зеленоватыми глазами.

Для Янева все жители Батака были олицетворением непокорства и антигосударственной деятельности.

На смуглом лице торговца проступили коричневатые пятна.

— Я хочу сообщить вам кое-что важное, господин подполковник. Настоящий коммерсант должен помогать армии…

Янев прищурился, наклонил голову, и его круглое мясистое лицо побагровело.

— Прошу! Садитесь.

Стоилов сел, положил шапку на колени и оглянулся на дверь.

— Подпоручик, ко мне никого не пускать! — приказал Янев адъютанту.

Офицер звякнул шпорами и вышел из комнаты. Стоилов пододвинул свой стул ближе к письменному столу и заговорил полушепотом:

— Господин подполковник, я политикой никогда не интересовался. Занимался только торговлей… Но в прошлом году в ноябре позвал меня к себе бухгалтер молочной кооперации Тоско Ганев и сказал, что партизаны требуют с меня сто тысяч

левов. Показал расписку, и мне оставалось отсчитать эти деньги. Через несколько дней я отправился в город Пещеру. В кондитерской мы встретились с Ганевым, и я дал ему пятьдесят тысяч левов…

Стоилов все посматривал на Янева, а подполковник уставился куда-то в сторону и машинально крутил в пальцах авторучку. Стоилов почувствовал, что за кажущейся небрежностью тот пытается скрыть свои истинные чувства.

— Думал сообщить об этом властям еще тогда, — продолжал он, — но побоялся. Власть наша в Батаке, да и в Пещере, довольно слабая, у нее не хватает сил бороться с партизанами. Говорю об этом сейчас потому, что считаю, что только армия — настоящая сила…

Янев ухмыльнулся, одобрительно кивнул и развалился на стуле.

— Тоско Ганев… Значит, так зовут этого человека из кооперации?

— Да, так, — поспешно ответил Стоилов.

Янев записал что-то в лежавший перед ним блокнот.

— Вы правильно поступили, господин Стоилов. Это в ваших интересах…

Торговец вздохнул с явным облегчением: в голосе подполковника исчезла прежняя враждебность.

— Вы вернетесь в село, — услышал он дальше, — и будете наблюдать за Тоско Ганевым. Как только заметите что-нибудь, тотчас же сообщите мне…

Успокоенный, довольный, Стоилов вернулся в Батак. А через неделю подполковник получил с таким нетерпением ожидаемое сообщение:

> «Связи Тоско с партизанами установлены. Арестуйте его, и он вам обо всем расскажет».

Так произошло предательство. 14 февраля полиция арестовала секретаря партийной организации Тоско Ганева, а затем и почти всех активных коммунистов и помощников партизан в Батаке.

Их пытали в течение нескольких дней, и в результате удалось выяснить, что отряд находится где-то около истоков Белой реки, в 6—7 километрах от Батака, и что в нем примерно сто пятьдесят человек. Янев разработал план блокады и прочесывания этой местности, но трагический ход событий опередил его…

Из-за блокады и глубокого снега отряд оказался в полной изоляции. Запасы продуктов кончились еще 25 января, и наступил голод — двадцать пять дней подряд по одной-две ложки

жидкой мучной каши в день! Лица у людей пожелтели, осунулись, темные круги появились под ввалившимися глазами.

Командование отряда послало в Батак Георгия Чолакова вместе с пятью партизанами, чтобы организовать доставку продуктов. Потянулись дни тягостного ожидания: один, другой, третий…

Наконец группа вернулась, но принесла нерадостные вести. В Батаке собрали продукты для отряда, но не было возможности их вывезти. Жандармерия блокировала село. Все дороги тщательно охранялись. Враг понимал, что существование отряда невозможно без связей с населением. Прерывая эти связи, противник стремился вынудить голодных партизан спуститься в село.

В безвыходном положении иногда ищут спасения в самых абсурдных решениях. Командование отряда имени Антона Иванова отобрало тридцать семь самых выносливых партизан, с тем чтобы послать их во главе с Георгием Чолаковым в Батак за приготовленными для партизан продуктами.

Утром 21 февраля лагерь на вершине Калыч-Борун ожил еще до рассвета. Отряд провожал группу Чолакова в Батак в надежде на то, что она принесет продукты и спасет отряд от голодной смерти. Посланные спустились по снежному склону друг за другом на самодельных, наспех сделанных лыжах.

Батак встретил партизан зловещей тишиной. Только кое-где мерцал в окошках свет. Село выглядело опустевшим, и это вызвало у партизан растерянность, но никто об этом не обмолвился ни словом.

В тот день было совершено еще одно предательство. Ангел Янев, тоже торговец-оптовик, сообщил капитану, что в селе собрали продукты для партизан, и указал, в каких домах они припрятаны. Не подозревая об этом, партизаны к одиннадцати часам вечера проникли в село. Они укрылись на сеновале около Старой реки. Сеновал находился на втором этаже, а под ним был хлев, в котором держали скот. Там было тепло, и уставшие партизаны решили немного вздремнуть.

Георгий Чолаков и еще несколько партизан из Батака направились к дому старого коммуниста Петра Янева, чтобы договориться о том, как вынести продукты, но оказалось, что того уже арестовали.

Вдруг в селе раздалась оглушительная стрельба. Партизаны наткнулись на военный патруль, и завязался бой. В это время полицейские и жандармы, спрятавшиеся в крестьянских дворах, открыли огонь по сеновалу, где оставалось большинство партизан. Выбраться оттуда было невозможно. Георгий Чолаков бросился выручать своих. На сеновале услышали очереди его

автомата, а потом и его голос:

— Выходите!.. Бегите к ограде и держите школу под обстрелом!..

Хотя кругом свистели пули, партизаны покинули сеновал и открыли огонь в направлении школы. Оттуда доносились команды, автоматные очереди, пулеметная стрельба. Над селом повисли осветительные ракеты, и в их мертвящем зеленоватом свете казалось, что дома прижались к земле.

— Поддерживайте огонь! А мы проберемся в село за продуктами! — приказал Георгий Чолаков. Но прежде чем он отправился к дому Петра Янева, с южной стороны сеновала подкралась группа жандармов. Карательный отряд начал окружать партизан. Стрельба около школы усилилась, откуда-то донеслись крики детей.

Тогда Георгий Чолаков приказал отступать.

Встревоженные, подавленные своей неудачей, партизаны направились вверх по Старой реке. Погруженный в темноту и оцепеневший от ужаса Батак остался позади.

В урочище Тырновица партизаны остановились отдохнуть и разожгли костры. Одни разулись, чтобы высушить носки и обмотки, другие сняли с себя рубашки, не подозревая, что жандармы преследуют их по пятам. Снег под ними слежался, и они оказались словно в ямах. Над этими ямами вдруг засвистели пулеметные очереди. Партизаны прижались к заснеженной земле, кое кто в испуге пустился бежать.

— Спокойно, товарищи! Разобрать оружие — и ко мне! — раздался заглушаемый стрельбой голос Георгия Чолакова.

Партизаны ответили на огонь, а потом Георгий Чолаков, Илия Чаушев, Георгий Ванчев и Атанас Кынев поднялись в атаку.

Жандармы отступили вниз по склону. Партизаны бросились за ними, торопясь забрать свою одежду и обувь, сушившуюся у самых нижних костров. Но когда они добрались до них, Атанас Кынев схватился обеими руками за живот и упал ничком. Рядом с ним со стоном свалился и Илия Чаушев — пуля разорвала вену на шее и из раны хлынула кровь. Кольо Гранчаров остановился помочь Илие, но почувствовал, что его сапог наполнился кровью: его самого ранили в ногу. А Георгий Чолаков, без шапки, в расстегнутом кожухе, промчался мимо них с криком:

— Вперед!.. Бей их!..

Чолаков пытался выйти в тыл жандармам. Он не замечал ничего вокруг, ломая, как медведь, ветки. За ним вился снежный вихрь. И вдруг он рухнул как подкошенный.

— Убили! Гады! — простонал он. — Найден![11] Найдьо!.. Кто-нибудь, подойдите ко мне!..

Несколько партизан, среди них и Георгий Ванчев, приблизились к нему.

— Это ты, Найдьо? — слабея, едва слышно спросил Чолаков окруживших его партизан. — У меня здесь деньги. Возьмите их. Возьмите автомат… Пристрелите меня и уходите!

Он передал им находившиеся при нем деньги и автомат, а они решили оставить ему заряженный карабин Георгия Ванчева.

Покинутые партизанские костры постепенно угасали. Только один из них все разгорался, рассыпая вокруг себя искры. Его пламя освещало соседние деревья, отяжелевшие от снега.

В сумерках зимней ночи мелькали силуэты пробегавших партизан. А Георгий Чолаков лежал неподвижно. Лица умирающих как бы уменьшаются. Опало и лицо Чолакова. Он лежал в расстегнутом кожухе, со слипшейся прядью волос на лбу.

— Давай мы тебя понесем, — нерешительно проговорил Георгий Ванчев.

— Не надо. Все равно мне конец, Найдьо… Уходите!

Георгий Ванчев еще глубже нахлобучил кепку на лоб, чтобы умирающий не видел его глаз.

Георгию Ванчеву оставалось самое трудное — выпрямиться, повернуться и уйти. Он попытался что-то сказать, но спазмы сдавили горло. Он резко повернулся и пошел. Обошлось без объятий, без лишних слов. В эту ночь в снегах Батакского хребта началась трагедия, потрясшая весь народ.

Удалявшиеся партизаны услышали одинокий выстрел, потом эхо автоматной очереди. Никто не обмолвился ни словом.

Они знали, что Георгия Чолакова уже нет в живых, что одинокий выстрел — это его последний выстрел в темные очертания приближающегося силуэта. Силуэт бесшумно упал на снег, а где-то в стороне от него вспыхнули зловещие огоньки. Георгию вроде бы следовало услышать их трескотню, но он ее не слышал. Огоньки разгорелись в ослепительное пламя, а затем наступила непроглядная тьма, в которую Георгий начал погружаться все глубже и глубже…

В лагере под Калыч-Боруном услышали стрельбу, услышали ее и со стороны Батака, и со стороны Тырновицы. Партизаны, охваченные тяжелыми предчувствиями, приуныли.

Когда Георгий Ванчев, раненые Илия Чаушев и Атанас Кынев, а также остальные тридцать четыре партизана прибыли в лагерь, они застали весь отряд в тревожном ожидании. В лихорадочно блестевших от бессонной ночи глазах они улавливали немой вопрос: «Принесли ли вы продукты?»

Дед подошел к группе вернувшихся.

— Где Чолаков? — спросил он Георгия Ванчева.

Губы Ванчева задвигались, но он не смог произнести ни звука.

У бай[12] Кольо, брата Георгия Чолакова, сильно забилось сердце. Он был суровым, крепким человеком и тут не издал ни звука, только плечи у него начали вздрагивать…

Оставленный партизанами след был едва заметен в снежной белизне. Только кое-где темнели кровавые пятна — кровь Атанаса Кынева и Илии Чаушева.

Отряд собрался в путь. Вперед вышел Дед, сгорбившийся под тяжестью рюкзака, а рядом с ним комиссар отряда Димитр Петров — Марии. Петров обратился к партизанам, сказав всего несколько веско прозвучавших слов:

— Товарищи! Может быть, пришло время умирать… Запомните: коммуниста узнают перед лицом смерти!

Партизаны молчали. Несколько человек подняли кулаки: «Смерть фашизму!»

Отряд тронулся в путь. В колонне, кроме Георгия Чолакова, отсутствовал и раненый Атанас Кынев. Он сам настоял на том, чтобы его не брали с собой. Завернутый в полушубок, Атанас лежал в одной из покинутых землянок. Рядом с ним оставили флягу, кружку с несколькими ложками меда и заряженный пистолет. Он закрыл глаза, чтобы ничего не видеть, и старался сдержать рыдания. Дышал тяжело, со свистом. Нос у него заострился, лицо побелело.

Отряд вступил в Родопский лабиринт в надежде, что удастся скрыть свои следы или же добраться до освободившейся от снежного покрова земли. От этого зависело спасение отряда. Началась тяжелая борьба с глубокими сугробами. Огромных усилий стоило проложить в глубоком снегу тропинку в сотню метров. Идущие впереди менялись через каждые сто метров.

Во время одного из привалов кто-то из арьергарда крикнул:

— За нами идет человек!..

Все вскочили и стали всматриваться. Кто-то, сгорбившись, помогая себе сосновой палкой, подходил к ним по тропинке. Покачиваясь, чуть не падая, он шаг за шагом упорно продвигался вперед.

Его узнали — Атанас Кынев!

Несколько партизан бросились к нему навстречу и на руках принесли к остальным.

— Хочу умереть среди вас…

Он обливал потрескавшиеся губы и попытался улыбнуться.

Отряд остановился на ночевку у Карлыкской реки. Изнемогающие от усталости и голода партизаны улеглись вокруг костров. Попытались уснуть, но тела коченели от холода. Жена

Георгия Ванчева и еще несколько партизанок всю ночь ухаживали за раненым Атанасом Кыневым.

В последующие дни отряд продолжал свой поход на юг. Пришлось переходить через глубокие овраги, вершины, бурные потоки. Люди были вконец измотаны, истощены, но в их душах теплилась надежда на спасение, и она заставляла их идти вперед.

24 февраля предприняли отчаянную попытку запутать свои следы. Десяток человек пошли по Карлыкскому шоссе, чтобы протоптать ложную тропинку до дорожек, проложенных местными жителями. Затем отряд перешел по горбатому мосту через Дамлы-дере и направился к Катранджи-дере. Тодор Коларов и еще несколько человек остались дожидаться людей, прокладывавших ложные следы. Когда те вернулись, они попытались сломанными ветками замести следы колонны.

25 февраля отряд решил сделать дневку с отдыхом в Медвежьем ущелье. Прошло несколько часов, и надежда на то, что врагу не удалось обнаружить подлинные следы, окрепла; ощущение обреченности начало исчезать, люди заметно оживились. Впервые отряд получил целый день отдыха.

После полудня пришел Петр Марджев и сообщил, что полиция идет по их следам и уже приближается. В связи с продолжительной блокадой в горах не было никаких других следов, кроме оставленных партизанами. Отряд снова двинулся на юг. Когда последняя группа покидала лагерь, лес огласили звуки выстрелов. Группа прикрытия вступила в бой.

В этом бою погиб Атанас Кынев.

Ночью партизаны подошли к лесничеству Белмекен в надежде найти пять мешков муки, спрятанных во время одной из осенних операций, но ничего не нашли. Выпавший снег так изменил все вокруг, что даже местные жители из Батака не смогли узнать деревья, на которых были спрятаны спасительные мешки.

В ту же ночь отряд наткнулся на сильную засаду и изменил направление своего движения: вместо того чтобы двигаться на юг, он повернул на северо-восток в надежде добраться до оттаявшей земли около реки Выча.

26 февраля отряд занял позицию около моста Кемера с намерением дать решительный бой полиции, но преследователи не приняли боя. Они шли за партизанами по пятам и ждали, когда холод и голод сделают свое дело.

Серьезный бой завязался во второй половине дня на вершине Еклен. Укрывшись за могучими стволами елей, по грудь утопая в глубоком снегу, партизаны из отряда имени Антона Иванова поджидали врага. Дед приказал беречь патроны, выждать, пока

противник подойдет совсем близко, и тогда стрелять в упор. Полицейские осторожно приближались. Они и на сей раз хотели отделаться стрельбой с дальней дистанции, но прицельный огонь партизан принудил их пуститься в паническое бегство. На снегу остались трупы нескольких полицейских. Этот успех вернул партизанам веру в благополучный исход отчаянного похода.

27-го вечером и 28 февраля отряд снова вел бои против двух сильных полицейских засад, организованных на пути его следования. Намерение партизан 28 февраля войти в село Фотен, запастись продуктами и отдохнуть оказалось неосуществимым, так как в селе и его окрестностях расположился отряд жандармерии. Оставалась единственная возможность спастись: с боями, пробить себе путь к незаснеженным просторам на противоположном берегу Фотенской реки, затем форсировать бурную Вычу и вступить в горные отроги северо-западнее Персенка.

29 февраля в скалистом ущелье у реки весь день шел ожесточенный бой. Несмотря на отчаянное сопротивление партизан, отряд оказался разрезанным на две части. С хребта непрестанно спускались новые войсковые и полицейские части. Отовсюду доносились пулеметные очереди, но окруженные партизаны продолжали сражаться. Многие из них погибли в этот день.

Штаб отряда с пятьюдесятью партизанами сумел вырваться из вражеского окружения и продолжить свой путь к Выче. В сумерки они добрались до глубокого оврага и остановились там на короткий привал. Ночью по приказу Деда Атанас Ненов и с ним семнадцать партизан и партизанок отделились от остальной группы и направились в Брациговские горы, чтобы там искать спасения. С ними договорились о нескольких встречах около Кричима в марте и апреле. Но останутся ли они в живых, чтобы явиться на эти встречи, было неизвестно. Прощание было печальным. Восемнадцать силуэтов растворились в сгущавшемся мраке… Остальные партизаны пошли по оврагу к Выче.

Человек десять отстали от ядра отряда. За ними послали Георгия Серкеджиева, но поиски не дали результатов. Ночь стояла непроглядная, а непосредственная близость шоссе требовала соблюдения полной тишины. После полуночи оставшиеся спустились к Выче и, держась друг за друга, вступили в ее ледяные воды. Течением их сбивало с ног и уносило вниз. Раньше всех на противоположный берег выбрались Иван Дойков, Костадин Крыстанов и Георгий Тодоров. Остальные несколько раз пытались перейти реку, но это удалось только Илие Крыстеву и Христо Чобанову. Двоих партизан унесло течением, остальных на

рассвете обнаружили на берегу полицейские, и они были убиты.

Штаб отряда и следовавшие за ним человек тридцать партизан попытались перейти Вычу по мосту, но наткнулись на сильные засады. Не ответив на огонь, партизаны в темноте свернули к берегу реки, надеясь перейти ее вброд. Но водная стихия разбушевалась: бурные паводковые воды с ревом бились о скалы, волоча деревья, камни и пни. Всю ночь искали брод, но не нашли. Перед рассветом партизанам пришлось снова карабкаться по скалам над рекой.

1 марта утром на Девинском шоссе показались десятки военных грузовиков. Они подвозили все новые подкрепления карателей. На всех тропинках и хребтах появились полицейские и жандармы. В небе кружили самолеты. Группу штаба отряда окружили в Сухом овраге. Затрещали автоматы, засверкали молнии минометов, раздались взрывы гранат.

— Экономьте патроны! — крикнул Дед. — Каждый патрон дороже золота!

Место оказалось открытое: кое-где торчали еще голые кусты да редкий можжевельник. Партизаны укрылись среди камней и во впадинах. Командир отряда забрался на одну из скал, в бинокль рассматривая жандармские цепи. Рядом разорвалась мина. Он отполз вправо и снова, несмотря на огонь из пулеметов и минометов, встал во весь рост. Напрасно он искал возможность вывести из окружения и спасти то, что осталось от отряда.

В Сухом овраге погибли командир отряда Георгий Ликин — Дед, комиссар Димитр Петров, начальник штаба Иван Филев и еще двадцать пять партизан и партизанок. Остались в живых только трое.

Через несколько дней около Брацигово в тяжелом бою погибли оба брата Чаушевы, а неподалеку от полуразвалившегося черепичного завода попали в окружение Атанас Ненов, Лев Желязков и Паница Семерджиев. Первым погиб Лев Желязков, а Атанаса Ненова тяжело ранило. С помощью Паницы ему удалось выбраться из развалин черепичного завода, и они оба укрылись среди скал в урочище Балювица. Но жандармы и там их обнаружили. Погиб Атанас Ненов. Паница остался один и продолжал вести бой, пока у него не кончились патроны. Тогда среди звуков выстрелов раздалась мелодия «Интернационала»: встав во весь рост на скале, играя на губной гармошке, которая всегда лежала у него в кармане, Паница встретил смерть.

Погибло и большинство партизан из группы Атанаса Ненова. Нескольких из них поймали и продолжительное время подвергали пыткам. Им показывали отрезанные головы их убитых товарищей, чтобы сломить их дух. Однажды ночью партизан

вывели из Батака и расстреляли. Петр Марджев и его сын стояли рядом под дулами винтовок…

Я не участвовал непосредственно в этих событиях, но слух о них доходил до нашего отряда, также попадавшего в засады в Чепинских горах. Мы тоже вели бой с врагом и оставляли на своем пути убитых товарищей. До нас доходили трагические вести о жестоких расправах, и по многим признакам мы понимали, что это не ложь. Тогда мы забывали о своих страданиях. Наше общее с отрядом имени Антона Иванова прошлое казалось нам уже далекой былью, но, несмотря на это, нас мучила острая боль невозвратимых утрат…

Меня, наверное, не обвинят в преувеличении, если я скажу, что отряд имени Антона Иванова тогда являлся самым крупным и, быть может, самым сильным из партизанских отрядов. Он был сравнительно хорошо вооружен: кроме винтовок и пистолетов располагал двумя пулеметами и автоматом. Отряд имел и большой боевой опыт. Разгром этого отряда стал трагедией для партизанского движения, для всего народа. Причины этой трагедии теперь нередко ищут только в слабостях командования отряда, в потере связи с населением и плохой разведке. Да, причины эти существовали. Но справедливость требует обратить внимание и на условия, в которых оказался отряд отнюдь не по вине своего руководства. Совесть обязывает меня заявить о необходимости объективной и непредвзятой оценки деятельности командования отряда, нельзя во всем винить его. Мы обязаны с признательностью и почестями относиться к памяти погибших, к подвигу этого отряда, а вместе с этим и к людям, которые вели его в последний поход.

Такова трагическая хроника событий. Сто тридцать три человека были убиты… Окоченевшие трупы в глубоком снегу Батакских гор, обагренные кровью горные потоки… Тихие ночные села и полицейские засады на дорогах. И волчий вой, замирающий в ночи. И неистовый ветер, дующий со снежных хребтов…

А Батак будет ждать своих земляков — их было двадцать два партизана. Жены будут ждать своих мужей, дети — отцов, но не дождутся: они отправились в дальний страшный путь, откуда нет возврата, но который приводит к бессмертию в памяти народа.

СЛЕДЫ ЗАПЕКШЕЙСЯ КРОВИ

1

Пасмурное и холодное зимнее небо нависло над Батаком. На улицах редко показываются прохожие. Трактиры и кофейни посещают только жандармы и полицейские. И не потому, что в селе не стало людей, наоборот — всех, даже тех, кто работал в лесу, согнали в село. С тех пор как появился капитан Динев, ни один человек не имеет права выйти из села. Скотина дохнет с голоду, потому что жители Батака с незапамятных времен привыкли держать сено на сеновалах возле покинутых лесопилен в горах или в кошарах на голых холмах Илиджика. В лесах над Петровской грядой появились волки. Их неистовый вой по ночам не дает покоя. Охрипших от лая собак невозможно удержать на привязи.

По утрам Чолаковы и Чаушевы озабоченно ищут волчьи следы, но натыкаются только на следы жандармских постов и засад. Нет, не отвыкли жители Батака от крепкой ракии и красного вина. Но в эти страшные зимние вечера 1944 года они редко появляются в кофейнях и трактирах. Предпочитают оставаться у себя дома.

Капитан в одиночестве наслаждается охватившим весь Батак страхом и оцепенением. Это усиливает в нем обманчивое чувство, что он держит в руках здешних горцев.

Агенты капитана выявили людей, связанных с партизанами, и некоторые из них уже попали, к нему в руки.

В конце января забрали Васила Пелева, перевозившего осенью из пловдивских сел в Батакские горы продукты для партизанского отряда. Через два-три дня схватили и других. Их сразу же увезли в Брацигово. Среди них был и Алексий Климентов.

Полицейские располагали сведениями, что Климентов — один из руководителей коммунистов. Поэтому-то они и хотели любой ценой заставить его заговорить. Климентова так избивали, что превратили его тело в кровавое месиво. Не оставили ни одного ногтя на пальцах, ни одной целой, несломанной кости — словно пропустили между мельничными жерновами. Но он не промолвил ни слова. 8 февраля Климентова вместе с несколькими помощниками партизан из Козарско вывели из камеры и расстреляли за селом. Трупы бросили в снегу на съедение волкам и лисицам.

Не все арестованные упорно молчали и уносили свою тайну в могилу — кое-кто не выдержал. 12 февраля схватили Тоско Ганева, Петру Джамбазову и вместе с ними еще нескольких коммунистов и помощников партизан.

В штабе 2-й Фракийской дивизии остались довольны капитаном Диневым.

— Начал ты хорошо, — похвалил какой-то генерал капитана. — Продолжай в том же духе…

Лет десять назад, когда капитан получил первое офицерское звание, царь, вручая ему именные часы, сказал:

— Мои враги — это и враги Болгарии. Помните об этом.

Капитан не забыл слов царя, сказанных в большом зале военного училища с его высокими потолками, украшенными лепкой с позолотой.

— Клянусь быть беспощадным с ними! — ответил он, не догадываясь, что у Болгарии нет большего врага, чем сам царь, объявляющий своих друзей — ее друзьями, а своих врагов — ее врагами.

В Батаке капитан разместил свой штаб в помещении школы, стоявшей на берегу Старой реки. Сам занял кабинет директора, а агенты — соседние классные комнаты. Арестованных держали в подвале.

16 февраля из Пещеры приходит приказ произвести дополнительные аресты. Капитан удаляется в директорский кабинет, чтобы лучше обдумать, как действовать. Кто-то стучит в дверь.

— Входите!

Это звучит не как разрешение, а как приказ.

— Господин капитан, здешний один пришел… Просит впустить, — докладывает вестовой. — Говорит, по важному делу.

Капитан небрежно разваливается на стуле и барабанит пальцами по письменному столу. Но когда в комнату входит молодой черноглазый мужчина, Динев вздрагивает и невольно отдергивает руку.

— А, это ты! — говорит он нарочито небрежно. — Что тебя привело сюда?..

Посетитель снимает кепку и приближается. Расстегнув пальто, достает какой-то документ.

— Несколько дней назад я получил документ на право заниматься ремеслом. Открываю портняжную мастерскую.

— Это лучше, чем участвовать в коммунистических заговорах… — перебивает его капитан. — Ремесленнику нечего делать среди разбойников.

Молодой батакчанин отводит глаза. Его руки, сжимающие

кепку, становятся влажными.

— И мой брат в тюрьме, господин капитан, но никакой он не разбойник. А что касается меня… то вы убедились, что я подобными делами не занимаюсь. Потому и велели меня выпустить… — Парень как-то криво улыбается.

Капитан встает и отодвигает стул. Потом машинально одергивает китель и застегивает высокий воротник. На нем светло-зеленая форма, сшитая у хорошего мастера. В ней этот страшный человек выглядит элегантным и даже красивым.

— Я тебя выпустил, но, кажется, сделал это напрасно. Батак еще узнает меня…

Слова капитана звучат холодно, как холодна и его угроза.

Другой бы побледнел, испугался, а этот парень смотрит на офицера так, словно тот не сказал ничего особенного. Только слегка сжатые губы выдают внутреннее напряжение. «Среднего роста, с открытым лицом, волосы каштановые, одет со вкусом, бросается в глаза врожденная интеллигентность… — мысленно обобщает свои впечатления капитан. — Мои люди правы: он наверняка в руководстве молодежного подполья».

— Зачем ты пришел ко мне? — спрашивает капитан. — Решил открыть портняжную мастерскую — ну и открывай себе на здоровье!

— У меня ни материалов, ни приклада, господин капитан, — отвечает проситель. — Решил съездить в Пловдив. Прошу выдать пропуск…

Капитана изумляет не столько сама просьба, сколько явная уверенность парня в том, что она вполне естественна и будет удовлетворена. «Прекрасно владеет собой», — отмечает Динев еще одну черту характера этого человека.

— Хорошо. Ты его получишь. — И капитан приказывает вестовому подготовить пропуск на имя Трендафила Ангелова Балинова из села Батак.

Балинов получает пропуск и не торопясь спускается по лестнице. Капитан видит через окно своего кабинета, как тот останавливается во дворе, поднимает воротник и все так же не спеша проходит мимо часового у ворот.

— Вестовой! — кричит капитан. — Гыделева ко мне! Быстро!

В комнату входит рослый светловолосый человек в расстегнутом однобортном пиджаке, из-под которого видна рукоятка вальтера.

— Балинов решил ускользнуть от нас. Взял пропуск до Пловдива… Вон он там, на мосту! Следить за ним! Не спускать с него глаз!

Балинов заходит к сапожнику рядом со старой церковью и

задерживается там минут на десять. Оттуда он выходит вместе с Илией Яневым. Они почти ровесники. Балинов выше ростом, и у него более тонкие черты лица. Их давно связывает крепкая дружба и риск подпольной работы. Люди привыкли видеть их вместе, и то, что они встретились у сапожника, не вызывает никаких подозрений. Не является их встреча неожиданностью и для следующих за ними по пятам агентов капитана Динева, поскольку они многое знают о каждом из них. Только одно интересует теперь капитана: что замышляют, что обсуждают его жертвы в оставшееся им время?

А они говорят о партизанском знамени, расшитом дочерьми старого помощника партизан деда Тодора Банчева и их подругами. (Это знамя так и не попало к партизанам — его сожгли. Но после 9 сентября было сделано новое — его поместили в небольшом батакском музее, посещение которого сейчас вызывает помимо других чувств ощущение какой-то неловкости: чересчур уж он скромен для подвига батакчан.)

— Я его спрятал среди штабелей дров, но мне показалось, что это ненадежное место, — объясняет своему товарищу Илия Янев. — Позавчера я зарыл его в саду и набросал сверху снега, чтобы не осталось следов.

— Хорошо сделал, молодец, — одобряет Балинов. — Опоздали мы… Не смогли вовремя отправить… Если положение станет еще более опасным, сожги его. И при первой возможности уходи в лес.

— В капкан нас загнали, Дафчо![13] — говорит Илия. — И блокада, и снег, и волки… Постарайся ускользнуть с этим пропуском…

Балинов грустно улыбается:

— Как-то не верится, чтобы меня выпустили даже с пропуском… Они играют со мной, как кошка с мышкой. Разве ты не видишь, что за нами идут по пятам…

Они заходят к Милушу — кондитеру — выпить по кружке бузы и молча расстаются. Улицы по-прежнему безлюдны. Из лавки доносится передаваемый по радио фашистский марш. Музыка то и дело прерывается из-за помех, и поэтому кажется, что передатчик захлебывается.

2

Приближается комендантский час. Вот-вот наступит ночь — одна из тех ночей, которые заставили батакчан поверить в воскресение из мертвых Барутанлии[14] и его орд. Из здания

гимназии расходятся в разных направлениях жандармские и полицейские патрули.

Комендантский час еще не наступил. Со стороны фабрики слышится скрип телеги. Впереди идет дед Еньо, а по обе стороны сыновья Петр и Димитр и внук Митко. Они ездили на лесопильню за обрезками досок, чтобы было чем поддерживать огонь в печи. Зима стоит холодная, и дров требуется много. А в лес никого не пускают.

Около дома на них набрасывается человек десять полицейских. Двое из них хватают Петра за руки, другие нацеливают свои винтовки на деда Еньо и Димитра.

Дед Еньо не понимает, что происходит, но вдруг бросается на полицейских, забыв, что он уже старик. Его бьют прикладами по спине; пошатнувшись, он делает еще два-три шага и падает. Руки его продолжают сжиматься в кулаки от злости, что не может помочь сыну.

— Что вы делаете? — кричит он полицейским. — Зачем вы его схватили?..

— Молчи, старик!.. Зачем душегуба произвел на свет?

— Это он-то душегуб?!

— Батя, не надо! — вмешивается Петр. — Я коммунист и коммунистом умру… Ни слова им из меня не вырвать.

Он велит сыну заботиться о дедушке Еньо и передать матери: «Чему быть, того не миновать!»

Ни полицейские, ни мальчик не поняли тогда смысла этих слов. Только потом выяснилось, что имел в виду Петр: в доме хранились продукты для партизан, которые должны были прийти за ними.

Таков был Петр Янев. Знал, что его ожидает, но и перед лицом смертельной опасности думал о товарищах. Он обладал острым крестьянским умом и рано понял многие истины. Взгляды его как коммуниста сформировались еще в окопах первой мировой войны. Тогда и началась его непримиримая борьба со старостами, полицейскими и другими представителями власти. Из всех столкновений с ними он выходил сильнее прежнего. Петр стал одним из наиболее уважаемых людей в Батаке. В 1921—1923 годах крестьяне избирали его в общину советником от коммунистов. В 1928 году с Ангелом Чаушевым, Николой Чолаковым и другими коммунистами он создал ячейку Болгарской рабочей партии в селе, а позже стал секретарем партийной организации в Батаке.

Я его запомнил с тех пор, когда он несколько раз приходил на встречу с партизанами в 1943 году. Крупный человек, лицо с резко выступающими скулами и опущенными книзу усами.

Решительный, твердый характер… Обычно он ходил без шапки, в расстегнутой на груди рубашке и всегда с каким-нибудь лесным цветком в петлице.

3

Через несколько часов после ареста Петра Янева один из грузовиков карательного отряда, объехав старинную церковь — свидетельницу ужасов страшной резни в Батаке, остановился перед домом Балиновых. Жандармы, выскочив из кузова машины, прижимались к стенам домов или же исчезали в темноте соседних дворов. Агенты Черного капитана стали колотить в дубовые ворота дома Балиновых. Залаяли собаки. В комнате наверху заплакал ребенок. Зажглась лампа. Послышались чьи-то шаги, кто-то выглянул с балкона.

— Открывайте! Полиция!.. — крикнул Гыделев.

Жандармы ворвались во двор. Гыделев так толкнул деда Ангела Балинова, что старик отлетел к старой яблоне. Рядом с ним встал жандарм с примкнутым к винтовке штыком. Несколько жандармов бросились по лестнице на второй этаж, другие начали рыться в амбарах и хлеву. Наверху, на чердаке, схватились Трендафил и полицейский. Оба с шумом покатились на пол. Закричали женщины, дети… Дед Ангел сорвал накинутую на плечи шубу и бросился к лестнице, но его схватили. Когда старик обернулся, он увидел, что к его груди приставлен штык.

В воротах показался капитан, одетый в белый кожух, с фуражкой на голове. Небрежно осмотрел двор, амбар и остановился перед дедом Ангелом.

— В такие ночи человеку бы дома сидеть, спать в теплой постели, а мы мерзнем на улице, по чужим дворам… А что поделаешь? Служба…

Деду Ангелу хорошо известна эта служба. Всюду, где ступит их нога, льются слезы и кровь. Ему хочется закричать, чтобы все село услышало. Но он знает, что это не поможет, и лишь стискивает зубы.

По лестнице стаскивают связанного Дафчо — с непокрытой головой, в белой рубашке и резиновых постолах на босу ногу. Его мать, бабка Катерина, растолкала жандармов и набросила сыну на плечи пальто. Из комнат вышли его сестра, жена старшего брата и ребятишки. Братьев не было дома: двоих забрали в армию, а третьего упрятали в тюрьму.

Дед Ангел молча обеими руками притягивает к себе сына. Дафчо чувствует, что старик держится изо всех сил, чтобы не

выдать своей слабости. Он хорошо знает своего отца, помнит, как тот говорил: жизнь и так тяжела — войны, несправедливость, нищета, голод… и у каждого свое горе, поэтому, если не можешь человеку помочь, то по крайней мере не терзай его своим горем…

Трендафила ведут к воротам.

— Дядя, возвращайся! — кричит племянник.

Ребенку исполнилось пять лет. К шести годам он поймет, что оттуда, куда увели его дядю, возврата нет…

Трендафил оборачивается и грустно улыбается:

— Уведите детей… Это зрелище не для них.

Дед Ангел остается на том месте, где из его объятий вырвали сына. Стоит не шелохнувшись, словно врос в землю, в эту черную батакскую землю. На этой земле он в молодости поставил красивый двухэтажный дом с широкими карнизами, большими комнатами и балконом. Он построил его фасадом на юг, чтобы с балкона видеть горы Семералан и Карлык. Для балок и досок подбирал стройные ели и смолистые сосны в Суоджаке и Дженевре — он знал толк в дереве… Теперь пусто и мрачно станет в доме.

Но не только его дом постигло несчастье. В эту зловещую ночь жандармы увели Димитра Хаджиева, Илию Янева, Димитра Цурева и многих других. Их втолкнули в грузовик и повезли в штаб карательного отряда в Брацигово.

4

Еще до рассвета грузовик с арестованными остановился во дворе брациговской школы. Вокруг него толпятся жандармы. Скрипят железные крюки — шофер открывает задний борт грузовика и, отойдя в сторонку, закуривает.

— Слезайте!.. По одному!

Голос офицера, отдавшего приказ, кажется сонным и утомленным. В эти часы только бы спать! Не характер самой службы, а то, что она создает много неудобств, — вот что удручает его.

Арестованные нерешительно топчутся у борта грузовика и с тревогой осматривают незнакомое место. Брезентовый верх машины хлопает на ветру. При тусклом зимнем рассвете даже деревья во дворе едва виднеются. Перед входом в массивное здание вышагивает часовой. Никто не решается первым спрыгнуть на землю…

— Вам что, хлеб-соль преподнести? — кричит полицейский, прозванный Нетопырем. Он прославился своей жестокостью.

Полушубок на нем топорщится, нос приплюснут, глаза — как у хищной птицы или летучей мыши. Потому ему и дали такое прозвище.

— А что! Куда нам торопиться? — отвечает Петр Янев.

Сначала уводят Митко Хаджиева и запирают в комнате на первом этаже. Остальных Нетопырь ведет по цементной лестнице на второй этаж. Они проходят мимо нескольких дверей и останавливаются перед комнатой с окнами во двор. В ней уже четыре дня держат взаперти Тоско Ганева и бабку Петру Джамбазову.

Новых арестантов заталкивают внутрь, приказав лечь на голые доски, не двигаться и не разговаривать между собой. У двери в комнате остается унтер-офицер. Он стоит молча и не спускает глаз с арестованных. Вот он снимает с плеча винтовку, надевает на нее штык и снова берет «на плечо». И ни слова! Знай сопит да вытирает рукавом широкий нос.

В комнате — Тоско, бабка Петра и арестованные в эту ночь. Мучительная встреча на рассвете. Мигающая лампа под потолком бросает на всех тусклый свет. И тяжелое, леденящее кровь молчание, более страшное, чем все пережитое Тоско и бабкой Петрой в этом аду. На них сосредоточиваются взгляды вновь прибывших. Как глухонемые, они без слов, взглядом спрашивают друг друга: «Кто не выдержал? По чьей милости попали мы сюда?»

Бабка Петра задыхается от кашля. Она приподнимается, вздыхает всей грудью и, осмотревшись кругом, осторожно, чтобы не заметил унтер-офицер, шепчет:

— Тоско!.. — и ищет его глазами.

Тот лежит у самого окна. Он не слышит бабку Петру, потому что она произнесла его имя лишь едва заметным движением посиневших губ. Он чувствует убийственную тяжесть тишины, в которой его товарищи задают друг другу один и тот же безмолвный вопрос и сами отвечают себе, бросая взгляд на него. В их глазах он читает суровое осуждение…

Тоско встает, прислоняется к стене и сжимает ладонями голову. Он стоит, замерев, пока его не толкают. Когда же он опускает руки, его заострившееся лицо кажется безжизненным, серым и старым. Голубые глаза будто утонули в огромных черных кругах.

Наступает пасмурное утро, которое не несет узникам никаких надежд. К самому окну тянутся голые, покрытые инеем ветви старого вяза.

Все отдал бы Тоско, лишь бы вернуть теплые, преданные взгляды товарищей, делавшие его счастливым и сильным…

Сейчас они не сделали бы его счастливым, но могли бы спасти от убийственного одиночества среди своих. Если бы он сам и товарищи знали, что незадолго до его ареста один торговец из Батака тайно посетил командира карательного отряда в Брацигово! Перед этим Тоско потребовал у торговца 50 тысяч левов для партизан, и тот отсчитал ему их в обмен на расписку, а потом ценой предательства искупил свой «грех» перед властью.

Долгое время после 9 сентября предателю удавалось пользоваться этой распиской как доказательством своего участия в вооруженной борьбе. Он пользовался ею и дрожал от страха. Через некоторое время страх привел его в Пловдив, где он надеялся как-то затеряться и успокоить больную совесть. Но и там он не нашел покоя от мучивших его кошмаров. И раскрытое только в 1961 году преступление столкнуло оставшихся в живых с человеком, чья моральная и физическая деградация сделала возмездие бессмысленным. Такие люди, подобно деду Выльо — предателю Бенковского[15], умирают ненаказанными, но зато презираемыми потомками.

Тоско нес большую ответственность, являясь секретарем подпольной партийной организации в Батаке в тот период, когда человеческая жизнь стоила ровно столько, сколько бутылка сливовой водки на угощение убийцам. Дни и ночи он посвящал самоотверженной и крайне опасной работе. И никто из его товарищей, свалivших на него в брациговской школе невыносимую тяжесть вины за провал, не знал, что его самого предали и что полиция, прежде чем его арестовать, узнала многое об его опасных связях.

Часто спрашиваю себя: а если бы знали тогда все это, так же ли строго осудили его? Этот вопрос я недавно задал бабке Петре Джамбазовой и еще нескольким товарищам, вместе с Тоско пережившим те кровавые ночи, но дождавшимся счастливого дня 9 сентября.

Мы долго разговаривали и горячо спорили, но в конце концов я все же понял, что даже сейчас они не могут и не хотят его оправдать. Мне хотелось упрекнуть их в несправедливости, но я промолчал. Нельзя забывать, что дело, которому посвятили себя Тоско и его товарищи, подчинялось суровым законам конспирации. А Тоско действительно нарушил эти законы. Я понимал это. И все те мысль о его участи обжигает меня острой болью.

В тот день, когда начали допрашивать Тоско, в Брацигово приехала его жена со своими родителями. Возможно, она умоляла его признаться во всем, наивно веря, что это спасет его — отца ее будущего ребенка. Десять лет спустя она вышла

замуж второй раз. Я узнал, что она отдала дочь, родившуюся после смерти Тоско, на воспитание чужим людям.

Недавно ко мне пришла девушка, только что окончившая университет. Это была дочь Тоско. Я заговорил об ее отце, она сразу так и загорелась. Не зная отца, она помнила о нем, гордилась им и ждала от других уважения к его памяти. Я вполне ее понимаю. Понимаю восторженное преклонение дочери перед отцом, заполняющее пустоту, созданную другими людьми.

5

…Бабку Петру вводят в комнату для допросов и предлагают сесть.

— Неужто ты не поняла, где находишься? До каких пор ты будешь прикидываться? Если скажешь, где партизаны, получишь кучу денег. А если не скажешь — заработаешь пулю в лоб…

Бабка Петра стоит, сложив руки на животе.

— Кабы знала, сказала бы. Но только ничего я не знаю.

— Знаешь, бабка, знаешь. И ты нам все скажешь…

В семье бабки Петры не нашлось бы человека, который не был бы причастен к опасной деятельности батакских коммунистов. Ее зять, Атанас Кынев, ушел к партизанам еще в начале 1943 года. Около их дома на окраине села постоянно устраивались засады, поэтому Атанасу и другим партизанам всегда приходилось останавливаться в доме ее брата — Георгия Ванчева. Там она и встречалась с ними, получала задание и передавала им то, что приготовила для отряда.

В последний раз партизаны приходили за несколько дней до ее ареста. Вместе с Георгием Чолаковым в село пришли Атанас Кынев и Илия Чаушев. Глубокий снег и блокада изолировали отряд, партизаны голодали, и этим троим предстояло доставить отряду продукты.

Каждую ночь они обходили все дома в селе. Собрали продукты, одежду и оружие. На третью ночь только зашли к Ванчеву в дом, как на улице остановились грузовики. Послышались команды. Георгий Чолаков и его товарищи схватились за винтовки. Злата, невестка бабки Петры, посмотрела в окно и ахнула: улица была полна жандармов. Что делать?

Жандармы были заняты перетаскиванием каких-то вещей в здание школы, а дом Ванчева находился рядом с мостом через Старую реку — всего в десяти метрах от школьного двора. Их разделяла только улица.

— Единственное спасение на сеновале, — сказал Георгий

Чолаков. — Он под самым носом у часового. Там нас никто не станет искать…

Георгий Ванчев, хозяин дома, вышел на улицу посмотреть, что происходит. Над Карлыком небо начало бледнеть, но Батак все еще тонул в ночном мраке. Жандармы ушли в здание школы. На улице остались только посты: один перед входом в школу и другой на мосту, напротив дома Ванчева. Георгий вернулся и сообщил:

— Шагу ступить нельзя. Постовые сразу же заметят… Надо придумать что-нибудь.

— Дайте женскую одежду! — предложил Георгий Чолаков.

Злата вытащила из сундука все, что нашла там, но этого не хватило на всех.

— Снимай с себя! — улыбнулся Чолаков. — Иногда, Злата, и сукман[16] может жизнь спасти…

Они переоделись в женское платье, надели фартуки, платки на голову. Один взял ведро, другой котелок, а третий лохань. Ванчев вышел на улицу, издали кивнул часовому и вошел в хлев.

— Злата! Злата!.. Дай-ка мне котелок! — крикнул он оттуда.

Атанас Кынев спрятал винтовку под сукман, положил пистолет в котелок и пошел. Минут через десять туда перебрался Илия Чаушев, а после него и Георгий Чолаков. В хлеву они переоделись в свою одежду, оттуда перебрались на сеновал и зарылись глубоко в сено. Сукманы забрала бабка Петра. Женщины раза два-три ходили в хлев и возвращались обратно. Часовые, стоявшие на посту, не обращали внимания на их суетню.

Часов в девять-десять утра несколько жандармов направились к сеновалу, распахнули дверь и стали сбрасывать вниз сено — оно им понадобилось для тюфяков. Бабка Мария, мать Златы, вышла на улицу и закричала:

— Да что же это вы! Все сено, что ли, заберете? Хватит с вас! У нас скотина сдохнет с голоду!

Из здания гимназии вышел капитан. Старуха обратилась к нему:

— Скажите им, господин офицер, чтобы не брали больше. Нам и так сена не хватит. Пусть возьмут у соседей…

Жандармы спустились с сеновала и направились в соседние дворы. Злата закрыла двери, а бабка Петра повесила на них замок.

После обеда они отнесли в хлев еду. Отнесли ее в котелке, прикрыв сверху картошкой и отрубями для коровы. Передали котелок Георгию Чолакову…

Когда арестовали бабку Петру, партизаны все еще скрывались на сеновале. Риск, конечно, был очень велик, но никак не

удавалось выбраться оттуда. Только на третий день, в сумерках, они решились покинуть свое убежище. Злата сварила ведро картошки, высыпала на большое блюдо. Ее муж Георгий Ванчев пошел будто бы угостить незваных «соседей». Жандармы, находившиеся во дворе гимназии, сразу же набросились на еду, однако часовые не покинули своих постов. И хотя было опасно, но ждать больше стало невозможно. Снова переодевшись в сукманы Златы, партизаны выбрались из хлева и перешли в более безопасное место…

Бабку Петру вызывают на допрос. Она не знает, что партизаны уже выбрались из дома Ванчева, но если бы и знала, все равно молчала бы.

Бьют ее чем попало: палками, резиновыми шлангами, шомполами. Она поднимает руки, чтобы прикрыть голову. В конце концов у нее перед глазами начинают плыть круги, и она без чувств валится на пол.

Ее обливают водой и усаживают на стул. И снова задают вопросы. Нетопырь поднимает с полу свалившуюся косынку, обкручивает ее вокруг шеи женщины и начинает ее душить. Бабка Петра задыхается, изо рта хлещет кровь…

Ей дают прийти в себя. Потом снова задают те же вопросы: где партизаны, кто их снабжает продуктами и поддерживает. Ей обещают, что никто не узнает о том, что она скажет…

Наступает полночь. Бабка Петра уже едва дышит. В лице — ни кровинки. Голова в тумане. И вот Нетопырь вынимает пистолет.

— Если не скажешь, где партизаны, тебе крышка!

В ответ ни слова. Раздается выстрел. Нетопырь умышленно промахивается, потому что бабка Петра им нужна живая. Ее волокут в камеру к другим арестованным и бросают.

6

Вводят Трендафила, и Нетопырь идет доложить командиру карательного отряда подполковнику Яневу, что все готово для допроса. Подполковник является вместе со своим адъютантом, молодым подпоручиком с русыми усиками, усаживается за стол; адъютант набрасывает ему на плечи шинель.

— Нам известно, что вы руководитель бунтарски настроенной молодежи в Батаке. Хочу услышать от вас имена…

Трендафил внимательно смотрит на подполковника. Перед ним лицо с большим круглым лбом, коротким мясистым носом и пустыми глазами. Взгляд Трендафила задерживается на этих

глазах. Лицо подполковника покрывается багровыми пятнами.

— Вас привели сюда, чтобы вы говорили, а не обменивались со мной взглядами… Не принуждайте нас прибегать к другим способам…

— Я готов говорить, господин подполковник, но… мне нечего сказать, — отвечает Трендафил.

Нетопырь стоит рядом с ним, готовый в любую минуту ударить арестованного. Трендафил инстинктивно сжимается. Подполковник делает Нетопырю знак: «Нет». Агент сует руки в карманы.

— Позовите Гыделева! — приказывает Янев.

Входит тот рослый русоволосый человек, который накануне весь день следовал за Трендафилом по пятам, и кладет на стол какую-то папку.

— В этой папке все улики против вас. Но и вам самому есть что рассказать…

Подполковник выходит. Жандармы связывают Трендафила, просовывают под согнутые колени шест, кладут на два раздвинутых стула и начинают бить резиновыми шлангами по ступням ног. Каждый удар отдается в сердце острой болью. Они бьют его до крови — им нужны имена членов РМС.

Трендафил молчит. Ему надо во что бы то ни стало молчать, а его мучителям — во что бы то ни стало развязать ему язык. Они бьют его в пах, грудь, бьют куда попало. Трендафил как труп лежит на полу, а они все бьют и бьют. Залитое кровью тело становится тяжелым и бесчувственным. Люди и предметы теряют свою реальность, ему кажется, что он погружается в какую-то глубокую бездну. Не теряют реальности только вопросы агентов. Они поддерживают в нем истощенное сознание, возвращают к прошлому.

…Все началось в один из майских дней 1934 года. Дафчо пошел с приятелем прогуляться до Нещеровой водяной мельницы. Возле мельницы на камне сидел Георгий Чолаков и читал газету. Немного погодя, словно сговорившись, пришли еще ребята. У молодежи кровь бурлит в жилах, вот ребята и устроили веселую возню около глубокой запруды. Монотонно тарахтела мельница, с реки доносился гул.

Георгий Чолаков свернул газету и направился к молодежи.

— Это вы на пасху подрались с сыном нашего богатея? — спросил он у двоих из ребят.

Парни смутились, но признались, что именно они затеяли эту драку.

— А за что вы его били?

Оказалось, что драка началась из-за какого-то пустяка.

— А я было подумал, что это у вас классовая ненависть… — Чолаков усмехнулся. — Я считаю, что если мужчина дерется, то уж должен знать за что…

Ребята смутно догадывались, что в словах Чолакова скрывается какой-то намек, но толком не поняли какой. Чолаков был старше их лет на десять. Он жил вместе с одним из своих братьев. Они не были бедняками, но по селу шла упорная молва, что оба коммунисты. И именно это заставляло ребят как-то затихать при встрече с ним. Чолаков осмотрелся вокруг и продолжал:

— Почему вы даже не пытаетесь разобраться в жизни? Живете обособленно друг от друга… Хорошие ребята, а деретесь из-за пустяков. В Советском Союзе молодежь совсем другая.

Ребята чувствовали, что должно произойти что-то важное, и это наполняло их каким-то тревожным ожиданием.

— И у нас есть такая молодежь. Она создала свою боевую организацию — Рабочий молодежный союз. Этот союз проводит работу во многих городах и селах… Почему бы и в Батаке не создать организацию РМС? Полиции, конечно, это не понравится…

Ребята задумались. И в самом деле — почему?

С Нещеровой мельницы Трендафил вернулся членом руководства организации РМС в Батаке. Он тогда долго всматривался в воду глубокой запруды. Ветер доносил запах весенних полевых цветов и влажного мха. На камнях порога вода пенилась, во все стороны разлетались брызги, сверкавшие, как искры. Глядя на эти переливающиеся искры воды, Дафчо понял, что так же, как оживает капля в лучах солнца, так и человек становится человеком только тогда, когда в его душе зажжется огонь…

Не прошло и недели после рождения престолонаследника князя Симеона Тырновского, как в Батак прибыл областной начальник, чтобы выступить с большой речью перед населением. Староста и другие представители местных властей встретили его на околице и провели по главной улице, чтобы люди видели, как они запросто беседуют с таким важным человеком. Потом они зашли в здание общинного правления. Приезжий намеревался говорить о великом событии в жизни царствующего дома — рождении наследника престола, а коммунисты в Батаке готовили демонстрацию протеста против дороговизны и ограничения политических свобод. Каждому коммунисту и ремсисту поручили обойти по нескольку домов.

Люди выходили из домов, магазинов, трактиров. Улицы сразу же загудели. Около столярных мастерских уже оформился

головной отряд демонстрации. Из мастерской выносили приготовленные плакаты и транспаранты. В демонстрации участвовали и школьники.

Перед гостиницей «Болгария» полицейские преградили им путь. Они размахивали пистолетами и грозились, что будут стрелять. Но народ не уступал. Полицейские начали стрелять над головами демонстрантов, бить их нагайками. Началась паника. Школьники стали разбегаться. Тогда Трендафил вырвался вперед, свалил на землю первого попавшегося полицейского и поднял одни из брошенных плакатов, на котором алыми буквами было написано:

«Раньше мы умирали в борьбе за освобождение от турецкого ига, а теперь — в борьбе за кусок хлеба!»

Вокруг Трендафила собрались товарищи, они оттеснили полицейских и двинулись вперед.

Никогда еще в Батаке не собиралось вместе так много народу. Гул Старой реки не мог перекрыть голосов протеста. Староста с балкона общинного управления призывал к порядку и спокойствию, говорил, что каждый, кто пойдет за коммунистами, будет жестоко наказан. Но никто не слушал его угроз. Областной начальник, прибывший, чтобы поздравить батакчан с рождением престолонаследника, стоял рядом со старостой бледными растерянный. Он попытался произнести несколько слов, но из толпы послышалось:

— Не надо речей! Хотим хлеба!..

— Долой бесправие!..

Оратор быстро скрылся в помещении общины, и в селе его больше не видели.

…Началась война. В болгарском издании «Сигнала» публиковались фотоснимки колонн пленных красноармейцев. С киноэкранов неслись оглушительные звуки гитлеровских маршей. Кое-кто украсил отвороты своих пиджаков значками «Виктория» — символом гитлеровской победы. Над Батаком прогремели выстрелы. Братья Чолаковы и Чаушевы застрелили нескольких полицейских и освободили арестованного коммуниста Тодора Коларова. После этого все они ушли в горы. В село наехало много полицейских и сыщиков. Начались аресты. Ребята немного оробели: а вдруг арестованные не выдержат?..

Трендафил Балинов, зная, что сомнение в стойкости товарищей действует как яд, собрал ремсистов.

— За наших не беспокойтесь. Люди они крепкие, выдержат. Если меня схватят, и я буду молчать. Если с вами такое случится, на все их вопросы ответ один: «Не знаю», «Не видел». Мы же

мужчины! Того, кто проговорится, ждет смерть. И его, и других…

Молодежь снова обрела уверенность. Один из парней работал на почте и подслушивал разговоры старосты с Пещерой и Пловдивом. Другие следили за передвижением полицейских. Третьи распространяли слухи, что подпольщики перешли границу.

Прошло месяца два, и сомнения окончательно уступили место уверенности. Хотелось взяться за более ответственные дела.

— Не торопитесь! Надо все делать разумно. Как и подобает мужчинам, — сдерживал их Трендафил.

Однажды парень, работавший на почте, сообщил, что поп помог его начальнику купить вальтер с двумя коробками патронов к нему. Начальник почты сам хвастался своей покупкой. Трендафил рассмеялся, запустил пятерню в волосы и сказал:

— Ты молодец! Пистолет будет наш! Твоему начальнику не удастся сделать ни одного выстрела.

Вечером двое ремсистов подкараулили начальника почты. Что они с ним делали, о чем говорили — неизвестно, но тот перепугался и отдал пистолет вместе с патронами.

В Батаке организовались первые боевые группы. Из партизанского отряда пришли Георгий Чолаков, комиссар Георгий Кацаров и еще двое или трое партизан. Начались ночные встречи, полные романтики и риска. На лесной поляне при лунном свете слышались тихие слова присяги. Ребята давали клятву и целовали оружие, холодно поблескивавшее при лунном свете. Это напоминало времена гайдуков и настраивало Трендафила и его товарищей на романтический лад.

Дафчо понимал, как ценно то, что он делает, и все-таки постоянно просился в отряд. В последний раз он настаивал на этом на встрече с партизанами в Совете. Из его родного села здесь кроме него были Тоско и Димитр Хаджиев. Командир отряда — Дед — и Тоско поддержали просьбу Дафчо, но Георгий Чолаков и еще кое-кто возразили. Отряду необходимо было иметь в селе таких людей, как Дафчо: он поддерживал связь с Пещерой, Дорково, Брацигово и другими населенными пунктами. Вот почему было особенно важно, чтобы Дафчо оставался на месте.

— Он же мужчина, сам понимает, что здесь он нужнее, — подытожил разговор Георгий Чолаков. — Потерпит еще несколько месяцев. Партизанская жизнь от него не уйдет…

Трендафил любил называть своих товарищей мужчинами и всегда требовал от них, чтобы они работали «по-мужски». Поэтому Георгий Чолаков не обращался к нему, как к другим, по имени, а использовал это гордое слово — «мужчина».

…Все это в прошлом. Сейчас Дафчо в руках полиции, которая

требует от него «всего-навсего» назвать членов организации.

У Дафчо голова гудит от непрекращающегося шума реки, и этот гул возвращает его к глубокой запруде у Нещеровой мельницы. Из всех слов в его сознании сохранилось только «не знаю».

Наконец Дафчо втаскивают в камеру, где находятся другие арестованные, а он продолжает шептать:

— Не знаю… Не знаю…

7

Допросы продолжаются и в следующие дни и ночи. Арестованных выводят для очных ставок то поодиночке, то по нескольку человек вместе и подвергают все более жестоким пыткам. Израненных, окровавленных, их оставляют в покое только тогда, когда в Батак приходят партизаны, чтобы забрать приготовленные для них продукты. Начинается трагедия разгрома. Признания арестованных уже, не имеют никакого значения. Зачем они нужны? Дичь сама идет к охотникам — подполковнику Яневу и Черному капитану.

Капитан узнает от предателей, когда придут партизаны и в чьих домах приготовлены продукты. Вечером 21 февраля он выводит своих людей из помещения школы и устраивает засаду около указанных предателями домов.

Партизаны появляются около полуночи и стучатся в окно дома Петра Янева. На их стук откликается его жена — тетка Николина. Пока они разговаривают, жандармы из засады открывают огонь. Партизаны отступают, так и не взяв с собой ни крошки.

Капитан ведет свою роту по следам, оставленным партизанами на снегу, а его агенты приступают к новым арестам. К утру помещения школы и столярного училища до отказа забиты мужчинами и женщинами, стариками и детьми. Дом Петра Янева подожжен.

Как только партизаны отступили, полиция тотчас же арестовала деда Еньо, тетку Николину, детей и семью ее деверя — всех до единого. По всему селу снуют усиленные жандармские патрули. На мостах, около домов партизан, на дорогах, ведущих в Ракитово и Пещеру, выставлены сильные полицейские и армейские посты. Откуда-то с Петровского перевала доносится рев моторов грузовиков. К полудню со стороны Тырновицы показывается капитан со своей ротой. Один из унтер-офицеров несет в руках отрезанную голову Георгия

Чолакова.

В брациговской школе двое жандармов ведут Митко Хаджиева на допрос. Адъютант командира карательного отряда приказывает погасить в коридоре все лампы. Кроме него в комнате для допросов находятся Нетопырь и еще один агент. Все пьяны. Нетопырь показывает Хаджиеву некролог с его именем. Полицейские забавляются. Живой человек читает сообщение о своей смерти!

— Ты, оказывается, самый главный помощник партизан, а посылаешь нас за тридевять земель искать прошлогодний снег, чтобы нас там всех прикончили…

Адъютант ударяет его по лицу раз, другой. Нетопырь хватает Митко за волосы, а один из агентов начинает бить его буковой дубинкой. Митко валят на пол и связывают. К ушам подводят электропровода и пускают через голову ток. Какое-то время он стонет, потом затихает. Адъютант наклоняется над ним и машет перед его глазами рукой.

— Если подох, отвезем его к Выче в сбросим в ущелье, — говорит Нетопырь.

Зовут санитара, чтобы тот сделал Митко укол. Хаджиев приходит в себя. Его усаживают на стул и снова приступают к допросу:

— С кем у тебя связи в Пещере и Пловдиве? Где вы встречались?

Хаджиев не в силах пошевелить языком. К его ушам снова подводят провода и запускают электромотор. Голова дергается и безжизненно падает на грудь. Митко теряет сознание. Из ушей течет кровь. Его тащат по коридору и бросают на цементном полу лазарета.

А Нетопырь отправляется за новой жертвой. Войдя к арестованным, он встает под лампой и начинает шарить глазами по комнате. Арестованные, прикинувшись спящими, внимательно следят за каждым его движением. Нетопырь чешет подбородок:

— Кто тут лесник — Хаджиев, что ли? Ага! Он уже в морге. А один из Пещеры — в Выче… Погодите, вы у нас все разговоритесь!

Нетопырь уводит с собой Илию Янева — друга Трендафила. У него допытываются, где знамя. Палачам стало известно, что девушки, вышивавшие знамя, передали его Илие.

— Все равно найдем, если даже оно у тебя в животе запрятано! — вертит головой Нетопырь. — Кишки выпущу, но найду!..

Илия знает: не в знамени дело, а в людях, поддерживающих связь с отрядом. Если он признается насчет знамени, то придется

сказать и об остальном. Поэтому Илия отрицает все. Адъютант, замахнувшись, изо всех сил ударяет его кулаком в лицо. Илия, пошатнувшись, падает. Нос у него разбит, глаза заплыли, налились кровью. Илия прислоняется к стене, земля из-под ног куда-то уходит.

— Кому ты его передал?..

Илия не отвечает.

— Спрятал куда-нибудь? Куда?

— Ничего не знаю. Если бы оно было у меня, вы бы его нашли…

Его ударяют рукояткой пистолета по голове, и он падает ничком. И сознание больше к нему не возвращается.

8

В Брацигово арестованных продержали две недели. Теперь их на грузовиках возвращают в Батак.

Ясный день. Над селом сверкает яркое солнце, снег блестит, слепя глаза. Около здания школы довольно много людей. Они стоят бледные, молчаливые, кое-кто вытирает слезы.

Грузовики останавливаются перед зданием школы, и арестованным тотчас же все становится понятным. Каратели возвращаются из леса с еще одной отрезанной головой — партизана из Батака Петра Врончева. Самодовольный унтер-офицер несет ее на шесте, в кровь стекает ему на шинель.

Арестованных заталкивают по двадцать человек в каждую комнату. Мужчин отдельно от женщин и детей. И так же, как в Брацигово, в каждой комнате днем и ночью стоит на посту часовой.

Следующей ночью на допрос вызывают Петра Янева. В коридоре он встречается со своей женой. Она обмирает, бледнеет как полотно, в молчаливом оцепенении смотрит на него, а он стоит перед нею со связанными руками, с почерневшим, изможденным лицом. Один ус у него вырван, и над губой чернеет запекшаяся кровь.

— А-а-а, да что же они с тобой сделали!

Это не слова, а стон.

— А ну тихо! — угрожающе рявкает жандарм.

— Ничего. Будем живы — не помрем, — отвечает жене Петр. — Что с детьми, со стариками?..

Тетка Николина колеблется.

— Все здесь… И отец, и мать, и дети, и деверь с женой… Арестовали нас в ту же ночь…

— Значит, в доме никого? А кто присмотрит за скотиной?..

Как сказать ему, что дома больше нет, что на его месте теперь груда пепла?..

«Черный капитан» подходит и прислушивается к разговору. Он постукивает нагайкой по сапогу и смеется:

— Впервые слышу, чтобы коммунист заботился о частной собственности!..

Кровь бросается Петру в голову, у него сводит лицо. Капитан поворачивается к тетке Николине:

— Если кто и останется из твоего рода, то ему придется начинать с пустого места… Уведите их!

И их уводят: его в комнату для допросов, а ее в подвал.

Наступает ночь. Потом снова рассвет. Чьи-то руки протягивают бабке Петре отрезанную голову. Лицо наклонившегося над ней человека расплывается в тумане. Когда туман рассеивается, она понимает, что перед нею вовсе не кошмарное видение.

— Полюбуйся на своего зятька. Вот он, Атанас Кынев! Правда, он не весь тут, но нам хватит и головы!

Бабка Петра, покачиваясь, беззвучно оплакивает того, чья почерневшая голова лежит сейчас у нее на коленях. Господи, да люди ли они? Разве люди охотятся за головами своих братьев? И разве можно про них сказать: «Они не ведают, что творят!»

Подходят другие жандармы. Один из них запихивает сигарету в рот Атанасу Кыневу. Издевательства продолжаются и после его смерти. Бабка Петра стискивает зубы и проклинает час, когда родилась…

…Трендафил продолжает молчать. Нет, он не потянет за собой других. Капитан зол на жандармов за то, что они не могут развязать арестованному язык. Уже все перепробовали, остается лишь одно средство. Капитан Динев приказывает привести бабку Катерину — мать Дафчо. С дрожью в сердце входит она в кабинет. В руках держит узелок с бельем. Дед Ангел велел ей взять с собой белье — на случай, ежели сыну придется помереть.

Дафчо останавливается на пороге и пытается улыбнуться. Но это лишь подобие улыбки — просто от боли у него слегка дрожат уголки губ. Под правым глазом у Дафчо огромная ссадина, щека превратилась в сплошной синяк. Пальто висит на нем как на вешалке. Бабка Катерина хочет броситься к сыну, но ноги у нее подкашиваются, и она остается стоять на месте с протянутыми к сыну руками. Острая боль пронзает ей сердце.

Трендафил подходит к ней, и она хватает его за плечи, чувствуя, что вот-вот разрыдается и закричит.

— Что же это будет, сынок? — едва шепчет она.

— Не знаю, мама… А о брате не тревожься. Раз его уже перевели в тюрьму, значит, самое страшное миновало…

Капитан сердито кашляет и отходит к письменному столу. Берет толстую папку и потрясает ею:

— Тут о нем собран достаточный материал, чтобы без суда повесить… Ему может помочь только одно: полное признание…

Глаза бабки Катерины наполняются ужасом. Она в растерянности поворачивается к сыну и, вздохнув, прижимается лицом к его ладони.

— Чем плакать многим матерям, лучше пусть плачет одна… — шепчет Трендафил.

Капитан приказывает, чтобы его снова связали и увели…

9

Дом Яневых превращен в груду пепла и головешек. Приходит черед домов Чаушевых, Клинчевых и Пелевых. Март на дворе. Уже расстреляны все схваченные партизаны. Сотни батакчан — мужчин, женщин, детей и стариков — высланы в различные края страны. Димитра Хаджиева и Димитра Цурева увезли в Пловдив, а оттуда в Фердинандово. Палачи надеются через них раскрыть связи отряда с Пловдивом и пловдивскими селами. Позже, в начале апреля, их вместе с четырьмя коммунистами из Пазарджика поведут на расстрел. Димитр Хаджиев и еще один приговоренный к расстрелу сумеют в последний момент развязать себе руки и бежать. Цурева и остальных расстреляют из автоматов и зароют в лесу у Фердинандово.

Арестованных в Батаке переводят в помещение столярного училища. В помещении школы остается только жандармская рота капитана Динева.

17 марта капитан звонит по телефону командиру карательного отряда в Брацигово и докладывает, что все дела в Батаке закончены:

— В список под кодовым названием «Автомат» включено семь человек. Кроме известных руководителей Рабочей партии и РМС я включил в него Димитра Клинчева, тридцати четырех лет, работавшего в лесничестве. Он принимал в своем доме Георгия Чолакова, Илию Чаушева и других подпольщиков. Регулярно снабжал их продуктами и одеждой. Арестован в прошлом месяце двадцать второго числа. Включил также Тодора Чаушева, сорока шести лет, работника лесничества, коммуниста. Он давал приют подпольщикам, в том числе вышеупомянутым. Снабжал их продуктами, одеждой и оружием. Отдал им свою печку.

Арестован моими агентами в прошлом месяце двадцать второго числа. Включил и Ивана Зафиркова, тридцати четырех лет, возчика в хозяйстве «Тырновица». Возил партизанам соль, муку, одежду и прочее. Арестован в прошлом месяце двадцать пятого числа…

Подполковник задает несколько дополнительных вопросов и приказывает, чтобы в операции участвовали только проверенные люди и чтобы капитан лично руководил ее проведением.

В ночь на 18 марта около полуночи арестованные, находившиеся в помещении столярного училища, просыпаются от топота сапог на лестнице и в коридорах. Часовой, стоявший на посту в коридоре, громко спрашивает пароль.

— «Дунай»! — отвечает чей-то голос и приказывает открыть учительскую, в которой содержатся двадцать семь человек.

В комнату входит высокий человек с худым смуглым лицом, прозванный Хищником, а с ним пять-шесть жандармов. Часовой, стоявший на посту в комнате, отходит в сторону и испуганно смотрит на вошедших.

— Трендафил Балинов, Тоско Ганев и Петр Янев, одевайтесь! — приказывает агент.

Названные по именам понимают, что это конец. Понимают и остальные. Наступает страшная тишина, нарушаемая только писком мышей под полом. Мыши так громко пищат и скребутся, что арестованным кажется, будто они вот-вот вцепятся им в горло.

Петр Янев стягивает онучи. Тоско тоже готов. Все встают и молча прощаются. Трендафил протягивает свою обглоданную авторучку стоящему рядом парню:

— Возьми! Человек должен оставить хоть что-нибудь на память о себе…

Осужденных выводят в коридор и связывают. Из другой комнаты Хищник вызывает Илию Янева, Чаушева, Димитра Клинчева и Зафиркова. Илия тянется за полушубком, висящим на гвозде в углу комнаты. Пытается обуться, но распухшие от побоев ноги не влезают в обувь. Кто-то из товарищей подает ему свои ботинки. Илия не смотрит кто, не до того ему. Собираются и остальные.

Среди арестованных находится и Димитр, сын Петра Янева. Отцу разрешают проститься с ним.

— Скажи матери и деду, чтобы не убивались… Да постарайтесь с братом дом восстановить. И не разлетайтесь по белу свету…

Голос его звучит глуховато, но глаза у него сухие.

Их отводят к школе. Там вталкивают в грузовики и везут к

Циговой лесопилке.

Улицы Батака безлюдны. Перед школой выставлены почерневшие головы убитых партизан. На пепелищах сожженных домов торчат обуглившиеся балки. От семей и целых родов, давших не одно поколение борцов за свободу, теперь остались лишь немощные старики, осиротевшие дети и вдовы. Старая река по-прежнему омывает обильно политые кровью берега, теряясь где-то среди зарослей ивняка. Глубокий снег засыпал следы, оставленные партизанским отрядом во время его последнего похода.

10

Год назад я побывал в Батаке. Встретились мы с Димитром Яневым, бабкой Петрой Джамбазовой, Димитром Хаджиевым и еще с десятком человек и в который раз повели разговор о прошлом. А разве можно обойти молчанием прошлое, когда здесь все напоминает о нем? И каменная церквушка — этот трагический пантеон, оставшийся после первой и второй бойни в Батаке, и траурный креп, который вот уже четверть века свисает и долго еще будет свисать над многими воротами, и неизменные черные косынки на головах женщин. Трагические события оставили у многих батакчан горькие воспоминания о насильственно отнятой молодости и глубоких следах запекшейся крови…

Димитр Янев тогда рассказал:

— Ребят уже расстреляли, а моя жена и мать Трендафила ничего не знали, собрали узелки и отправились туда, в столярное училище, чтобы отнести им поесть. Их вернули домой, так и не приняв передачу. К полудню по селу разнесся слух, что наших убили… Пришли ко мне старики — Ангел Балинов и Ангел Зафирков. Мы уговорились на следующий день пойти похоронить убитых… Отправились еще до рассвета, чтобы нас не заметили люди капитана. Поднялись на Петрову гряду и остановились, осматриваемся. Я говорю деду Ангелу: «А может, верно, что их в Брацигово увезли?.. Ты бы вернулся, а то тебе не под силу…» Ему тогда уже было за семьдесят. Он две войны пережил, на фронте был. В балканскую от холеры чуть не помер, а в первую мировую его несколько раз ранили. Но старик он был крепкий. В дороге все старался не отставать от нас. Устал, конечно. Когда я сказал ему, чтобы он вернулся, он помолчал, погладил усы, полушубок расстегнул и говорит: «Сейчас не время жалеть друг друга, Димитр. Наши сыновья погибают… Такая мука мне душу сдавила,

не знаю, как выдержу…»

Рассвело. С болота поднимался туман. На горе стонали под ветром вековые ели. С перевала спустились мы к болоту и пошли по глубокой колее, оставленной грузовиком… Перед Циговой лесопилкой колея свернула налево. В сотне метров от шоссе, невдалеке от того места, где оно сворачивает в лес, колеса грузовика, очевидно, забуксовали и оставили глубокие следы, заполнившиеся водой. От этого места колея сворачивала обратно. Смотрим — снег вокруг утоптан множеством сапог и ветер пустой коробкой из-под сигарет играет. Рядом стреляные гильзы поблескивают… Пуще грома потрясли нас эти проклятые гильзы. Дед Ангел покачнулся, будто земля у него под ногами заходила, и ухватился за плечо Зафиркова. Поднял я одну гильзу, верчу в руках и не замечаю, как по лицу у меня слезы катятся. «Страшное совершилось… — сказал дед Зафирков. — Они где-то здесь…» Мы пошли через лес к оврагу по следам на снегу. Следы были от сапог и резиновых постолов, а среди них и кровавые следы босых ног. В падинке мы наткнулись на резиновый постол с оторванным ремешком; вместо стельки — старая окровавленная газета. Так мы дошли до поваленной бурей ели. Снег вокруг нее был утоптан и обрызган кровью…

Бай Димитр замолчал, перевел дух. И мы молчим, не решаемся взглянуть друг другу в глаза, как будто виноваты в том, что остались в живых. А он, схватившись за край столешницы и дергая головой, продолжал:

— Мы разошлись в разные стороны. Не сделали и десяти шагов, как Ангел Зафирков наткнулся на кепку сына. Потом стали попадаться клочья одежды… Сыновей своих нашли внизу, на дне оврага. Иван Зафирков лежал на спине в белой рубашке, с босыми израненными ногами. Рядом лежал ничком Петр Янев. Неподалеку от него с вытянутой рукой и откинутой головой — Тоско Ганев, тут же Тодор Чаушев. Чуть выше — рядышком — Димитр Клинчев и Трендафил Балинов, а еще выше — наш Илия… Я ли покачнулся, деревья ли закачались, земля ли — не знаю. Только чувствую, что вот-вот упаду. А опереться не на кого — у всех, как у меня, сердце обливается кровью… Кое-как собрались мы с силами, прибрали мертвых, покрыли их ветками и поплелись обратно в Батак. Около перевала повстречались нам старик из Ракитова с внуком. Он сошел с дорожки, чтобы уступить нам путь, а внук не пожелал залезать в глубокий снег. Мы поздоровались и пошли дальше. «Не видишь разве, что горе сломило этих людей?.. Почему дорогу им не уступил?» — набросился старик на парнишку.

Расстрелянных похоронили позже. К тому времени снег на открытых полянах уже сошел, но земля еще не оттаяла и оставалась голой… Полиция разрешила забрать трупы из оврага, но не позволила перенести их на сельское кладбище. Зарыли их в разных местах. Не догадались земляки похоронить их вместе, как держались они вместе при жизни и в смерти.

СМЕРТНЫХ ПРИГОВОРОВ — ЧЕТЫРЕ, А ЖИЗНЬ — ОДНА

1

Судьи — люди образованные, но странные. Петру Велеву из Пещеры они вынесли четыре смертных приговора: раз приговорили к расстрелу, три раза к повешению — а ему хватило бы и одного. После 9 сентября эти приговоры отменили, но Петр был уже мертв…

Два первых смертных приговора ему вынесли в тридцать третьем и тридцать четвертом годах. С той поры утекло много воды. Тех, кто знал об этом, или нет уже на свете, а кто еще жив, позабыл подробности. Хорошо еще, что сохранились судебные дела…

Когда я перелистывал пожелтевшие страницы, во мне росло глухое возмущение против тех, кто их заполнял. Ни одного живого слова! Ни намека на живое чувство! Изъеденные молью души! Люди, своей кровью пишут историю, а писари лишнего слова не вымолвят, не допустят, чтобы хоть между строчками проскользнуло что-то человеческое…

2

9-й пехотный полк выстроили для вечерней поверки. На левом фланге — нестроевая рота, в которой собрали неблагонадежных.

— Поверку начать! — скомандовал дежурный офицер.

В наброшенной на плечи защитного цвета накидке он вышагивал под оголенными ветвями старых каштанов и взглядом ощупывал строй солдат.

— Первый, второй, третий!..

Солдатские голоса разрывали тишину.

Поверка закончилась. Дежурный офицер остановился посредине плаца, фельдфебели и унтер-офицеры по очереди подходили отдавать рапорт.

— В хозяйственной все в порядке? — спросил дежурный фельдфебеля нестроевой роты.

— Так точно, господин подпоручик. Происшествий нет, — вытянулся фельдфебель.

— Смотри в оба!

— Так точно, господин подпоручик! Смотрю в оба…

Трубач подал сигнал. Роты сделали поворот и направились к окрашенным желтой краской казармам. Перед входом в казармы строй распался — одни вошли в помещение, другие свернули к уборным. Один солдат, темноглазый, с курчавыми волосами, отошел в сторонку и ловко перелез через высокую кирпичную ограду. На темной улице его встретил молодой человек в солдатских бриджах без кантов и рыжем тулупе с поднятым воротником.

— Ты задержался! Я боялся, что тебе не удастся ускользнуть, — сказал он и повел солдата во двор заброшенного дома.

— Пришлось дождаться конца вечерней поверки… Как только рапорты дежурному отданы, все сразу успокаивается, — ответил солдат. — Товарищи согласились?

Тот не ответил, а выглянул из-за забора и осмотрел улицу.

— Сейчас как раз подходящий момент, — заговорил торопливо солдат. — Новобранцы с первого дня должны убедиться, что и в казарме есть коммунисты…

— Я спрашивал Сашу Димитрова[17]… Он одобряет, — ответил молодой человек. — Вот тебе флаг, а это листовки. Мы приготовили сто штук… Но это большой риск для тебя.

Солдат запихнул пакет под куртку и, не замеченный часовыми и ночным патрулем, пробрался обратно в казарму…

Уже последние солдаты укладывались спать. Гасили свет. Оставили только одну лампу — у выхода. Под ней сонно тер глаза дневальный.

Темноглазый солдат притворился, что заснул, но ему было не до сна — под своей постелью он спрятал красный флаг с серпом и молотом и нелегальные листовки. Разве тут уснешь?

Перевалило за полночь, дневальные сменялись один за другим, а солдат все ждал, когда удастся незаметно ускользнуть. В голове шумело, на лбу выступил холодный пот, губы пересохли.

Наконец дневальный присел на свою койку, облокотился на спинку и закрыл глаза. Тогда солдат приподнялся, осмотрелся вокруг, тихо встал. Оделся, набросил на плечи куртку и вышел во двор…

Через полчаса трубач сыграл утреннюю зо́рю. Зажглись лампы, усатые фельдфебели и унтер-офицеры размахивали ремнями и считали до десяти…

Самые проворные солдаты уже бежали в умывальные.

— Листовки! — крикнул кто-то из умывальной, расположенной напротив помещения специальной роты. —

Смотрите — листовки!..

Длинный как жердь ефрейтор взял одну и прочел:

> «Долой войну! Привет Красной Армии! Да здравствует БКП и РМС! Последуем примеру русских братьев!»

В дверях умывальной показался богатырского роста солдат со шрамом на подбородке; он был в накинутой на плечи шинели, с полотенцем и мылом в руках. Приблизившись вплотную к своим товарищам, прошептал:

— Красный флаг! Перед штабом… На проводах висит!..

Все бросились к штабу. Туда уже примчались солдаты и из других рот. Они толпились, шумели. Одни, посмелее, хвалили того, что вывесил флаг, другие молчали, а третьи незаметно ускользнули обратно, в помещение своих рот, решив, что в таком деле лучше держаться подальше.

Из штаба выскочил дежурный офицер, без шинели, без шапки, в расстегнутом кителе, и опешил — на проводах развевался красный флаг, а на нем — серп, молот и большие буквы: «СССР». Офицер потянулся было к пистолету, но рука его повисла в воздухе.

— Марш в помещение! Быстро! Унтер-офицер, где ротные фельдфебели? — закричал он на своего помощника.

Унтер-офицер застыл в стойке «смирно».

— Собирают листовки, господин подпоручик… Их нашли во всех ротных умывальных, возле главной аллеи, на северном дворе и перед кухней…

Солдатская масса гудела.

— Чего рты разинули! Марш в помещение! — кричал дежурный. — Унтер-офицер, первым делом снять эту тряпку! Обыскать помещения, нет ли там припрятанных листовок…

Солдаты разошлись, и казарма притихла в предчувствии чего-то недоброго. Помощник дежурного побежал за лестницей и людьми, которые сняли бы флаг, а фельдфебели разошлись по помещениям.

Солнце уже осветило пловдивские холмы. Фабричные трубы за рекой выпускали в небо бесконечные шлейфы дыма. Неподалеку от сахарного завода пыхтел паровоз. Над старым городом разносился гул фабричных сирен…

Пролетка командира полка раньше обычного протарахтела по булыжнику главной аллеи и остановилась перед штабом. Смущенный дежурный офицер подошел с рапортом, но командир его остановил:

— Что вы делаете, подпоручик! Хотите, чтобы вся казарма

увидела вашу беспомощность? Зайдите ко мне в кабинет…

Офицеры заторопились в штаб. Через широкие ворота вошли двое одетых в штатское, держа руки в карманах. Их невыразительные лица казались столь же похожими, как и их шляпы.

Командир, офицеры и двое гражданских долго оставались в штабе, потом появились перед входом в казарму; подняв голову к проводам, осмотрели стены… Дежурный офицер что-то объяснял, начальник разведки полка размахивал руками, командир задавал какие-то вопросы…

Прежде всего вызвали солдат из караула и их начальников, стали расспрашивать, но никто из них ничего не мог объяснить.

— Никого не выпускать из казармы! — приказал командир. — Арестовать всех заподозренных!

Арестовали и темноглазого кудрявого солдата.

Начались допросы, побои. Инспекторы из полиции пытались обнаружить опасного подпольщика, но усилия их были напрасны…

Несколько позже трубач сыграл сбор, и полк выстроился на плацу для санитарного осмотра. Отдельно построили арестованных. Офицеры и сыщики тщательно осматривали их руки. Солдат с темными глазами догадался и украдкой взглянул на свои руки. — вокруг ногтей блестел серебристый порошок. Но было уже поздно…

Агент поволок его к командиру полка.

— Значит, это ты вывесил флаг! — подошел к нему командир полка, пристально вглядываясь в лицо солдата.

— Никак нет, господин…

Начальник разведки полка эфесом сабли приподнял его руку:

— Посмотри на свои ногти!

— Вчера чистил кружку песком. Поэтому… — ответил солдат.

Всю ночь его истязали, добиваясь признания, но он все отрицал.

На рассвете в бессознательном состоянии парня отправили в больницу. Там его привели в чувство и снова отправили на допрос. И так — три месяца. А он продолжал все отрицать…

После этого случая Петру Велеву вынесли первый смертный приговор — штраф в размере 500 тысяч левов и расстрел перед строем части.

Петр выслушал приговор, сильно тряхнул цепями, в которые был закован, и зал огласился их зловещим звоном.

Председатель суда, подполковник с увядшим лицом, сказал что-то своим коллегам и вышел из зала.

По побледневшему лицу Анастаса Велева, отца Петра, покатились слезы. Он порывался сказать сыну что-то, но так и не смог.

— Отец, не надо слез!

— Что ж ты, Петр, жизнь свою за флаг отдаешь! — через силу проговорил бай Анастас, сжав сыну плечо.

Тот молча потупился. Затем поднял голову — глаза его, казалось, стали еще больше и темнее.

3

С полковой гауптвахты Петра отправили в одиночную камеру городской тюрьмы. Мрак, плесень и мокрая, раскисшая земля. На прогулку его выводили под конвоем и в тяжелых кандалах, как смертника.

Осенью его перевели в старозагорскую тюрьму и бросили в одиночную камеру. Через какое-то время в соседние камеры посадили переведенных из Сливена и Ямбола товарищей. Как-то ночью караул вздумал рассадить их по карцерам, но те не подчинились. Начальник караула и надзиратели ворвались в камеры и начали избивать заключенных палками, плетьми и цепями. Петр понял, что происходит, и, схватив свои башмаки на деревянной подошве, стал колотить в дверь камеры. Проснулись заключенные и в других камерах. Вся тюрьма огласилась криками и стуком.

Караульные ворвались в камеру Петра. Начальник караула схватил винтовку и приставил штык к его груди.

— Ты чего стучишь? Или хочешь, чтобы я сейчас же отправил тебя на тот свет?..

Петр выпустил конец прикованной к ноге цепи и схватил ствол винтовки.

— Я протестую против тюремных порядков! — ответил он. — Протестую против провокации, которую вы нам готовите!..

Караульные и надзиратели набросились на Петра, повалили его на землю, начали избивать ногами и в конце концов уволокли в карцер.

В первые ночи своего пребывания в тюрьме Петр почти не смыкал глаз: все ждал, что его поведут на расстрел. И как только слышал шаги караульных, вставал… Так прошло несколько дней, а потом и недель. У него начали шататься зубы. Клочьями выпадали волосы. К концу первого месяца нервы начали отказывать, теперь он предпочитал смерть этому бесконечному ожиданию. Но палачи не спешили — по настоянию полиции они

решили выждать. Полицейские утверждали, что Велев действовал в полку не один, и надеялись, что им удастся раскрыть все подполье. Вот тогда-то он им и понадобился бы.

А Петр постепенно перестал бояться ночных шагов в коридорах. Не то чтобы привык — к этому привыкнуть невозможно, но притерпелся.

В один на этих дней Петру предложили написать прошение на имя царя с просьбой заменить ему смертный приговор пожизненным заключением.

— Никакого прошения писать не буду, — ответил Петр. — Я осужден незаконно и милости не прошу.

И после этого его заставляли подать прошение, а он все отказывался. Уступил только тогда, когда ему тайно передали, что это поручение партии.

4

На следующий год в пловдивских казармах произошел большой провал. В городе арестовали более 170 человек — солдат и штатских. Из плевенской тюрьмы привезли Петра Велева.

Офицеры и полицейские, проводившие следствие, превратили казармы в ад. Арестованных истязали более полутора месяцев. Чтобы избавиться от мучений, кое-кто пытался наложить на себя руки. Один из арестованных нанес себе несколько ран ножом в живот, другой пытался пробить голову шпорой. Были попытки выброситься из окна тюрьмы или перерезать себе вены.

С утра 19 июля 1934 года перед зданием дирекции тюрьмы собрались рабочие и крестьяне, мужчины и женщины, старые и молодые. Между ними сновали полицейские и шпики. Вокруг казармы 9-го пехотного полка поставили усиленные наряды солдат с примкнутыми к винтовкам штыками. Им приказали никого не пускать к казарме. А там было назначено заседание суда с рассмотрением дела о крупном «заговоре» в армии.

К восьми часам прибыла конная полиция и расчистила улицы от толпы. Немного погодя в воротах тюрьмы показались арестованные. Какой-то старик из пазарджикского села бросился к ним и обнял черноглазого юношу с цепями на ногах. За ним последовали и другие — матери, отцы, братья, но охрана отогнала их назад. Молодая женщина махала рукой, на глазах ее были слезы.

— Смотрите-ка!.. Наш Петр из Пещеры! — закричал молодой парень, взобравшийся на какой-то камень. — В прошлом году ему

вынесли смертный приговор…

Петра вели в сопровождении специальной охраны, отдельно от других. Его правая нога была закована в трехпудовую цепь. Конец цепи он держал в руках, так как иначе не смог бы сделать ни шагу. Переставляя закованную ногу, он бряцал цепью и улыбался, словно на свадьбу шел. А у людей от этого мороз шел по коже.

Арестованных ввели в зал. Вошли прокурор и судьи — высокомерные надменные чиновники в офицерской форме. Прочитали обвинительный акт, и председатель суда обратился к подсудимым:

— Признаете ли вы себя виновными?

— Нет! Не признаем! — крикнул Петр Велев.

— Не виноваты! — откликнулось еще человек десять, и все арестованные их поддержали.

Спас Баталов, которого на допросах подвешивали головой вниз, заявил, что на руках и ногах у него были вырваны ногти. Георгий Катанов показал сломанную руку и потребовал наказать своих мучителей.

Адвокат, защищавший Баталова, попросил назначить медицинскую экспертизу, которая установила бы, какие раны нанесены арестованным во время допросов.

Лицо председателя суда покрылось багровыми пятнами. Прокурор что-то сказал ему, тот кивнул и стал перелистывать какую-то папку…

Дело слушалось полтора месяца. Судьи и прокурор предпринимали все, чтобы запутать подсудимых и заставить их назвать своих руководителей, но те не поддавались. Не помогли ни обещания проявить к ним снисхождение, ни шантаж, ни самые страшные угрозы.

Началось последнее заседание. Прокурор произнес длинную речь. Стал обвинять партию… Петр Велев прервал его протестом. Арестованные зашумели, зазвенели цепями. Прокурор повысил голос и продолжал, но Петр снова остановил его:

— Это не суд, а беззаконие! Вы оскорбляете болгарский народ!

К арестованным бросились караульные, начали их расталкивать. Прокурор заявил:

— Не знаю, повесим остальных или нет, но Петр Велев будет болтаться на веревке…

— Я протестую, господин прокурор, — резко ответил ему защитник Петра. — Вы нарушаете один из основных принципов нашего законодательства и международного права — нельзя повторно судить человека за то, за что он уже был осужден…

Отзвучали речи прокурора и защиты. Председатель суда предоставил подсудимым последнее слово. Петр поднял цепи, сделал несколько шагов к судейскому столу.

— Я знаю, что вы меня убьете. Хочу, чтобы при иней казни присутствовал весь полк. Пусть солдаты видят, как буржуазия поступает с сыновьями народа…

После перерыва подсудимых снова привели в зал суда. Торжественно вошли прокурор и судьи. Все встали. Судьи заняли свои места, и председатель огласил приговор. Смертный приговор вынесли Петру Велеву и шестерым его товарищам. К смертной казни приговорили также Спаса Баталова и Георгия Каназирского, но, как несовершеннолетним, приговор заменили длительным тюремным заключением.

— Долой фашистское правосудие! — крикнул Петр Велев.

— Позор! Позор! — закричали и остальные.

Зазвенели цепи. Офицер из охраны закричал, пытаясь унять поднявшийся шум. Караульные набросились на осужденных с ремнями и прикладами.

— Господа судьи, прекратите издевательство! — призывали адвокаты защиты. — Вам придется отвечать за это!..

Председатель суда быстро собрал папки и покинул зал.

Так Петр получил второй смертный приговор. Других повесили, а он остался в живых. Его спасло одно обстоятельство. Незадолго до провала подпольной организации в пловдивских казармах в 1934 году под натиском общественного мнения вышел царский указ об амнистии, и первый смертный приговор Петру заменили пожизненным заключением. Но второй смертный приговор ему вынесли за ту же самую деятельность и привести его в исполнение не могли, не нарушив указа об амнистии. Пока улаживали и преодолевали эту помеху, Георгий Димитров призвал всех честных людей на борьбу за спасение жизни Петра Велева и других осужденных на смерть коммунистов. В стране поднялась мощная волна протеста. Власти оказались вынуждены отменить смертные приговоры.

5

Петр провел в тюрьме восемь лет. Его выпустили в марте 1941 года и сразу же призвали на военную службу, чтобы он отбыл положенный срок воинской повинности. Весть о нападении гитлеровцев на Советский Союз застала его на службе в армии. В начале августа Петр ушел в подполье.

Городской комитет партии в Пещере предвидел, что вслед за

Петром пойдут и другие, и подготовил в горах убежище. Никола Галанов, Славчо Гилин, Петр Мишев и другие пещерцы и брациговцы принесли с собой продукты, печку и домотканые одеяла.

Опали листья в лесу, и на Бараковской реке засверкал первый лед.

В Пещере и Брацигове в крестьянских домах затопили печи. К убежищу, где скрывался Петр, стали наведываться кабаны и волки.

24 ноября ночью Петр вернулся со встречи с брациговцами и прилег на пары отдохнуть. Он укрылся одеялом и заснул. За порогом повалил мокрый липкий снег.

На рассвете тайник окружили полицейские. Их было человек пятьдесят. Петр сквозь сон услышал их шаги, а потом разговор.

— Где-то здесь… — узнал он голос лесника. — Я видел, как он тут проходил…

Петр схватил пистолет и бросился к выходу, ведущему к реке. Недалеко от него промелькнули силуэты полицейских. Пригнувшись, они устремились к его убежищу. Тогда Петр вернулся и пополз к запасному выходу. Он вышел из-за валунов в двадцати метрах от леса.

— Вот он!.. — заметил его один из полицейских, но Петр выстрелил в него из пистолета, и тот исчез среди высоких камней.

— За мной, товарищи! — крикнул Петр и разрядил обойму в мелькающие силуэты.

Полицейские, поверив, что Петр не один, не знали, откуда могут выскочить другие. Петр воспользовался их растерянностью, побежал к лесу и скрылся в ближайшей ложбине.

Они бросились по его следам на мокром снегу, следы довели их только до реки — дальше Петр шел по воде.

6

Летом 1942 года Батакский отряд разбил лагерь под большой, нависшей над крутым склоном скалой. От солнца она сильно нагревалась, а ночью, когда остывала, покрывалась росой. Под ней сияла черная и глухая пропасть, а дальше начиналась Чепинская котловина. Днем она скрывалась в мареве, а ночью села тревожно мигали своими, далекими огоньками.

Однажды утром мы с двумя товарищами вернулись со встречи с паталенскими помощниками партизан и застали в лагере Петра Велева и Георгия Кацарова, посланцев Кричимского

партизанского отряда. Они пришли с предложением объединить наши силы.

Тогда Петру было не больше тридцати лет. Его кудрявые волосы заметно поседели. Смуглое лицо то и дело подергивалось от нервного тика. Он очень любил шахматы и, как только у него выдавалось свободное время, сразу же садился за игру.

Вдвоем мы отправились выкупаться к роднику. Давно не было дождя, и воды в роднике сильно поубавилось. Мы углубили его дно, огородили камнями и дерном и стали ждать, чтобы набралось побольше воды. Она прибывала медленно. Мы ждали, а я глаз не сводил с Чепинской котловины. Мы сидели прямо напротив нее. Петр догадался, что я из этого края, спросил меня:

— У тебя есть мать?

— Есть. А у тебя?

Он не ответил. Я подумал, что он не доверяет мне, и рассердился.

— Сам не отвечаешь, а других спрашиваешь!..

Он рассмеялся. Потом смех его оборвался, он сказал:

— Не знаю, что тебе ответить… И есть, и нет…

Я посмотрел на него и пожал плечами.

— Не удивляйся. В жизни и такое случается…

Незаметно завязался разговор. Такой разговор, который запоминается надолго.

Отец Петра, бай Анастас Велев, имел пару волов и небольшой надел земли. Работал от темна до темна, но едва мог прокормить и одеть своих детей. Петр был самым старшим и, как только подрос, стал ходить с отцом на работу.

Его мать умерла, когда он был еще маленьким. Дом остался без хозяйки, некому было присмотреть за детьми. Отец привел в дом вторую жену. Петр никак не мог к ней привыкнуть. Дни напролет он проводил с волами в поле, а вечером устраивался спать в хлеву или же уходил к тетке. Иногда отправлялся в лес и подолгу не возвращался. Бродил по лесным тропинкам и разговаривал со своей умершей матерью, выплакивал ей все накопившееся в душе горе. Тогда-то и появилась в его глазах грусть, которая не исчезла до конца жизни.

Хотя он считался способным учеником, отец забрал его из школы, потому что не было денег платить за обучение, и отправил учиться портняжному мастерству: сначала в Пещеру, а во время кризиса — в Кырджали и затем в Софию. Петр учился ремеслу, но когда стал мастером, понял, что иглой и ниткой этот мир не переделать, и пошел по иному пути — пути профессионального революционера.

— С той поры я почувствовал себя человеком, да и другие

стали меня уважать… — закончил он и встал, чтобы посмотреть, сколько набралось воды.

Через несколько дней Петр, Илия Чаушев и я отправились к нашему связному в пещерский санаторий Святой Константин. День стоял жаркий, душный, но к вечеру небо потемнело, облака спустились совсем низко. Ночь наступила черная, тревожная. Над вершинами за Батаком засверкали молнии. Гулкие раскаты грома огласили дальние леса…

Не успели мы пройти и полпути, как разыгралась гроза. Деревья гнулись под порывами ветра. Высокий папоротник на полянах полег. Молнии время от времени прорезали черное небо. Хлынул дождь. Где укрыться?

После полуночи, промокнув до нитки, мы добрались до санатория. Пересекли шоссе и притаились в темном овраге. Петр Велев оставил нас и отправился искать человека, с которым нам предстояло встретиться.

Буря кончилась так же внезапно, как и началась. Облака стали рассеиваться, и ветер погнал их на восток. То тут, то там замерцали звезды. С Илией Чаушевым мы нашли место поровнее и, мокрые и продрогшие, улеглись вздремнуть.

Петр вернулся на рассвете. Принес немного хлеба, повидла и старую шерстяную фуфайку.

— Сними мокрую рубашку и переоденься. — Он подал мне фуфайку.

— А почему я? И на тебе сухой нитки нет, и Илия весь мокрый, — возразил я, хотя мне очень хотелось согреться.

Долгие годы, проведенные в тюрьме в ожидании исполнения смертного приговора, сделали Петра раздражительным, и теперь он резким движением швырнул фуфайку мне в руки.

— На Илие сукно, я в бурке, а ты отправился в дорогу, как жених!..

7

Наступила осень, и наш отряд переместился в большие леса. Туда пришли и кричимские партизаны. Мы объединились. Зиму провели в землянках, а в начале марта разошлись в разных направлениях для выполнения задач, казавшихся нам очень легкими, но, как выяснилось, почти невыполнимых. Наши с Петром Велевым пути разошлись, и мы снова встретились только в июне.

К тому времени пещерцы перестали гордиться своим земляком-царедворцем. Этого человека, несколько лет перед этим

занимавшего пост премьер-министра Болгарии, просто забыли. Город жил легендами о Петре. Преследуемый в течение двух лет целой армией агентов, полицейских и солдат, не раз попадавший в окружение и под ураганный огонь, он оставался неуловимым и невредимым. Люди понаивнее верили, что его пуля не берет. Но полиция этому не верила.

— Знаем мы эти басни, — говорил начальник полиции Гылыбов. — Я так с ним расправлюсь, что те, кто лишнее болтают, язык прикусят…

Через несколько дней Гылыбов вызвал из Пловдива специалиста по борьбе с подпольщиками и провел с ним целый день. Никого больше не вызывал, никуда не выходил, даже обед им в кабинет принесли. Только раз служащий вошел к ним с кипой бумаг — тут было десятка два досье. Пловдивчанин уехал только к вечеру.

На следующий день Гылыбов вызвал своих помощников и приказал им взять под усиленное наблюдение младшего брата Петра Велева — Бориса…

— Меня интересует не только то, встречается ли он с братом, но и его характер, его слабости… И не тяните с этим делом.

Агенты приступили к работе. Один из людей Гылыбова втерся в доверие к Борису, стал его приятелем. Прошло некоторое время, и Гылыбов приказал арестовать Бориса.

— Арестовать, но чтобы никто этого не видел и не слышал! Головой отвечаете, — уточнил он приказ.

Бориса ввели в кабинет. Гылыбов поднялся, заложил руки за спину, потянулся и дал знак арестованному сесть. Встал перед ним, похрустывая суставами пальцев — привычка, сохранившаяся с тех пор, когда он сам истязал свои жертвы. Арестованный побледнел, глаза его наполнились ужасом, он зажмурился…

— Сколько раз ты встречался с братом?

Арестованный молчал. У него дрожали руки, и он стиснул их между коленями. Гылыбов начал выгибать пальцы левой руки, прислушиваясь, как хрустят суставы. Он делал вид, что забыл о существовании арестованного, на самом же деле выжидал момента, когда страх еще сильнее овладеет этим слабохарактерным человеком.

— Тебе дорога жизнь? — спросил Гылыбов.

Арестованный кивнул.

— Дорога… Но когда ты пошел по стопам своего брата, то об этом не подумал… — сказал Гылыбов и обратился к своим подручным: — Обработайте его, а ночью заройте среди камней на Малиновом холме.

— Нет, нет! — вскочил арестованный. — Я все скажу…

— Словами жизнь не выкупишь. Мы и так все знаем. Уведите его!

Арестованный поднял руки и закричал:

— Подождите! Умоляю!.. Чего вы от меня хотите?..

От него потребовали самого страшного — чтобы он убил брата. И Борис согласился. Он должен был застрелить его из пистолета при первой же встрече, но предателю этот план не понравился. Его брат смелый, очень ловкий и легко сможет его обезоружить. К тому же сразу станет ясно, кто убийца.

Гылыбов взял сигарету, чиркнул спичкой, но она догорела у него в руках, а он так и не прикурил.

— И я не люблю грубой работы, — сказал он. — Пожалуй, яд — более подходящее средство…

8

В последние дни июня Петр повел к Пещере нескольких партизан. Ночью возле старой электростанции они встретились со связными Гавраилом Йордановым и Николой Галановым. Закончив дела, пещерцы собрались возвращаться, но Петр их задержал. Расспросил об отце, о брате Борисе.

— Отцу твоему нездоровится. Ослабел он, исхудал. С трудом выходит на работу, — ответил Галанов и замолчал.

Петр снова спросил о брате. Галанов кепкой прикрыл рот и глухо закашлялся. Где-то крикнула сойка. Гавраил повернулся к товарищу, сверкнув в темноте глазами:

— Скажи ему! Зачем молчать!

Галанов перестал кашлять и нахлобучил кепку на голову.

— Борис завел дружбу с писарем уездного управления полиции… Сдается мне, совесть у него нечиста.

— Не хочешь ли ты сказать, что он стал провокатором? — прервал его Петр.

Галанов не ответил. Над головой кружила летучая мышь. Гавраил отодвинулся, и из-под его ног покатился в реку камень.

— Ваши подозрения страшны… — проговорил Петр. — Не верю, чтобы мой брат связался с теми, кто хотел отправить меня на виселицу.

Не послушавшись товарищей, Петр в ту же ночь дал брату знать о себе, а тот — сразу же в полицию. Сообщил все, о чем говорил с Петром.

— Ты предложил ему новую встречу? — нетерпеливо спросил Гылыбов.

Борис закрыл ладонями лицо и хотел сесть, но полицейский

схватил его за руки.

— Договорился ты с ним о новой встрече или нет? Если ты провалил мой план — держись!

— Договорился… — чуть слышно ответил Борис.

— Где?

— На винограднике за казармой…

Гылыбов радостно прищелкнул пальцами, приказал отвести Бориса отдохнуть, а затем заняться его подготовкой. Оставшись один, позвонил в Пловдив, сообщил о готовящейся операции.

— Велев наконец обнаружен, — доложил Гылыбов какому-то начальнику. — Операция состоится сегодня ночью. Дело верное. Хлебцы мне нужны к обеду… Вышлите с мотоциклистом.

С утра Петр и Георгий Шулев, широкоплечий парень из Каменицы, оставив других партизан в лесу, отправились на виноградник. Как и было условлено, после обеда к ним явился Борис. Он принес им повидла и четыре небольших хлебца.

Петр и Георгий сразу же нарезали один из них — уж очень проголодались. Предложили и Борису ломтик, но тот сказал, что торопится: должен идти в кино с писарем полицейского управления.

— Я специально это придумал, чтобы полиция меня не заподозрила. Если опоздаю, начнут сомневаться…

Борис обещал на следующий день принести еще хлеба, попрощался и быстро спустился в город.

Не прошло и четверти часа после ухода Бориса, как оба партизана почувствовали озноб. Свело пальцы рук и ног. В глазах помутилось. Спазмы постепенно охватили все тело. Сковало челюсти.

Георгий выпил воды, и у него сразу же началась рвота. Ему стало совсем плохо, он упал. Петр чувствовал себя лучше и пошел к лесу, где их ждали остальные. Расстояние небольшое, а он шел несколько часов. Когда добрел до партизан, миновала полночь. А предстояло еще возвратиться, чтобы вынести Георгия.

В обратный путь с Петром пошел Тодор Узунов — Никита. Они спешили, но пришли на виноградник только на рассвете. О возвращении в лес не могло быть и речи, и, несмотря на очевидную опасность, они решили провести на винограднике весь день.

Накануне Тодор ничего не ел. Он попросил Петра дать ему немного хлеба, и тот дал — ему казалось, что они отравились черешней, которую ели перед тем, как взялись за хлеб, принесенный Борисом. Виноградник принадлежал его отцу, и он решил, что полиция опрыскала черешню отравой. Тодор отрезал себе четвертушку хлебца, а остальное оставил товарищам.

Вскоре и Тодор ощутил озноб и боль в желудке. Он побледнел, потом посинел. Принесли воды, но и это не помогло. В это время возле виноградника проходил солдатский патруль. Чтобы до патруля не донеслись стоны Тодора, ему прикрыли рот кепкой. Он корчился и стонал, а потом затих. К утру он был мертв.

Петр и Георгий начали ножами рыть могилу, но тут заметили агента Козарова. Следом за ним шло несколько полицейских. Они шли уверенно — яд надежное средство. Петр выстрелил, свалил Козарова. Продолжая бой, партизаны отступили в лес…

Они вернулись в отряд пожелтевшие, опухшие, с кругами под глазами, едва передвигая ноги. Петр опустился на землю и прошептал:

— Нас отравили… Тодор…

Больше он ничего не смог объяснить, но мы поняли, какая участь постигла Тодора.

— Брат брата травит!.. — дрогнувшим голосом добавил наконец Петр.

Командир отряда Дед взял из рук Петра хлебец и спросил:

— Хлеб отравлен?

— Да…

— Отправим в Пловдив на исследование.

— Надо отправить, — поддержал его Петр.

Через несколько дней пришло подтверждение: «В хлебе обнаружен стрихнин».

Лагерь отряда в глубоком овраге над Пещерой мы назвали Никитиным биваком в память о Никите — Тодоре Узунове, жертве гнусного предательства.

Мы приговорили предателя к смерти, но тот исчез из Пещеры. После 9 сентября его арестовали и судили, но в народный трибунал явились его близкие и, рыдая, просили для него пощады. Ведь Петр погиб, и он остался единственным сыном деда Анастаса. Судьи проявили снисхождение. Борис провел в тюрьме несколько лет и сейчас живет в соседнем с Пещерой селе — жалкий и презираемый людьми.

9

«В ночь на 6 октября 1943 года в 19 часов группа подпольщиков, состоящая примерно из 60 человек, среди которых замечены и две женщины, совершила нападение на санаторий Святой Константин Пещерского района и на второй строительный участок, — рапортовал в

Пловдив начальник пещерской полиции. — Они собрали всех находившихся там людей, и скрывающийся от властей Петр Велев из Пещеры произнес перед ними речь, в которой заявил, что вскоре они встретятся как равноправные граждане в городе, что они представляют Отечественный фронт, борющийся за свободу и справедливость».

Группа, совершившая нападение, состояла не из шестидесяти человек, как писал Гылыбов, а только из десяти — двенадцати. Командовал нами Петр. За эту операцию его в третий раз приговорили к смертной казни.

Весь день перед операцией мы провели в крутом овраге у открытого источника санатория. Там, на сухом склоне оврага, в течение дня мы вырыли и подготовили два больших тайника для продуктов и оружия, которое предполагали изъять у охраны санатория, лесного хозяйства и строительного участка.

На санаторий мы нагрянули в сумерках. По шоссе, вдоль которого выстроились аккуратные, разбросанные среди сосен виллы, двигались отдельные фигурки гуляющих. Охрана этих вилл и лесхоза не оказала сопротивления. Мы действовали быстро, и никто из них не знал, сколько нас, партизан.

Мы отвели арестованных в одну из вилл. Там же собрались все отдыхающие и рабочие строительного участка. Мы занялись переноской захваченного оружия, продуктов и одежды в тайник, а Петра Велева уговорили выступить перед людьми.

— Я не гожусь для этого, но если нет никого другого, так и быть — выступлю, — проворчал он уходя.

Петр действительно не любил выступать: он предпочитал словам дело.

В полночь мы ушли из санатория. Путь предстоял долгий, а мы валились с ног от усталости. В тайник пришлось перетаскать по нескольку тяжелых мешков, да и в дорогу мы нагрузились так, что из-за рюкзаков нас едва было видно.

Юркий и ловкий Петр повел нас по известным только ему одному тропам. В дороге он не дал нам ни разу отдохнуть.

— До рассвета нам нужно обойти Пещеру. Только тогда мы будем в сравнительной безопасности.

Спускаться по крутому склону, когда ты порядком нагружен, истинное мучение: ломота в пояснице, дрожь в ногах…

На рассвете мы пересекли шоссе между Раделово и Пещерой и выбрались из молодого дубняка. Перед нами раскинулось Брацигово, повеяло запахом сохнущих табачных листьев. Мы быстро перешли через табачные плантации и свернули в кусты

между железнодорожной линией и шоссе, ведущим из Пещеры на станцию Кричим. Город остался позади нас на расстоянии получаса пути.

— Здесь гораздо безопаснее! — решил Петр. — Полицейские станут искать нас в лесу. Им и в голову не придет, что мы у них под самым носом.

Около девяти часов со стороны станции Кричим донесся гул моторов грузовиков пловдивской моторизованной полиции. Пока они не проехали мимо, мы лежали затаив дыхание. В первом грузовике в ярких лучах солнца блестели каски. Нам казалось, что сейчас машины остановятся, полицейские спрыгнут с них и нацелят на нас свои автоматы. Редкий кустарник казался чересчур ненадежным укрытием, вокруг же голая местность — поля и поля. Но Петр Велев оказался прав: мы находились под носом у полицейских, и они даже не подумали, что мы можем скрываться здесь.

Мы пытались заснуть и не могли. Но не из-за опасной близости к врагу — нас мучил нестерпимый зуд. Вот напасть! В этих местах в полдень паслись козы — от них, видимо, остались блохи. Кожа на руках, шее, на ногах покраснела, появилась сыпь, которую нельзя было чесать: сразу же выступала кровь. Это походило на разновидность крапивницы. А день, как назло, выдался солнечный, и чем теплее становилось, тем больше нас мучил проклятый аллергический зуд.

Мы едва дождались темноты. Двинулись к селу Жребичко. Между Брацигово и Бегой забрались во фруктовые сады. Кое-где под деревьями лежали груды только что собранных яблок. Безлунная ночь благоухала запахами скошенной люцерны и спелых персиков. Зрелые плоды согнули ветки, и наши руки легко нащупывали их среди влажной листвы. Я надкусил один персик — кожица лопнула, по пальцам потек липкий сок.

На пригорке возле Жребичко нас встретил невообразимый собачий лай. Село притаилось в котловине, и в нем не видно было ни одного огонька. Петр Велев повел нас в обход. Деревенские дома мы обошли стороной.

— Ну и злые же здесь собаки — как их хозяева! — сказал Петр. — Этак и глухой догадается, что мы здесь.

Вышли на высотку над селом. Рядом с нами находилось кладбище, заросшее бурьяном, с покосившимися крестами на могилах.

В лагерь прибыли после полуночи. Нам хотелось сразу же завалиться спать, но зуд не давал покоя. Петр посоветовал вымыться водой с солью: якобы от соли сыпь пропадает. Уже рассветало. На высотках появилась изморозь. От холода зуб на

зуб не попадал, но мы разделись и начали поливать друг друга соленой водой. Соль действительно сделала свое дело, но процедура была не из приятных…

10

Петр и Кочо Гяуров спустились в Пещеру, чтобы привести в исполнение смертный приговор одному предателю. Перед наступлением темноты они пробрались через кустарники возле города и зашагали по улице как ни в чем не бывало. Предатель жил в центре города. Во двор они вошли так тихо, что даже собака не почуяла. Из дома доносилась оперная музыка, передаваемая по радио.

Следом за ними во двор вошли двое неизвестных, одетых в плащи. Партизаны притаились под окнами. Незнакомцы позвали предателя, разговорились с ним в дверях…

— Это, вероятно, агенты, — тихо прошептал Кочо. — Схватим всех троих и отведем в отряд.

— Нет, — воспротивился Петр. — Приказано взорвать вместе с домом…

Он снял сапоги и в носках поднялся по лестнице к полуоткрытому окну под балконом. Ему хотелось убедиться, что предатель там один. Нельзя было допустить, чтобы пострадали невинные люди. Под мышкой Петр нес специально приготовленную мину. В зубах у него была сигарета. Он установил мину на карнизе окна и зажег фитиль. Предатель в это время ужинал на кухне, слушая музыку.

Петр и его товарищ отошли подальше и замерли в ожидании взрыва. Согласно расчету мине следовало взорваться через 50—60 секунд. Однако прошла минута, вторая, третья, а взрыва все не было.

Партизаны поспешили покинуть опасное место и остановились только на окраине города. В чем же дело? Петр не хотел возвращаться в отряд, не выполнив задания.

— Идем со мной! — приказал он Кочо, и они вернулись в город.

Петр вбежал во двор предателя, а там — полно полицейских. Он выпустил в них очередь из автомата и выскочил на улицу. Полицейские открыли ему вслед беспорядочную стрельбу.

Петр и Кочо возвращались в лагерь приунывшие. Их угнетала мысль о невыполненном задании. Они знала, что точно в 9.15, как договорились, партизаны, спустившиеся в район Брацигово на выполнение других заданий, должны были наблюдать взрыв над

Пещерой, но никакого взрыва они так и не увидели.

Впоследствии стало известно, почему мина не взорвалась. Музыка прекратилась, и предатель услышал шипение горящего фитиля. Он бросился к окну и вырвал шнур. Так он обезвредил мину и сразу же побежал в находившееся поблизости полицейское управление. Ночь предатель провел под охраной полиции, а на следующий день покинул город.

11

В один хмурый ноябрьский день мы, чепинцы, получили приказ отправиться в наш край и создать там самостоятельную партизанскую группу. Мы уложили свои рюкзаки и, прежде чем расстаться с друзьями из отряда имени Антона Иванова, собрались посреди лагеря. У вершин ближних гор клубились хмурые облака — от этого горы казались мрачными. С ветвей старых елей стекали струйки дождя.

Перед уходом обнялись. Кисловатый запах давно уже не просыхающей одежды… Прикосновение к небритым лицам.

Мы спустились по склону, а партизаны отряда имени Антона Иванова остались в своем лагере. Остался и Петр Велев, худой, в измятой кепке на голове. Он улыбнулся нам, поднял кулак и что-то крикнул, но я не расслышал его слов. Рядом с Петром махала нам рукой Зелма, хрупкая девушка с нежным лицом и большими, как у Петра, глазами.

В предновогодние дни в нашем крае заговорили об операциях партизан из отряда имени Антона Иванова. Подробности, преувеличенные и приукрашенные, передавались нз уст в уста, из села в село. Все-таки мы повяли, что Петр Велев вместе с тремя партизанами сумел отплатить одному подлому убийце из села Козарско. Это был старый долг — с ним следовало разделаться другим партизанам, но те отсиживались со смазанными винтовками на вершине Малого Вылчана. Позже они позабудут об этом, станут объяснять, что и как было, и судить тех, кто погиб ради того, чтобы заплатить этот долг.

Петр и его товарищи несколько дней поджидали убийцу за селом, но он давно не показывался ни в поле, ни в лесу. Тогда они укрылись в доме одного из своих помощников и послали людей выяснить — куда ходит предатель и чем занимается.

На следующий день убийца отправился в кофейню. За столиками сидело человек пятьдесят. Одни пили кофе с сахарином, другие — сливовую водку. Возле двери играли в карты. Убийца наблюдал за жульническими махинациями

игроков и посмеивался.

Партизаны подошли к кофейне. Один из них остался на улице для охраны, а Петр и двое других ворвались внутрь. Жельо Димитров — коренастый усатый партизан, хорошо знавший село и людей, похлопал убийцу по плечу, чтобы его увидел Петр, а потом крикнул:

— Никому не шевелиться! Всем лечь!

Убийца почувствовал у затылка холодную сталь пистолета и побелел. Его глаза округлились от ужаса.

— Пожалейте! У меня дети…

По спине Петра поползли мурашки — он расстегнул воротник рубашки и крикнул, словно пытаясь перекричать какой-то голос в самом себе:

— Ишь как заговорил!.. Беспокоишься о своих детях, а о чужих ты подумал?..

Инстинкт подсказывал предателю, что этот человек, проведший свою молодость в тюрьмах, человек, которого расстреливали и пытались отравить, но так и не убили, может быть, способен его простить. Он протянул руки к Петру и снова стал просить о прощении. Тогда кто-то из крестьян не выдержал:

— Что вы на него смотрите? Нечего с ним церемониться! Нужен ли он своим детям — еще неизвестно!

Загремели выстрелы. Лампа погасла. Тело убийцы сползло на пол.

Партизаны разбросали листовки. Петр остановился в дверях, и крестьяне услышали его глухой голос:

— На два года мы опоздали, но не забыли…

Через несколько дней против Петра возбудили новое дело. Разбирательство длилось целый месяц, и четвертый смертный приговор ему вынесли незадолго до разгрома отряда имени Антона Иванова.

12

Год или два назад я собрался отыскать место гибели Петра, но не смог: никто не знает, где оно находится.

Когда отряд перешел вброд Фотенскую реку и в поисках спасения двинулся к берегам Вычи, Петр и маленькая Зелма Декало отстали от отряда. На рассвете они увидели цепи приближавшихся жандармов и первыми открыли огонь. Кое-кто из ныне здравствующих товарищей Петра считает это безумством. Наверное, они правы. Но если это и безумство, то «безумство храбрых», безумство героев.

И КАРЛЫК ОНЕМЕЛ

Меня призвали из запаса и направили в роту карателей Черного капитана. Никто не спрашивал меня, хочу я этого или нет, а когда подули кровавые ветры над Батаком и Брацигово, у меня не хватило смелости ни на то, чтобы скрыться куда-нибудь, ни на то, чтобы пустить себе пулю в лоб, дабы не быть с этой волчьей стаей. Я старался держаться в стороне, чтобы не только не стрелять в партизан или в их помощников, но и не видеть того, что происходит; но уж раз ты пошел с Черным капитаном, ты не можешь не запятнать себя.

Прошло около десяти дней с тех пор, как мы пошли по следам партизан. Нас подняли среди ночи и повезли на машинах «штайер» в Брацигово. Еще до рассвета мы оказались на каком-то шоссе над городом. Остановились. Черный капитан выскочил из кабины первой машины и приказал выходить. Пока мы собирались и выстраивались, он созвал офицеров и агентов, чтобы дать им какие-то указания.

— Понял? Недалеко отсюда группа партизан, — шепнул мне Бакырджия. Мы понимали друг друга. Он был из соседней деревни, нас мобилизовали одновременно.

— Будет ли когда-нибудь конец этой сечи? — сказал я тихо, чтобы он один меня услышал. — Когда все это кончится?..

Знал ли он, что мне ответить?!

Бóльшая часть роты, ушедшая с капитаном, двигалась над дорогой, а остальных повел Хищник. Мы пересекли глубокий овраг и, взобравшись по крутому склону, попали в жесткий и колючий низкий кустарник. Хищник и десятка два сержантов и солдат вырвались вперед, словно овчарки, боясь упустить добычу. Хищник повелительно махал нам рукой, чтобы мы не отставали. А мы и не отставали, потому что знали: озверев, они, чего доброго, и нас прикончат из автоматов.

Мы еще взбирались по склону, когда наверху затрещали пулеметы и автоматы, взорвались гранаты. Потом пулеметы и автоматы залаяли еще более остервенело, послышались крики. И вдруг лес онемел: ни выстрела, ни крика. У меня ноги подкосились, и я сел на мокрую землю.

— Иди, иди! — подтолкнул меня Бакырджия. — Что случилось, то случилось… Если не пойдем, нам хуже будет…

Мы взобрались на лесистый холм над Брацигово. Черный капитан уже собрал своих людей около старого, полуразрушенного дома, крытого черепицей. Среди кустов лежали окровавленные трупы. Сколько их было, не знаю. Я и

смотреть не мог на них, а не то что подсчитывать. У самого дома сбились в кучу несколько обезоруженных партизан.

Потом уже стало известно, что произошло. Десяток партизан, отставших от своих товарищей после боя у Фотенской реки, пробрались к Брацигово. Они установили связь со своими товарищами из города, и те решили переодеть их в женскую одежду, чтобы затем провести и укрыть в своих домах. Но в то время когда партизаны в голом лесу дожидались, пока доставят одежду, предатель сообщил жандармерии об их местонахождении. На рассвете следующего дня они увидели, что окружены. Партизаны попытались вырваться из окружения. Но у них были всего две-три винтовки да горсть патронов против пулеметов и автоматов, и они не смогли прорваться. Бой продолжался минут двадцать…

Взятые в плен партизаны молчали. Глаза их, страшно увеличившиеся, тревожно поблескивали в провалившихся глазницах. Мне и сейчас становится не по себе, когда я вспоминаю их глаза.

— Связать и отвести к машинам! — приказал капитан.

Хищник и другие агенты стали связывать партизан. При этом их пинали, били по чему попало. Дошла очередь до крепкого парня со светлым лицом, одетого в форму лесничего. Стали спрашивать, кто он, откуда.

Парень молчал. Он не знал, отвечать ему или нет. Хищник схватил его за волосы, толкнул годовой вниз и ударил сапогом в лицо.

— Остановись, не бей его! — крикнул пожилой партизан и встал перед агентом. По его лицу, черному и худощавому, покатились слезы. — Это мой сын Андрей… Я его повел этой дорогой, и я буду отвечать за него.

Это был Петр Найчев Марджев, один из первых батакских партизан. Черный капитан довольно потер руки.

— Наконец-то ты нам попался! Мы тебя считали опасным партизанским вожаком, а ты… Страшно стало умереть героем…

Марджев тяжело вздохнул.

— У тебя есть сыновья, капитан?.. Даже зверь, почуяв кровь, не бросает своего детеныша, стремится его уберечь, а не то что человек. Отпустите парня на волю и развяжите мне руки, тогда увидите, какой я партизанский вожак…

Это привело карателей в бешенство, и они набросились на него. Марджев и ростом был невысок, не очень крепок на вид, к тому же еще исхудал, от него остались лишь кожа да кости, но держался он мужественно. Стиснув зубы, он не издал ни звука, не просил пощады, а каратели продолжали его бить, бить. Они

повалили его на землю, били по голове. Все лицо его покрылось синяками, ему покалечили ноги. Сыну бы не видеть того, что делали с его отцом, но Андрея заставили смотреть. И он смотрел, а его плечи содрогались от глухого рыдания. Он задыхался от мучительной обиды, что не может помочь отцу: ведь он и сам был связан.

Когда Марджева наконец оставили, у него не было сил подняться. Он только тряхнул головой и едва слышно проговорил:

— Связав человека, можно по-всякому над ним измываться…

По-видимому, Черный капитан не услышал, а другие не поняли его слов, или же каратели устали, но они Марджева больше не трогали.

Рота возвратилась в Батак. Захваченных партизан бросили в подвал школы, отдельно от помощников партизан.

Я узнал, где находится дом Марджева, и, дождавшись темноты, пошел предупредить его близких о том, что он схвачен вместе с сыном. Поднялся по старой деревянной лестнице на чердак. Заглянул через окно в комнату, и что же я увидел! Девочка лет тринадцати-четырнадцати зажигает белую свечу. Зажигает, а сама горько плачет. Меня она не заметила. Я тихонько постучал в стекло, девочка вздрогнула.

— Не бойся меня… — поспешил я успокоить ребенка. Девочка как две капли воды была похожа на Марджева. — Скажи, мама дома?

Я хотел найти ее мать, ведь я не мог столь страшную весть сообщить такому ребенку!..

Матери дома не оказалось. Я спросил Писану, так звали девочку, почему она плачет. Она не ответила. Я понял, что она не хочет со мной говорить, потому что на мне эта проклятая форма! Но и без ее ответа было ясно, что она знает о несчастье. Наверное, видела своего отца, Андрея и других пойманных партизан, когда их везли через нижний квартал городка.

Обезумев от ужаса, Писана долго ломала голову над тем, как помочь отцу и брату, но так ничего и не придумав, вытащила из сундука венчальные свечи своей матери и зажгла их. Она не ждала помощи от бога, но должна была хоть что-то предпринять.

И вот наступил день, когда партизан вывели во двор и поставили у стены школы. Положили перед ними головы четырех убитых партизан. Тут же толклись и те, кто прислуживал властям. Явилась и вдова начальника полиции, убитого партизанами, со своим совсем дряхлым, старым отцом. Увидев Марджева, он схватил полено и замахнулся, норовя попасть ему в голову, но Марджев увернулся, и низкорослый старик не смог его достать.

Тогда на помощь старику пришли жена полицейского и Хищник. Они набросились на Марджева, стараясь повалить его на землю.

Вдруг откуда ни возьмись выскочила Писана, растолкала столпившихся вокруг партизан жандармов и бросилась к отцу. Она оттолкнула старика в сторону и вцепилась в руку Хищника. Он охнул и отшвырнул девочку так, что она упала. Упала, но тут же вскочила и снова ринулась защищать отца. Марджев, побледневший, с окровавленным лицом, все повторял ей, чтобы она ушла.

— Нет! Этого не будет! Не уйду! — кричала девочка. — Отпустите моего отца!.. Звери!..

Черный капитан показался в окне школы и приказал, чтобы ее выбросили со двора. Несколько жандармов схватили ребенка и поволокли на улицу. Но Писана стала вырываться из их рук. Даже рассказывать о таком и то невыносимо больно, а если все это видишь своими глазами и помочь ничем не можешь…

Примерно через две недели в одну из черных мартовских ночей Хищник и его люди вывели всех захваченных партизан во двор. Приволокли из села какого-то глухонемого цыгана и всех повезли по мосту через Старую реку. Обманули, сказав, что их везут в Пещеру, а зачем — дескать и сами не знают. Да ведь таких дел не утаишь. Тем более каратели уже столько зла натворили, что хоть десять раз их вешай, все равно не расплатиться им за свои злодеяния.

Не доезжая Новомахлевской дороги, Хищник приказал всем высадиться и дальше двигаться через луга и поля к Карлыку. И жандармы устремились к крутому склону, подгоняя связанных партизан, среди которых были и две молодые женщины. Они шли молча и держались, видно, из последних сил, утратив всякую надежду на спасение.

На голой вершине над селом каратели остановились передохнуть. Не ради своих жертв — этих кто пожалеет! Устали убийцы. Но едва сели, как на западе что-то сверкнуло и над далекими горами появилось какое-то бледное сияние. Затем задрожала земля, задрожала раз, другой и затряслась от какого-то глухого гула. Из темноты выскочила собака, стала вертеться возле людей и испуганно скулить. Глухонемой цыган поднял остекленевшие глаза к черному небу и перекрестился. Жандармы и их пленники притихли, словно перед знамением. На следующий день радио сообщило, что англо-американская авиация бомбила Софию.

Когда далекий грохот прекратился, жандармы повели обреченных в большой лес в Мирчовице. Остановились на маленькой полянке. Пахло свежевскопанной землей.

— Здесь нам и конец, — пробормотал Марджев.

— Ха! Не думаешь ли ты, что это тебя минует! — расхохотался Хищник и зажег карманный фонарик. Луч резанул по фигурам связанных людей и блеснул в лицо Марджева.

— Мы давно сцепились, так что хорошо знаем друг друга. Миром нам не разойтись, — произнес Марджев. — О сыновьях теперь нужно подумать. Болгарии повсюду нужны руки, чтобы топором работать, дома строить и винтовки носить…

Хищник не ответил. Пленников подтолкнули к куче наброшенной земли, позади которой зияла готовая принять их яма. Молодая партизанка из Асеновграда зашептала имя своего малыша. Кто-то заплакал. Заплакал и запричитал дурным голосом и глухонемой, но никто не понял, что это было: то ли жалоба, то ли зловещие проклятия. Тогда Марджев крикнул своим товарищам, чтобы они держались.

— Не на заработки мы отправились, чтобы могли легко отказаться от своих намерений! Другую цель мы избрали. На нашем пути не клады, а черная му́ка и кровавые раны, а придет время, и жизнь надо отдать… Андрей, Андрей, пришло и наше время…

Голос его задрожал, и он умолк, чтобы не выдать себя перед убийцами и чтобы они не хвастали, что в тот мучительный час он плакал. А должен был бы заплакать! Какой отец не заплачет, когда вместе с ним перед расстрелом его единственный сын! Андрей прижался к отцовскому плечу, прошептал ему что-то, видно, успокаивал отца, но прогремели выстрелы — и оба упали. Упали рядом — отец и сын. Полегли и остальные. Эхо стрельбы утонуло в трясине Баташского болота, и лес онемел. Онемел и Карлык.

Хищник заставил глухонемого сбросить тела мертвых в яму и зарыть, а когда тот кончил, знаками показал ему, что, если он выдаст, где убиты партизаны, тогда и ему не жить. Несчастный застонал и побежал в Батак.

На следующий день в полдень во двор школы пришла Писана с узелком в руке. Она принесла еду для отца и брата. Бакырджия остановил ее. Хотел сказать правду, но так и не нашел в себе силы.

— Их увезли или в Пещеру или в Брацигово, — солгал он.

Но девочку нельзя было обмануть. Она выронила узелок и закрыла ладонями лицо. По щекам ее покатились слезы. Она повернулась и засеменила к дому…

Месяц спустя меня отпустили из казармы. Но мне от этого легче не стало. Из сознания не выходили окровавленные, сброшенные на дно ямы тела, отрезанные головы убитых

партизан. Долгое время потом я не мог спать. Стоило лишь закрыть глаза, как меня сразу же захлестывали какие-то мутные потоки и уносили в бурный водоворот Тополницы. Я тонул в этом водовороте, задыхался медленно и мучительно. И сейчас все еще не могу успокоиться. Каких людей погубили! Жестокий народ расплодился…

Этими словами завершил рассказ друг Бакырджии. Он имел в виду Черного капитана и его людей. Жестокие это были люди, алчные к власти и деньгам. Слова о царе и Болгарии не сходили с их уст, но они совершенно не задумывались над тем, что и царь, и их Болгария давно уже были мертвы для народа, опротивели ему, а народ — это не бессловесное животное, которое можно стреножить, и не новомахлевский буковый лес, по которому можно пройтись с топором и мертвым сложить его у дороги. Узловатые корневища пустил он в землю, и горячая, пенистая кровь течет в его жилах, так что никакие кровавые ветры не могут его сломить или уничтожить.

ПОСЛЕ ПЕРВОГО ВЫСТРЕЛА

Каждое село встречало своих партизан — только Батаку некого было встречать. Целый день мы простояли на шоссе неподалеку от села с цветами в руках. Все надеялись, что, может быть, хоть кто-нибудь остался в живых.

Вернулись домой только с наступлением темноты. Некоторые повесили на воротах черный траурный креп. Мама и тетя Недялка спорили: как, говорят, хоронить их, может, они живые. И отправились вместе с другими женщинами расспрашивать в Пещере, Брацигово, Лыджене и других местах.

Ожидая их возвращения, бабушка Вана которую ночь подряд не смыкала глаз. Она сидела на стуле и в каждом шорохе пыталась распознать шаги отца и дяди. В своей морщинистой руке она сжимала большую золотую монету.

— Я ее отдам, — объявила она, — в награду за добрую весть тому, кто первым скажет, что наши герои живы…

На третий день мама и тетя вернулись. Бабушка встала, в глазах ее застыл вопрос.

Мама не знала, что ей сказать. Она хотела, чтобы та сама поняла ее без лишних слов, но бабушка произнесла:

— Да скажи хоть что-нибудь, обмани на худой колец!

Мама ответила:

— Теперь уж без обмана… Нигде никого нет…

Бабушка Вана привалилась к стене, ее не успели поддержать, и она соскользнула на пол. Мама нагнулась над ней, приподняла голову, но бабушка была уже мертва. Я вскрикнул и выскочил во двор. Убежал в сад, бросился на траву и разрыдался…

…Все началось в тот сентябрьский день 1941 года, когда над Батаком раздались первые выстрелы.

Однажды утром мой друг Гошо Гарабитов вызвал меня из дому и предложил пойти на лесопилку за деревянными планками. Из них мы делали клетки для голубей и деревянные мечи. Я захватил кусок хлеба, выкатил тележку на четырех колесиках, и мы пошли вдоль реки.

Проскользнули между штабелями бревен и досок, сваленных у лесопилки, но сторож нас заметил.

— Вот я вас сейчас! — закричал он.

Тогда мы побежали к селу, тележки подпрыгивали за нами. Запыхавшись, мы остановились и спрятались в саду. Затеяли какую-то игру и не заметили, откуда появились полицейские. Их вел Мерджан. Он дал мне подзатыльник, обругал за что-то моего отца, и полицейские пошли дальше, к лесопилке.

Я вернулся домой, хотел пожаловаться на Мерджана, но заметил, что отец чем-то раздражен. В комнате находился и мой брат Георгий, ученик Пещерской гимназии. Они не обратили на меня никакого внимания и продолжали свой разговор. К моему удивлению, они говорили о полицейских. Георгий только что видел их перед домом Стоимена и слышал, что они хотят арестовать Тодора Коларова.

— Они пошли на лесопилку, — вмешался я.

Отец положил сигарету в пепельницу.

— Когда ты их видел?

— Только что… Мы с Гошо Гарабитовым играли в саду недалеко от лесопилки… Они прошли мимо сада.

— А-а-ах! Тодор, наверно, на лесопилке. Они его схватят!.. — проговорил отец, стукнув кулаком по колену.

Он немного подумал, а потом велел моему брату пойти в кофейню.

— Там меня ждут твой дядя Илия, Никола и Георгий Чолаковы. Скажи им, чтобы зашли ко мне.

Через десять минут они пришли и начали оживленно разговаривать. На меня никто не обращал внимания, словно я не существовал. Немного погодя Никола Чолаков повернулся к брату и сказал:

— Беги к Георгию Ванчеву. Скажи ему, что полиция хочет арестовать Тодора Коларова. Мы пойдем туда же, на лесопилку. Пусть Георгий нас догоняет…

Щелкнули предохранители пистолетов. Никола Чолаков сунул в карман гранату, и они пошли. Мама и тетя Недялка догадались, что происходит, и собрались идти за ними, но дядя Илия остановил их.

— Оставайтесь здесь! — строго приказал он. — Кто-то должен остаться и присмотреть за детьми…

Дядя Илия пошел вслед за отцом и Чолаковыми.

Тетя Недялка ушла в свою комнату. Мама присела к столу, косынка сползла ей на плечи, она хотела ее поправить, но руки бессильно опустились на колени.

Я ничего не понимал, но общая тревога передалась и мне. Мои глаза наполнились слезами. Мама привлекла меня к себе, вытерла лицо, потом сразу поднялась.

— Незачем нам здесь оставаться! — сказала она тете. — Пойдем за ними следом, как будто мы в сад собрались.

Наш сад находился поблизости от того места, где похоронены погибшие во время восстания[18]. Мама и тетя взяли с собой мешки, и мы втроем вышли из дому.

Отца и Георгия Чолакова мы увидели за сеновалом на краю

села. Они рассердились, заметив нас. Георгий Чолаков замахал пистолетом, требуя, чтобы мы вернулись домой.

Мама и тетя спрятались в саду, я — с ними. Они были очень озабочены и, казалось, даже забыли обо мне.

Только мы вошли в сад, как на дороге с лесопилки показались полицейские. Тодор Коларов шел впереди них. Георгий Чолаков появился из-за стены старого сеновала и что-то им сказал. Полицейские схватились за свои пистолеты. Раздалось несколько выстрелов. Это стрелял мой отец. Мерджан уткнулся лицом в землю. Один полицейский опустился на колени и поднял руки. Но старший из них выхватил свой пистолет и прицелился в наших. Чолаков набросился на него, схватил за руку и вывернул ее за спину, но и сам лишился возможности стрелять. Они сцепились в схватке. Полицейский орал благим матом. Чолаков крикнул что-то моему отцу. Отец вскочил и бросился ему на помощь. Прозвучали еще два-три выстрела, и старший полицейский свалился на землю. Вскоре после этого прибежали дядя Илия, Никола Чолаков и Петр Марджев. Они собрались вместе и ушли в горы…

Мы оставались в саду ни живы ни мертвы. У меня по подбородку потекла кровь: я прикусил себе язык. Мама обняла меня и запричитала:

— Ой-ой-ой! Батюшки, что же они наделали!.. Ох, что же они натворили…

Садами мы вернулись домой. Бабушка Вана встретила нас на крыльце. В переднике она держала початки кукурузы.

— Где Ангел и Илия?.. Кто это там стрелял? — спросила она.

Мама и тетя Недялка решили не говорить ей всю правду. Из всех нас бабушка особенно любила отца и дядю Илию — своих внуков. Она была дочерью Ивана Божина, одного из руководителей восстания против турок, пережила батакскую резню и смерть всех своих близких. С нами, как нам казалось, она держала себя строго и сурово.

Но разве можно такое скрыть! Бабушка отнеслась к новости довольно спокойно.

— Раз они их прикончили, так, значит, надо было… — сказала она. — Ангел и Илия — крепкие мужики, лес для них что дом родной… На этом же месте их дед Иван порубил несколько человек из шайки Барутанлии. Они тогда пришли как послы от турок, а сами замышляли похитить Ивана…

Осенью я впервые пошел в школу. Нам попалась хорошая учительница, умная и добрая. Я и сейчас вежливо с ней раскланиваюсь.

Однажды утром перед школой меня повстречали двое ребят из старших классов. Один из них, племянник Мерджана, толкнул меня плечом и ударил своей сумкой по ногам. Не знаю, чем он ее набил, но она оказалась очень тяжелой. От удара у меня потемнело в глазах. Я наклонился, чтобы снять башмак, но второй мальчишка схватил меня за рукав и начал ругаться:

— Ты чего толкаешься, партизанское отродье!..

У меня ныла нога. От боли я не мог перевести дух.

— Подними сумку! — сказал дружок мерджановского племянника.

Они ждали, чтобы я подал им сумку, и наслаждались тем унижением, которому меня подвергали. А я весь дрожал, потому что — это я себе могу только сейчас объяснить — унижение труднее перенести, чем физическую боль. Мне так хотелось схватить какой-нибудь камень и разделаться с обидчиками.

— Не подниму! Сами поднимайте…

Мерджановский племянник с маленькими, как у хорька, глазами сделал знак приятелю. Тот схватил меня и снова потребовал, чтобы я поднял сумку.

— Не подниму!

Они пригрозили, что сбросят меня в Старую реку: туда надо бросать всех коммунистов.

Я продолжал сопротивляться. И мне бы несдобровать, если бы не появилась наша учительница. Она сразу поняла, что дело неладно, и поспешила мне на помощь.

— Вы что к нему пристали? Вы же старше, стыдитесь! — отчитала она их и увела меня с собой.

Начался урок, а я никак не мог успокоиться. Учительница приколола к черной доске картинку с кукушкой и начала что-то объяснять. Мы изучали букву «к». Я смотрел на птицу, изо всех сил старался слушать, но не мог сосредоточиться, на глаза наворачивались слезы. Учительница подошла ко мне и спросила:

— Ты кукушку когда-нибудь видел?

Она хотела меня отвлечь от тяжелых мыслей. Я встал и опустил голову.

— Слышал, как она кукует? Что ты можешь сказать о ней? — повторила учительница вопрос.

Другие дети смотрели на меня и ждали, а я стоял с опущенной головой и молчал. Дети оживились. Позади меня кто-то хихикнул. И я вспылил:

— Кукушка кукует — смерть Гитлера чует.

Я выпалил это одним духом, словно опасался, что кто-то может меня перебить, а потом снова замолчал и опустил голову. Почему я это сделал? Теперь-то я понимаю, что это скорее всего

была своеобразная реакция на нанесенную мне обиду.

Учительница не промолвила ни слова. Она дала мне знак сесть и продолжала урок. Похоже, что она хотела сразу же переключить внимание ребят на что-то другое, чтобы мои слова не произвели впечатления на остальных. Потом она зашла к маме и сказала:

— Поговорите с сыном, тетя Невяна. Он еще маленький и многого не понимает. Может накликать беду…

Из-за этого происшествия в классе у нас в доме разыгрался целый скандал. Мама меня ругала, а бабушка защищала.

Наряду со взрослыми и мы, дети, постепенно научились хранить тайну. На наших глазах происходило много такого, о чем — мы знали — нельзя нигде проговориться.

Я страшно переживал, что не могу видеться с отцом. Без него и дяди наш большой дом казался пустым и мрачным, как амбар. Вечерами мы расходились по комнатам молчаливые и подавленные. Мамины заботы и тревоги передавались и нам. Когда я думал об отце, у меня сжималось сердце. Иногда я запирался в комнате, чтобы меня не видели, и давал волю слезам, стараясь отвлечься, часто рылся в книгах. У отца была неплохая библиотека. Он собирал ее на протяжении многих лет. «Война и мир», «Братья Карамазовы», «Собор Парижской богоматери»… Я читал заглавия книг, и мне казалось, что отец стоит рядом со мной, говорит мне что-то…

Раньше я не обращал внимания на почтовые марки, собранные отцом в нескольких толстых тетрадях. Сейчас же часами рассматривал их с благоговением, не смея даже прикоснуться к ним.

Однажды вечером я заметил, что мама и тетя Недялка собирают узелки, чтобы отправиться в лес. Я забрался под одеяло, но не смог уснуть. К полуночи разразился ливень. Небо над горой освещали яркие вспышки молний, в окна барабанили струи дождя. Во дворе у соседей скулила собака.

Мама и тетя вернулись на рассвете. Я встретил их в коридоре над лестницей.

— Почему ты не спишь? Отправляйся в постель! — рассердилась мама.

Я ничего не сказал в ответ и продолжал стоять. Она знала, в чем дело: уже много раз я просил ее взять меня с собой.

— Иди спать, сынок… — сказала она уже более ласково. — Ты еще мал. Не выдержишь…

— Если в следующий раз не возьмете меня, я все равно пойду за вами! Или убегу в лес и сам разыщу его!

В моем голосе прозвучала неожиданная твердость. Я заметил,

что маму это испугало. Она сняла с головы мокрую косынку и бросила на стул. У ног ее натекла лужа дождевой воды. Мне стало жаль мать. Я прижался к ней, а она, вздохнув, сказала:

— С твоим отцом и с тобой мне не сладить… И он хочет тебя видеть…

Через несколько дней мы отправились на поле, что под Петровой грядой. Вместе с нами пошли тетя Недялка и ее сын Станчо, мой ровесник. Целый день мы копали картошку и набрали двадцать мешков. Большую часть мешков оттащили в лес и припрятали между молодыми елями и соснами — для партизан. На поле осталось всего пять-шесть мешков. После обеда пришла телега и увезла их в село, а мы спустились к Яневой мельнице и пошли по противоположному склону.

Это, должно быть, происходило в октябре, потому что лес уже сменил свой летний наряд. Среди елей Тырновицы светились пожелтевшие березы и покрасневшие дикие черешни. Орешник в низинах уже сбросил листву. Над деревьями струился прозрачный и чистый, круживший голову воздух. В лесу тетя Недялка остановила нас, оглянулась и сказала:

— Идите по дороге на Соватю и напевайте: «Скажи мне, сестра, где же Караджа, где моя верная дружина?..»[19] Не надо торопиться, а то за вами не поспеешь…

Мы вышли на поляну с большой одинокой елью. Ее корни выбились из земли на поверхность. Мы подошли к ней и стали собирать продолговатые шишки. Станчо продолжал петь и призывать Караджу.

Вдруг кто-то зашумел в лесу. Станчо замолк. Мама и тетя Недялка тоже замерли на месте. На тропинке за нами стоял незнакомый мужчина лет тридцати. Бросались в глаза курчавые волосы, мягкие черты лица, темные глаза. Таких глаз я больше никогда не встречал. На человеке были брюки гольф и ботинки на толстой подошве, как у туристов.

— Это же Петр! Петр Велев!.. — узнали его мама и тетя и сразу успокоились.

Это был первый партизан, которого я видел, но никакого оружия при нем я не заметил. Он отвел нас в отряд.

Когда я встретил отца, сердце у меня застучало. Да и он разволновался. Крепко-крепко обнял меня на радостях.

Потом партизаны поднялись на вершину, а дядя Илия, тетя, Станчо, мы с мамой и отцом остались у родника. Мама вынула из мешка хлеб и сало, расстелила на траве большой платок и предложила всем поесть. Но никто не притронулся к еде. До еды ли было! Мы не могли наговориться и насмотреться друг на друга…

Сейчас я сам уже отец, понимаю, что это такое — отцовская любовь, и негодую, когда вижу, что есть сыновья, которые не способны ценить ее…

Через несколько часов нам предстояло расстаться. Все собрались под одинокой елью на полянке и сфотографировались. Меня и Станчо отвели в сторонку. Очевидно, не хотели подвергать нас риску. Эти снимки теперь в музее.

Однажды весенним вечером отец, дядя и еще двое партизан пришли к нам домой. Уже стемнело, но фонари на улицах еще не горели — это было незадолго до комендантского часа. Кто-то постучал в окошко кухни. Мама вышла посмотреть, кто стучит, и я побежал за ней. Во дворе, прислонившись к стене, стоял человек.

— Ш-ш-ш! Это я… Гого Ванчев! — заговорил человек. — Погасите лампы!

Мы впустили Ванчева в дом. В руке он держал наган.

— Нет ли в доме чужих людей? У вас все спокойно? Тогда пусть Виктор пойдет в сад к памятнику. Там его ждут… И пусть приведет сюда людей…

Мама хотела отправиться сама, но Ванчев настоял на том, чтобы непременно пошел я: ребенок меньше привлечет к себе внимание.

Группа дожидалась меня в тени деревьев. Отец узнал меня издали и окликнул. Я бросился к нему, ощутил знакомый запах табака, потерся о его колючую бороду; несмотря на темноту, заметил, что он похудел и постарел. Рука нащупала на пиджаке веточку цветущей яблони… Вот это неожиданность! Впрочем, нет. Он умел ценить прекрасное. Дома мы храним тетрадь с его стихами. Помнится, что в стенгазете отряда помещали некоторые из них.

— Довольно, брат! Пойдем, пока не расставлены засады, — сказал дядя Илия и слегка хлопнул меня по спине.

Партизаны оставили свои рюкзаки у окраины села, оружие спрятали под одеждой и проскользнули к нам и дом. Рюкзаки потом принесли мама и тетя Недялка.

На следующий день отец послал меня в магазин Янева купить кое-что из еды. Это было в субботу, под вечер. Я шел вниз по нашей крутой улице, а душа моя пела. Пела потому, что отец находился дома, а может быть, потому, что я исполнял поручение партизан. По всему Батаку разносился запах цветущих плодовых деревьев. Ветер обдавал меня какой-то неспокойной теплотой, будоражившей кровь. С нижней улицы долетали звуки гайды[20] и крики гостей, гулявших на свадьбе.

Я купил что нужно и пошел за газетами. На площади перед столярным училищем отплясывали буйное хоро[21]. Замыкали хоро несколько ребят моего возраста. Вокруг толпился народ: в те годы страданий и мук было много, а радости мало, и люди соскучились по веселью. Вдруг кто-то взял меня за плечо. Я обернулся и едва не ахнул: за спиной у меня стояли поп Делев и полицейский.

— Что, интересно? — спросил поп. — Может, тоже попляшешь? Смотри, другие ребята…

— Да нет, неохота мне плясать, — ответил я.

Поп протянул мне кусок марципана. Я отказался. В селе попа не любили. Однажды зимой я видел, как он стрелял из двустволки по воробьям, чтобы не клевали его суджук[22]. Все село знало, что он жестокий человек. Поп давно следил за отцом и его товарищами.

— Когда твой отец приходил в прошлый раз, он, кажется, принес тебе губную гармошку? — спросил поп.

У меня бешено забилось сердце, а в горле застрял ком. Я испугался. Неужели они пронюхали о приходе отца и его товарищей? Сверток в моей руке начал дрожать.

— Он не приходил домой, — ответил я. — Никто его не видел и ничего не слышал о нем.

Полицейский позвал меня с собой, обещая дать шоколаду, но я отказался и поспешил домой. С трудом сдерживал себя, чтобы не побежать. На душе было тревожно. Я рассказал отцу, что случилось там, на площади, и он решил, что надо уходить…

Тогда я видел отца в последний раз.

Несколько дней спустя у нас произвели тщательный обыск. Явились посреди ночи. Перевернули постели, вспороли матрацы. Один полицейский, схватив маму за косы, потащил ее по лестнице на чердак.

Тетя Недялка с детьми жила в другой половине дома, и нас разделял только коридор. Когда маму затолкали на чердак, я бросился к Станчо и Ленке, но вслед за мной вошел тот самый полицейский, которого я встретил тогда вместе с попом Делевым на площади. И опять он задал тот же вопрос — о губной гармошке.

— Где эта твоя музыка? — спросил он. — Научился ты играть на ней?

Только после 9 сентября мы поняли, почему они все об этой гармошке расспрашивали. Когда партизаны напали на Кьошку, отец задержал одного егеря из свиты царя. У него отобрали одежду и оружие. Егерь потом сказал полицейским, что один из партизан передал отцу губную гармошку.

Я ничего не ответил тогда на вопрос полицейского.

На рассвете нас увели в столярное училище. Привели и других арестованных. Потом нас посадили на какие-то длинные машины и отвезли в полицейское управление в Пещеру. Затолкали в подвал. Там мы встретились с моим братом Георгием. Его арестовали в гимназии в Пещере и отвели в полицию раньше нас. Тогда я увидел и Димитра Чолакова. Его провели по коридору с завязанными глазами и скрученными руками. С уголков его губ стекала кровь. Я вскрикнул. Бай Димитр понял, что здесь есть люди.

— Воды… Воды… — простонал он. — Дайте мне воды.

Его втолкнули в одну из камер в конце коридора.

Вечером нас погрузили в товарные вагоны и отвезли в Пловдив. На площади перед вокзалом стояло с десяток полицейских.

Нас собралось около трехсот человек — стариков, женщин и детей. Нашу растянувшуюся колонну повели по широкому безлюдному бульвару. Мама, измученная переживаниями, едва передвигала одеревеневшие ноги. Я старался ее поддерживать; брат нес шерстяные одеяла и немного еды, которую удалось прихватить из Пещеры.

Всех арестованных привели в здание областного полицейского управления. Мы спустились по лестнице вниз, и нас затолкали в помещение, где хранился уголь для отопления. В нос ударил затхлый запах. По полу сновали крысы. В конце коридора под тусклой лампой стоял усатый полицейский. Он настолько почернел от угольной пыли, что черты его лица были почти неразличимы.

В здании полицейского управления мы провели несколько дней. В подвал набилось столько людей, что приходилось стоять вплотную друг к другу; воздуха не хватало. Ночью я просыпался весь в поту от кошмарных снов и с трудом приходил в себя. Одна старушка из Розово посоветовала маме, когда выйдем на свободу, позвать какую-нибудь знахарку, чтобы заговорила меня от испуга.

На пятый или шестой день, сейчас точно не помню, пришли полицейский офицер и два агента. Они вытащили список и начали вызывать арестованных по фамилиям:

— Иван Янев, Стойчо Геров, Благо Пенев!..

Названные откликались и выстраивались перед офицером. Кроме двух немощных стариков среди них оказались и совсем дети. Мы не знали, зачем их вызывают. Мама держала меня за локоть и после каждого имени сильнее прижимала к себе, словно надеялась этим удержать меня рядом.

— Виктор Чаушев, Станчо Чаушев… — вызвал офицер.

Мама вздрогнула. Ее пальцы отпустили мой локоть. Я встал, поцеловал ее, обнял брата и пошел. Тогда старушка из Розово завизжала:

— Не отдавайте его! Их убьют!

Матери только этого не хватало. Она всплеснула руками и со стоном свалилась на пол. Мой брат и еще две-три женщины принялись ее успокаивать, кто-то подал воды. Она пришла в себя, когда нас уже увели…

А волнение оказалось напрасным — ничего с нами не случилось. Нас вывели на улицу и велели идти по домам.

Мама и брат вернулись из-под ареста только осенью. К концу года в Батак прибыла жандармская рота и блокировала дороги и мосты. Из леса согнали в село всех людей и скот. Начались аресты помощников партизан и их близких.

Однажды февральской ночью пришли партизаны. В селе завязалась перестрелка. На следующий день выяснилось, что они приходили за продуктами, и жандармы капитана Динева поджидали их у домов именно тех людей, кто помогал партизанам. По селу разнесся слух, что будут поджигать дома партизан и их помощников. В тот же вечер сожгли дома семьи Яневых. В любой момент могли сжечь и наш, поэтому мама решила перенести часть вещей к соседям.

— Не накликай и на наш дом беду, Невена, — сказала одна из соседок. — Капитан весь наш род изничтожит за такие дела…

Мама вернулась приунывшей, но плохого о соседях не сказала, только опустилась без сил на сундук.

В те дни я думал только об одном: как спасти книги, альбомы с почтовыми марками и еще кое-что из вещей отца? И в конце концов придумал: сложил их в жестяные бидоны из-под керосина и однажды вечером, когда никто не видел, зарыл их во дворе. До сих пор храню эти книги и альбомы как святыню. Каждое прикосновение к пожелтевшим страницам — безмолвная встреча с отцом.

Наш дом подожгли 26 февраля. Около полуночи к нам ворвался целый взвод жандармов во главе с капитаном, и нас, полуодетых, вытолкали на улицу. В наброшенном на плечи старом белом покрывале бабушка Вана стояла среди нас как библейская святая. Только библейского смирения ей не хватало.

— Турки меня чуть не зарубили саблями, поджигали дом, но я их пережила! — крикнула она капитану я закатала рукав. — Видишь этот шрам? Это след от турецкого ятагана… И вот дождалась: теперь мой дом поджигают болгары!

— Молчи, старая! — огрызнулся капитан, видно, для того,

чтобы показать свою власть.

Нас повели в школу. От холода у меня окоченели руки и ноги. Тут около нашего дома началась стрельба. Потом село задрожало от взрыва гранат. Над верхней улицей заколыхалось зарево пожара. Может, поэтому я вдруг перестал чувствовать холод. На Климентовом мосту бабушка Вана остановилась, обернулась назад и сказала:

— Дома можно построить, но жизнь не возвратишь… Молитесь, чтобы остались в живых Ангел и Илия…

Нас заперли в школе. Она была уже набита до отказа, но каждую ночь хватали и привозили новых арестованных. Капитан видел, что людей уже некуда девать, и решил отпустить детей. Он собрал нас в комнате директора, где устроил себе кабинет, внимательно посмотрел на каждого, расспросил о том о сем и сказал, что теперь мы свободны.

— Каждый день будете приходить сюда и регистрироваться, — приказал он. — Кто не придет, того посажу на электрический стул… Как паук сгорит…

Я и сейчас недоумеваю, зачем мы, дети, каждый день ходили регистрироваться? Куда мы могли деться, что могли сделать?

На следующий день из села выслали всех арестованных стариков, женщин и детей постарше. Разбросали их по разным глухим селам.

А по пятам партизанского отряда шла многотысячная армия жандармов. В Катранджийском ущелье, у Камеры, на вершине Еклен и вдоль берегов Вычи наши отцы предпринимали отчаянные попытки вырваться из кольца окружения, чтобы добраться до оттаявшей земли, которая скрыла бы их следы. И не проходило дня, чтобы мы не узнавали о новых расстрелах, о гибели то одного, то другого.

Когда я вспоминаю об этих событиях, не могу сдержать слез. Прошлое осталось во мне и жжет душу…

ЖИЗНЬ, РОЖДЕННАЯ В ОГНЕ

Среди партизан Александра Пипонкова — Чапая — был один парень, старше нас лет на пять, очень непосредственный, но совсем не навязчивый и производивший очень приятное впечатление. Слегка сдвинутая на затылок кепка открывала высокий лоб; черты лица свидетельствовали о натуре сильной. Он не прилагал никаких усилий, чтобы его заметили, и именно это выделяло его. Вечерами он присаживался к партизанскому костру, пел вместе со всеми и заводил разговоры. У него были умные глаза, в которых отражалась сосредоточенная внутренняя жизнь этого человека. Мы его звали Калином, но его настоящее имя было Гроздан Стоилов.

Несколько позже в партизанский лагерь прибыла новая группа молодежи из Белово. С ними пришел «старый» партизан Иван Илков — девятнадцатилетний юноша с черными кудрявыми волосами и светлыми лучистыми глазами. Зимой он принимал участие в бою на Еледжике — бою поистине героическом. Увидев Гроздана, Илков бросился его обнимать.

Наш лагерь находился на склоне, с которого просматривалась вся равнина. В утренние часы июльского дня равнина утопала в легком мареве, а дым от поездов шлейфом тянулся над станцией. До нас доносились какие-то далекие звуки, напоминавшие грустную песню жнецов.

А где-то под таким же июльским небом чернели головни того костра, на котором живьем сожгли Данчо Пачева, а среди синитьовских полей находилась могила Ивана Стоилова — ее обвевали порывы теплого июльского ветра…

Со дня смерти Данчо и Ивана прошло довольно много времени. Стремительное наступление Советской Армии наполнило нас волнующим предчувствием близкой победы. Потому-то и потрясения зимних событий уже стали забываться. Всеми своими помыслами мы были устремлены вперед. Будущее представлялось нам неясным, но тем не менее властно манило, как манят и влекут далекие, едва различимые горизонты.

И вдруг встреча Илкова и Гроздана — брата Ивана Стоилова — вернула нас в прошлое, к последним дням пережитой зимы…

Илков знал многое — знал и трагические обстоятельства, предшествовавшие гибели Данчо и Ивана. Я прислушивался к его хрипловатому голосу и живо переживал все — возможно, потому, что был очень молод, или потому, что присутствие Гроздана делало рассказ еще более ярким. Рассказ этот все еще звучит во

мне, как будто я слышал его вчера.

Илков тер небритый подбородок — ему было трудно начать, но все-таки заговорил:

— Мы собрались после боя на Еледжике. Оставалось нас не больше десяти человек. Пошли к «медвежьей берлоге» — чуть выше Сестримо. С нами шел и Данчо. По очереди несли тяжело раненного комиссара Стояна Попова. Несколько дней — шаг за шагом — карабкались мы по среднегорским кручам и в конце концов добрались до пустынного Голашского хребта. Там нас настигла вьюга. Прижавшись спиной друг к другу, мы стали ждать, когда она стихнет. Но после первой ее волны последовала вторая, третья… Ветер дул с такой силой, что казалось — вот-вот унесет нас с собой… Одеты мы были слишком легко, и холод пронизывал нас до костей.

Сгибаясь чуть ли не до самой земли, выбиваясь из последних сил, мы снова двинулись в путь. Иногда то один, то другой терял следы и проваливался в глубокие сугробы. Ветер заглушал голоса отставших. И мы возвращались искать их, когда замечали, что их нет с нами. Чтобы не потерять друг друга из поля зрения, держались за руки, как ослепленные Самуиловы воины[23], и так продолжали идти вперед…

Вьюга не прекращалась всю ночь. Мы потеряли представление о времени. Вокруг нас все заволокло какой-то свинцово-серой мутной мглой, и мы как бы плавали в ней. Приходилось руками разгребать снег. Потом стало еще хуже. Последние силы были на исходе, и казалось, что мы погружаемся в какой-то глубокий сон. Данчо Пачев пожаловался, что у него кружится голова. То же самое почувствовал и я. Белая смерть нависла над нами. Лицо старшего группы Методия Шаторова сделалась каменным от напряжения. И вдруг среди завываний ветра мы услышали, как кто-то запел. Это был раненый комиссар. Запели и остальные. Усталые и окоченевшие от стужи, мы все-таки нашли силы двинуться дальше.

Когда добрались до «медвежьей берлоги» и немного пришли в себя, Методий Шаторов послал Данчо в Виноградец за хлебом. В одну из ночей мы отправились к роднику на Церовском шоссе, чтобы встретить Данчо. Он пришел с двумя рюкзаками, да еще и сумки нес в руках. Мы передали ему приказ Шаторова вернуться в горы, а он только качал головой: нет! Данчо никогда не бросал начатого дела на полпути. Он решил принести из села еще продуктов…

Иван Илков был на год моложе нас — одноклассников Данчо. По гимназии он знал его мало, но, став партизанами, они почти не разлучались. Поэтому его рассказ раскрывал перед нами

нового Данчо Пачева — молодого партизана, слишком рано ставшего взрослым. Иван Илков рассказывал, а перед моими глазами стоял Данчо: небольшого роста, с круглым умным лицом и пробивающимися усиками, в фуражке с большим четырехугольным гербом Пазарджикской мужской гимназии.

— Удержать его было невозможно… — продолжал Илков. — Не прошел он и двухсот метров, как на шоссе началась стрельба. В темноте вспыхивали огоньки выстрелов. Нам показалось, что кто-то крикнул. Мы бросились искать засаду на шоссе, но никого не обнаружили. Потом уже мы узнали, что Данчо прорвался…

После перестрелки Данчо установил связь с укрывшимися в селах партизанами, в том числе Иваном Стойловым и его братом Грозданом — нашим Калином. Данчо вывел их в лес. В течение нескольких дней они бродили по Еледжику в поисках группы Методия Шаторова. Но они ходили днем, а Шаторов посылал за ними людей в прежние лагеря и на явки ночью. В конце концов они снова вернулись в село. Данчо и Иван Стоилов остались в Виноградце. Для большей безопасности они укрылись в заброшенной пекарне в центре села.

28 марта вечером двое полицейских сыщиков зашли во двор двоюродного брата Данчо — Ангела Ладжова, которого партизаны считали своим. Сквозь ветви деревьев виднелись освещенные окна дома. Ладжов встретил сыщиков на крыльце и подал знак следовать за ним. Они остановились у обвалившегося каменного забора позади дома.

— Они в пекарне… Рядом с общинным управлением, — зашептал Ладжов, оглядываясь на улицу: как бы кто не заметил их. — Я забрал у них пистолет. Сказал Данчо, что мне нужно для важного дела…

— Эй! Да ты молодец! Заткнул нас за пояс, — произнес старший из полицейских. — Здорово ты их провел!

В его словах сквозили восхищение и радость по поводу неожиданно выпавшего на их долю легкого успеха.

Агенты перешли через мост над плотиной, постояли перед трактиром рядом с пекарней, осмотрели домишко деда Крыстьо и вошли в здание общинного управления…

— Тогда и я скрывался в Виноградце — вместе с Петром Чобалиговым, — глухо вставил Гроздан. — Ночью Данчо предупредил, что в селе появились агенты и что надо быть осторожными. О нас подумал, а о себе нет — решил, что они с Иваном находятся в безопасном месте…

К двум часам ночи из Пазарджика прибыло несколько грузовиков. Перед селом они погасили фары и остановились. Солдаты и полицейские направились к центру села. Одна группа

тихо обошла общинное управление и блокировала дом Данчо. Пятнадцать человек перешли через мостик и притаились за старыми вербами у реки. Остальные пробрались через узкую улочку между трактиром и домиком деда Крыстьо и вышли за старой пекарней с трактиром.

Начинало светать. Закопошились куры во дворе деда Крыстьо. Бабушка Ката пошла взглянуть на скотину. Открыла было дверь, но тут на нее прикрикнули: «Назад, бабка!» — и она замерла на пороге.

Бабушка Ката поняла: полиция! И вернулась в дом. Во дворе послышались выстрелы, кто-то застонал. Старушка выглянула в окно и увидела Данчо Пачева, распростертого у разрушенной каменной ограды их двора. Она приоткрыла дверь и хотела пройти к нему, но полицейские, притаившиеся за углом, прогнали ее.

— Воды… — простонал Данчо.

Он лежал, опустив голову на руки. На его одежде алели пятна крови.

Полицейские не позволили старушке дать раненому воды. Они видели, что у него нет оружия, и хотели взять его живым, но боялись выйти из своего укрытия, предполагая, что в пекарне прячутся другие партизаны.

— Сколько еще человек в пекарне? — крикнул кто-то издали.

— А вы сами пойдите посмотрите! — ответил Данчо.

Ему пригрозили:

— Или ты нам ответишь, или мы тебя прикончим!

К домику деда Крыстьо подъехала машина командира 27-го Чепинского полка, который приказал хозяину выяснить, сколько еще партизан осталось в пекарне.

— Не ходи туда, дедушка Крыстьо! Не слушай этих палачей! — подал голос Данчо.

Старик остановился на полпути. По его щекам текли слезы.

Полицейские снова накинулись на Данчо:

— Если хочешь жить, говори, сколько человек прячется. И кто вам помогает!

— Их там много… А кто нам помогает, не скажу, — ответил Данчо.

Привели его отца — бай Томе.

— Ты знаешь этого человека? — спросил один из полицейских.

Отец, замирая от ужаса, молчал.

— Батя, это же я! Неужели не узнал? — спросил Данчо и попросил отца принести ему напиться.

Полицейские не разрешили этого сделать.

— Иди к нам, мы тебя напоим!.. — кричали они.

Было часов восемь утра, когда полицейские решились бросить несколько гранат в комнаты над пекарней, где скрывался Иван Стоилов. От взрыва дверь слетела с петель, окна вместе с рамами вылетели наружу. Когда дым рассеялся, в дверях показался Иван… Рассказывают, что накануне вечером предатель Ладжов незаметно вытащил затвор из его винтовки.

Полицейские набросились на Ивана, связали ему руки и завязали глаза, а потом занялись Данчо. Полицейские волокли его по земле, били и все задавали свои вопросы.

— Кто вас кормил?

— Народ! — ответил Данчо.

— А откуда у тебя эти новые ботинки?

— Что — понравились?

От этих слов полковник Еленков пришел в ярость.

— Принести соломы и поджечь пекарню! — приказал он. — Соберите все село! Мы его изжарим, но перед этим он сам увидит, как отнесется к этому «народ», шевельнет ли кто пальцем ради его спасения.

Данчо приподнялся, и полковник инстинктивно попятился от него. Партизан сделал последнее усилие и улыбнулся:

— Во всем есть свой порядок, господин полковник. Сегодня — меня, завтра — вас…

Пекарня запылала. Жандармы выталкивали крестьян из домов и сгоняли на площадь. На берегу речушки под дулами винтовок собрались сотни людей, безмолвных и настороженных. Полицейские поволокли через двор раненого Данчо.

По толпе пронесся ропот. Женщины отвернулись, чтобы не видеть, как Данчо бросят в огонь…

После того как Данчо сожгли, Ивана Стоилова отвезли в Пазарджик. Его истязали целые сутки. 30 марта вечером его расстреляли вместе с другими коммунистами в полях между Синитьово и Марицей…

Иван Илков замолк. Молчали и мы.

Недавно в Виноградце и Огняново, родных местах Данчо Пачева и Ивана Стоилова, чтили память погибших партизан. Мы пошли поклониться месту гибели Ивана. Там сейчас лежат могильные плиты, а на них бронзовой краской написаны имена. Плиты обнесены железной оградой. Низко свесили над ними свои ветви плакучие ивы с молодыми, только что распустившимися листочками.

У могил выступил один из товарищей Ивана и Данчо. Но почему-то слова его не доходили до сердца. Красивые слова

оратора… Слишком, пожалуй, красивые…

На шоссе показались автобусы, из них с шумом высыпали юноши и девушки. Они гуляли поблизости и со свойственным молодости эгоизмом и легкомыслием ничего не замечали и не хотели замечать. Мне стало неловко… Неужели так много времени прошло с тех пор? Слова выступавшего доносились как будто издалека. Такие слова часто встречаются в газетах и докладах. Мы слушали и рассеянно смотрели сквозь поникшие ветви ив. Какая-то женщина, стоя у низкой железной ограды, вертела в руках увядший стебелек мяты…

КОГДА УГАСЛИ ОБА СОЛНЦА

Как мне не помнить своего отца! Я был тогда уже не маленький. Помню из того времени много такого, чего никому бы не пожелал: плач совы, свист пуль и запекшуюся кровь.

Помнишь его глаза? Огромные, черные, строгие, под нависшими густыми бровями. Несмотря на кажущуюся суровость, в них таилась огромная доброта, и они излучали ее, как два маленьких солнца. Даже когда он сердился, они все равно не переставали быть добрыми. А уж если переставали — такое иногда бывало, — он становился неузнаваемым, суровым, неукротимым — горы своротит.

Когда начали строить наш дом, я еще был совсем маленький. Собрались дядья и друзья, чтобы помочь заложить фундамент. Вместе с ними пришла и мама. Ты же знаешь ее — худощавая, невысокого роста, но очень выносливая. Мужчины пришли с кирками, лопатами, а она с мотыгой. Борька тогда еще младенцем был. Батя подвешивал люльку к дикой сливе, и его укладывали в нее спать. Только когда он очень плакал, мама брала его на руки, большой шалью привязывала к себе на спину и снова принималась копать, а Борька покачивался у нее за спиной.

Я тогда любил играть в войну. Обматывал себя веревкой и воображал, что это тяжелый кожаный пояс, а подвешенные к нему деревянные кинжалы и пистолеты — посеребренные сабли и черногорские многозарядные револьверы. Я много слышал о Левском и Ботеве. Голова моя была забита разными историями о гайдуках, повстанцах и сражениях с башибузуками[24].

Пока взрослые копали котлован под фундамент, я вертелся у них под ногами, носил воду, бегал то за одним, то за другим и все это превращал в игру. Попросит батя воды, я подаю ему кувшин и приговариваю: «Пей, воевода!» Он засмеется, и солнца в его глазах вспыхивают еще ярче. Примется выкорчевывать своей киркой какой-нибудь особенно крепкий корень, а я тут же представляю себе, что он рубит янычар. И котлован, который рыли, превращался в страшную пропасть, похожую на ту, что зияет под Милевой скалой.

Так незаметно летело время, пока однажды вечером не явились полицейские. На закате небо над горой Арапчал окрасилось в кроваво-красный цвет. Я всегда любил смотреть на небо: и когда оно было чистым, голубым, и когда хмурилось. Но этот кроваво-красный закат запомнился мне на всю жизнь.

Полицейские были не из нашей деревни. Должно быть, пришли то ли из Лыджене, то ли из Пазарджика. Командовал ими

высокий и полный человек. Пистолет в его ручищах казался совсем маленьким, игрушечным. Но эта штука из вороненой стали не была игрушкой.

Полицейские окружили яму. Отец работал на дне и не заметил их. Начальник свистнул, и батя поднял голову.

— Кончай работу!

— А ты что — меня нанимал? — спокойно ответил отец и снова взмахнул киркой.

— Ты арестован… Вылезай!

Не знал я тогда, что значит быть арестованным. Думал, это какая-то игра. Но двое полицейских спустились в яму и связали отцу руки. Посмотрел я ему в глаза — а от двух солнц и следа не осталось. Глубокие морщины сошлись на переносице. А жилы на шее вздулись и стали похожи на веревки. На лице выступил пот.

Полицейские стали подталкивать его прикладами. Поднялся невообразимый шум. Борька, спавший в люльке, проснулся и заплакал. Стал собираться народ.

Отца отвели в общинное управление. Мама послала вслед полицейским проклятия и тяжело опустилась на валун. Борька перестал реветь и замолк в своей люльке. Те, кто пришел посмотреть, в чем дело, разошлись. Вокруг нас стало тихо, и все словно помертвело. Кроваво-красный закат над Арапчалом начал темнеть. А небо потеряло свою прозрачность, и откуда-то потянуло ледяным холодом.

Совсем сбитый с толку, я прислонился к забору дядиного дома и смотрел вдоль улицы — туда, где исчезли батя и полицейские. Меня охватила какая-то безнадежность, щемящее чувство одиночества. И так захотелось заплакать… Я сдержался тогда, и именно тогда кончилось мое детство. Кончились игры, которые я сам для себя придумывал…

Под арестом отца продержали не очень долго: он вернулся дней через десять побледневший, небритый. И ступал как-то неуверенно. Как только перешагнул через порог, я бросился ему на шею. Он гладил своей шершавой ладонью меня по голове. Какой-то комок застрял в горле, и я разревелся. Когда его арестовали — и слезы не уронил, а теперь вот не выдержал.

— Ну, ну, Гошо, будь молодцом! Разве воеводу так встречают? — сказал мне батя. — Какой же из тебя комит[25] получится, если ты слезы льешь!..

Я отпустил отца, и он склонился над Борькой. Смотрел на него, смотрел, а потом обернулся ко мне:

— Сходи к Ангелу Казакину и скажи ему, чтобы вечером, как стемнеет, приходил к нам. Но скажи так, чтобы никто не

услышал!

Я выскочил из дому и помчался к дяде Ангелу. Добежав до общинного управления, у входа увидел полицейского. И сразу сообразил, почему никто не должен слышать, что я скажу Ангелу Казакину, и почему он должен прийти, только когда стемнеет. Мне захотелось вернуться обратно, но я не вернулся. Знал — если вернусь, батя скажет: «У тебя заячье сердце. Не годишься ты ни в воеводы, ни в комиты».

Вечером у нас дома собрались Ангел Казакин, Георгий Туданов и другие. Мама что-то делала во дворе. Борька спал в люльке. Батя похлопал меня по плечу и велел ложиться спать. Я разделся, лег, но не заснул. Понял, что отец и его товарищи собрались для каких-то тайных дел, и это прогнало сон. Я был возбужден, меня охватило неосознанное чувство гордости за батю, мать и за самого себя.

А мама все не возвращалась со двора. Борька спал в люльке, а я ворочался под одеялом, так и не сомкнув глаз. Почему батя не позвал ни родных братьев, ни других родственников? Значит, эти люди, которые сейчас у нас в доме, ему ближе? А если полиция нагрянет?!

Мне стало страшно от этой мысли. Я вскочил с постели, быстро оделся и открыл дверь в комнату, где собрались взрослые. Они прервали разговор и уставились на меня.

— Почему ты встал? — строго спросил отец. — Я же тебе велел ложиться… — Голос его звучал сердито. Брови над переносицей сомкнулись.

Остальные молча поглядывали на отца и на меня. Я смутился, но все-таки продолжал стоять на пороге. Подбородок у меня начал дрожать.

— Попить, что ли, захотелось? — спросил батя уже более ласково и потянулся за кувшином с водой.

— Нет. Я не хочу пить.

— Тогда в чем же дело?

— А вдруг полицейские придут? — выпалил я. — Я выйду во двор и буду караулить.

Все громко рассмеялись. Я еще больше смутился, но упрямо стоял на своем.

— Почему вы смеетесь? Я пойду во двор…

Тогда батя подошел ко мне, обнял и поцеловал. Раньше он никогда не целовал меня.

— Нет, Гошо… Ты еще маленький. Придет и твое время, — сказал он. — Пока твоя помощь не нужна. Иди спи!

Только тогда я догадался, почему мама все еще суетится во дворе. Полицейские не смогли бы нагрянуть незаметно, пока она

была там. Я пошел спать.

Когда Гитлер напал на Советский Союз, мне исполнилось приблизительно четырнадцать лет. В начале сентября братья Чолаковы, Чаушевы и еще двое из нашего села убили в Батаке нескольких полицейских и скрылись в горах. С тех пор отец целыми ночами где-то пропадал и очень редко приходил домой. Два-три раза к заметил, что он возвращался после вторых и даже третьих петухов. Так и шла жизнь, пока не настал тот февральский день 1942 года, когда и он ушел в горы…

Кончился последний урок. Раздался звонок, мы вскочили с парт, готовые вот-вот сорваться с места. Я вскинул на плечо сумку с учебниками и тетрадями, подождал, пока выйдет учитель, и выпрыгнул через окно прямо в снежный сугроб.

У нашего дома я заметил человек десять полицейских. Они направлялись к общинному управлению. С ними шли и двое штатских в черных макинтошах и шляпах. Чем-то они напомнили мне гробовщиков.

Мама дожидалась меня во дворе. Она схватила меня за руку и быстро увела в дом, потом плотно прикрыла дверь и, наклонившись ко мне, быстро заговорила:

— Приходили полицейские. Ищут отца… Беги в лес — предупреди его…

Полицейские уже дважды приходили за отцом. А он еще накануне ушел в лес. На сей раз их было много, и они окружили не только наш дом, но и соседние улицы…

— Скажи ему, сынок, что дело серьезное! — продолжала мать с волнением в голосе. — Пусть совсем домой не возвращается…

Я пустился бегом через село и вскоре почувствовал колющую боль в левом боку, да такую сильную, что слезы из глаз брызнули. Когда потом взбирался на холм, чуть сердце из груди не выскочило.

Остановился я, когда добежал до холмов. Шоссе показалось безлюдным, мертвым. Пришлось ждать долго. От холода у меня закоченело тело.

Наконец на шоссе показался отец с двумя лесорубами из Ракитово. Заметив меня, удивился. Нарочно отстал от них, будто бы поправить обувь, и знаком подозвал к себе.

— Зачем ты пришел сюда? Что-нибудь случилось?

— Тебя разыскивает полиция! — выпалил я. — Мама сказала, чтобы ты совсем домой не возвращался… — Я пытался не показать своего страха.

(С тех пор как мы узнали, что отец убит, мама все корила себя за эти слова, они казались ей теперь такими зловещими:

ведь это последние слова, которые она передала ему. Надо было сказать что-нибудь другое, пожелать благополучного возвращения.)

Не знаю, ждал ли отец, что его станет искать полиция, но услышанное его не смутило. Только лоб наморщил — задумался.

Он молчал, потирая ладонью загрубевшее от холодного ветра лицо, а я глаз с него не сводил. Мне вдруг захотелось спрятать голову у него на груди и не отрываться, но я не дал воли своему порыву.

Он велел мне вернуться в село, разузнать, арестовали ли кого-нибудь, и принести ему продуктов и его походные ботинки — он купил их еще осенью, но ни разу не надевал.

— Вечером принесешь все на луг в Николчице, — сказал он. — Только смотри в оба, чтобы никто не увидел, куда ты направляешься.

К вечеру мама приготовила котомку с хлебом и салом, туда же уложила шерстяные носки. Я надел отцовы ботинки поверх своих резиновых тапочек и по глухим и темным улицам направился к занесенной снегом ниве. Отец ждал меня у межи. Совсем замерзший, он хлопал ладонью о ладонь и постукивал ногами, чтобы согреться. Я подал ему котомку и сказал:

— Арестованы Ангел Казакин и Ангел Марин. Говорят, что в Батаке многих арестовали.

Он стал расспрашивать о доме, матери, о Борьке. Чувствовалось, что отец беспокоится за нашу судьбу.

Отец надел ботинки, мы поговорили еще немного, и он обнял меня. Подержал в своих крепких объятиях и молча отпустил. Ему было трудно говорить…

Ветер усиливался. С хребта доносилось поскрипывание сосен. На небе показались редкие звезды, бледные и одинокие, как осенние цветы. Ветер заметал следы в глубоком снегу.

Потом потянулись два долгих, очень долгих года. Они мало чем отличались от других, но нам показались бесконечными. Много тягот и горя свалилось тогда на нас.

Однажды весенним вечером батя вместе с одним партизаном должен был прийти в село, чтобы встретиться со связным. Они шли через поле. Там, где дорога проходила по дну оврага, их поджидали полицейские и полевой сторож. Мы услышали только эхо двух-трех выстрелов, донесшихся до села. Мне показалось, что на нас движется какая-то лавина, которая все сметает на своем пути и вот-вот нас раздавит. За ночь в доме никто глаз не сомкнул, никто словом не обмолвился.

На следующий день выяснилось, что произошло. Сидевшие в

засаде крикнули: «Стой! Руки вверх!» Но не успели они глазом моргнуть, как батя одним рывком оказался перед ними и наставил на них пистолет. Они бросили ружья и подняли руки. Сторожа батя простил, а полицейский получил по заслугам, потому что ему давно было пора расплатиться за свои дела.

Дни шли за днями — суровые, тревожные, и с каждым днем тревога все росла. Зимой у нас в селе разместилась рота жандармов. Чтобы ввести людей в заблуждение, их называли самокатчиками. Жителям запретили выходить из села. То же самое было и в Батаке, Лыджене, Брацигово.

И именно в это время отец вместе со Стефаном Добревым и Георгием Шулевым перебрался в наши края, чтобы установить связь с селом. Мама сразу ожила, начала носить продукты и теплые вещи для партизан кому-то из односельчан. Вот почему я догадался, что батя где-то поблизости от нашего села.

В это время жандармы начали операцию против отряда имени Антона Иванова. Террор из Батака перекинулся в наше село, начались аресты. Среди арестованных оказался и человек, знавший, где скрывается отец. Его избивали, пытали электрическим током, и он не выдержал…

8 марта на рассвете карательная рота окружила небольшую партизанскую землянку над рекой. На рассвете батя вышел зачем-то из землянки, и его обостренный слух сразу же уловил подозрительный шум. Он пристально вгляделся в чуть брезжившую утреннюю дымку и оцепенел: со всех сторон к ним подползали жандармы.

Отец не растерялся, крикнул Стефану и Георгию, что они окружены, и первые выстрелы его карабина разорвали лесную тишину. В ответ застрочили пулеметы и автомат.

Отец подался немного в сторону — к деревьям на крутом склоне. Перебрался через овраг и только подумал, что вырвался из окружения, как прямо перед ним появился молодой офицер в новенькой шинели, перетянутой ремнем с блестящей латунной пряжкой. Пока отец бежал, тот стоял, укрывшись за стволом дерева.

Офицер поднял винтовку, прицелился и нажал на спуск. Винтовка дала осечку, потому что была смазана чересчур толстым слоем масла. Выстрелил и батя, но неудачно. Офицер быстро перезарядил винтовку, и ее черное дуло снова уставилось в отца, но выстрел снова не получился. Тогда отец прикончил офицера. Схватил его винтовку, упавшую в снег, и бросился дальше.

Вслед за ним вырвался из окружения и Георгий. А Стефан Добрев, выбегая из землянки, споткнулся и покатился по крутому склону. Жандармы схватили его. Позднее его расстреляли в

Дорковских горах…

Весна в тот год наступила поздно. Даже 1 и 2 мая шел снег. Лес помрачнел, стало тягостно смотреть на него, он навевал горестные думы. В этом снегу под Арапчалом погибла отважная партизанка Вела Пеева.

Через несколько дней после этого к нам в дом заявился офицер из карательного отряда, выбритый, надушенный, ухмыляющийся. Он не торопился заговорить и только крутил на пальце какую-то цепочку. Полицейский или жандарм не приходят в дом с добром. Мама смотрела на него ни жива ни мертва. А меня только что выпустили из-под ареста. Продержали три-четыре дня — от побоев живого места не осталось. Мама испугалась, что опять меня уведут.

— Вы должны пойти с нами! — наконец проговорил офицер.

— Зачем я вам понадобилась? — спросила она.

— У Чепино мы наткнулись на труп партизана. Хотим установить его личность. Похож на вашего мужа…

Меня словно сбросили в глубокую пропасть. Виски сдавило от маминого крика, а в горле застрял какой-то ком.

— Не пойду! — заявила мама.

— Тогда пусть пойдет свекор или деверь…

Появились родственники и начали ее уговаривать. Я, кажется, стал приходить в себя, в голове мелькнула мысль, что, возможно, это не батя, и я стал уговаривать маму пойти.

О смерти отца раньше всех узнали наши сельские богатеи. Они послали своих людей, чтобы те убедились, что это действительно его труп. Мама застала их там.

Батя лежал на лугу около Главеева моста. Одна рука была сломана и прижата к телу. Лицо было трудно узнать…

— Это он? — спросили агенты.

Мама разрыдалась.

— Есть у него какие-нибудь особые приметы?

— На правой ноге шрам — когда-то укусила собака…

Тело повернули и увидели шрам. Один из фашистских холуев вытащил нож и ухватился за волосы отца…

Нет! Об этом я не в силах говорить!.. Завязывая мешок со своей «добычей», головорез тогда буркнул: «Его мы больше всего боялись. Теперь он не страшен…»

Во второй половине дня голову отца выставили на площади. Мать, как только вернулась, решила увести нас из села, чтобы я ничего не увидел и чтобы со мной чего-нибудь не случилось из-за этого. Она думала отвести нас к родственникам в Батак.

Так она предполагала, но не сумела меня удержать. Она и не заметила, как я перелез в соседний двор и побежал на площадь.

Возле трактира, по ту сторону площади, стояло человек пять-шесть. Из трактира доносились пьяные голоса фашистских подонков.

Издали лицо бати мне показалось черным, высушенным. Я не мог разглядеть его как следует. У меня сильно застучало в висках…

Вернулся я домой как в бреду. Начался озноб. Меня уложили, накрыли одеялами, но лихорадка не проходила.

К полуночи я потерял сознание… Сколько пролежал в забытьи — не знаю. Очнулся от сильного запаха уксуса. Увидел склонившуюся надо мной мать. Она положила мне на лоб платок, смоченный в уксусе.

На рассвете меня стало поташнивать. Лихорадка снова усилилась, и я опять потерял сознание. Откуда-то издалека до меня смутно донесся мамин голос:

— Ничего, сынок! Крепись… Отец у тебя был настоящий мужчина. Они отрезали ему голову, потому что боялись его, даже мертвого…

Погасли батины глаза, погасли для меня два солнца. Я пытался представить себе их, но мне это никак не удавалось. Пришел я в себя едва к полудню следующего дня…

Этот рассказ Георгия, сына Николы Божанова из Ракитово, я записал давно, когда готовил к печати книгу «Родопские партизаны». Кое-что из записанного тогда вошло в книгу, а кое-что из рассказанного Георгием осталось в виде записей. Сейчас я снова возвращаюсь к ним. Это долг перед всеми детьми, рано повзрослевшими, принявшими на свои хрупкие плечи бремя тревог и мук, которые могли бы сломить и закаленного человека, но дети вынесли их не хуже взрослых.

Георгий — один из них. Его отец погиб 21 апреля 1944 года в тяжелом бою с жандармами, темной ночью подкараулившими нас около Главеева моста. Нас было шестеро, а вооруженных до зубов врагов около двадцати. Почти час мы вели бой и заставили врага отступить.

Тогда я поверил, что люди действительно могут встречать смерть с песней, глядя ей прямо в глаза, потому что верят в великое дело!

ПЕРЕД ТЕМ КАК РАСЦВЕСТИ ЯБЛОНЕВЫМ САДАМ

1

Я помню Велу маленькой. Ее старшая сестра вышла замуж за нашего соседа, и она часто приходила к ней в гости. Появлялась она всегда с младшей сестрой Герой — обе чистенькие, подтянутые, держались всегда за руки. Взор невольно задерживался на их белых накрахмаленных воротничках. Они, наверное, чувствовали на себе наши взгляды, потому что никогда не смотрели по сторонам и старались побыстрее проскользнуть во двор сестры. Мы так привыкли видеть этих девочек вместе, что, встречая их порознь, не сразу могли угадать, кто из них Вела, а кто — Гера.

Позже мы все-таки научились их различать. Вела была более непоседлива, выше Геры и носила очки. У нее выработалась привычка все время поправлять светлую оправу очков, и, возможно, из-за близорукости она слегка вытягивала голову вперед. В ней улавливалось нечто такое, что заставляло нас относиться к ней с уважением…

Над губами у нас уже пробивался пушок, и мы жили мыслью, что наше поколение призвано совершить небывалые революционные дела. Это воодушевляло нас, мы готовили себя к подвигам, опасности нас не пугали, и к мелким житейским заботам мы относились с пренебрежением.

Вела тогда училась в Пазарджике. Там я ее и встречал время от времени. Мне нравился ее звонкий смех. Казалось, что в будущем, за которое мы готовы были бороться, все люди будут такими открытыми, с такой же ясной и доброй душой, как у Велы.

Мы знали, что Вела — член РМС. Однажды она сняла со стены в классе портрет царя и повесила на его место портрет Ботева. И произнесла фразу, которая заставила некоторых позеленеть от злости. После этого авторитет Велы еще больше вырос в наших глазах.

В мрачный октябрьский день нам предстояло ехать в Лыджене. Мы собрались перед зданием вокзала в Пазарджике, веселые, шумные, неугомонные. От крепкого мороза лицо Велы разрумянилось. У меня не хватило денег на билет, и я собирал взаймы у своих одноклассников. У Велы не попросил — ведь я же мужчина… Она догадалась, подошла ко мне и дернула за рукав:

— Это что еще за гордость? На, возьми деньги.

В ответ я пробормотал что-то невнятное.

Мы ехали в одном вагоне. Вела очень возбужденно о чем-то говорила. Но я не запомнил слов. В моей памяти сохранились лишь интонации — голос звучал необыкновенно мелодично, ровное звучание прерывалось только тогда, когда она старалась выделить те или иные слова. Я тогда читал брошюру Марко Марчевского о проблемах любви и брака, однако прислушивался к голосу Велы, поэтому совершенно не мог уловить смысл прочитанного.

Вела подошла ко мне, взглянула на обложку, на которой были изображены мужчина и радостно улыбающаяся женщина с развевающимися от порывистого ветра волосами. Посмотрела на меня смеющимися глазами, и я весь замер в ожидании.

— Семью можно заводить, когда все в жизни определилось, а нам предстоят опасности, борьба. Не так ли, дружок?..

Это «дружок» в устах Велы прозвучало так мягко и ласково, что я готов был согласиться с чем угодно.

Позже Вела уехала учиться в Софию, и до нас доходили слухи об ее участии в студенческом движении. В одной из схваток с полицией она прикрыла своего товарища, угодила под ноги лошади и только чудом осталась живой. В другой раз во время студенческой демонстрации она несла красный флаг и не опускала его до тех пор, пока у нее над головой не засвистели нули. Тогда она сложила флаг, спрятала его под пальто и скрылась через узкие проходные дворы софийских домов. Мы слушали эти рассказы, и нам казалось, что наша деятельность крайне незначительна, что вот Вела действительно занимается настоящим делом, и наше мужское самолюбие страдало. А потом в революционной организации Пазарджикской гимназии произошел провал, и нам пришлось перейти на нелегальное положение.

Вечером, когда мы покидали нашу тесную квартирку, Кочо Гяуров встал на пороге и сказал:

— Конец учебе. Если останемся живы, то из «гимназии», в которую сейчас поступаем, выйдем самыми учеными.

Невеселая шутка, поскольку все это происходило в декабре 1941 года.

2

В первые дни после перехода на нелегальное положение нам пришлось быть невольными гостями на свадьбе в селе

Черногорово. Оттуда мы поспешили уйти в село Овчеполцы. Хотели переночевать у бай Тодора, но он сказал, что по снежному первопутку от станции проехали сани, значит, дорога утоптана, и мы не оставим на ней следов. Поэтому он, не желая, чтобы мы оставались у него, посоветовал нам отправляться дальше. И пошли мы сами не зная куда… Затем мы с Кочо ютились в дощатом бараке в Пищигово — у бай Анчо.

Впоследствии судьба стала более благосклонной к нам — мы присоединились к батакским партизанам. Вторую зиму мы провели в теплой землянке. Хотя она казалась просторной, в ней было тесно, потому что нас собралось там более сорока человек.

Однажды февральской ночью Кочо вернулся в землянку из Чепинской котловины, куда ходил на задание, и в отряде заговорили о Веле. Он рассказал, что ремсисты из Каменицы работают лучше всех. Они издают свою рукописную подпольную газету «Просветитель». Ее редактирует Вела. Кочо принес в отряд несколько номеров газеты, и мы, голодные и изнуренные, с воспаленными глазами, склонились над ними. По молодости лет мы отличались изрядным любопытством, но к этому добавлялось и нечто другое: эта газета вызвала у нас приятные воспоминания о теплых комнатах и одеялах, уюте чистых занавесей и бульканье кипящей на очаге фасоли. Мы уже порядком позабыли об этих вещах — они казались нам чем-то совершенно нереальным, и «Просветитель» Велы Пеевой, как мы рассчитывали, должен был доставить нам приятные минуты.

Но нет! Эта газета оказалась далеко не столь невинной, как ее название. На первой странице сияло неукротимое солнце, и из его лучей вырывались гордые слова:

> …Но умереть в тот час, когда смывает
> с себя земля веков гнилую плесень
> и к жизни миллионы воскресают, —
> да, это песня,
> лучшая из песен!

Вела слушала все передачи радиостанции «Христо Ботев», записывала ее информацию и со свойственным ей темпераментом обо всем сообщала читателям газеты. Заботливо выписанными печатными буквами она воспроизводила для нас самые важные сообщения газеты «Работническо дело». Эта газета издавалась тогда маленьким форматом, печаталась на тонкой бумаге микроскопическими буквами, почти такими же, какими печатают имена святых в календаре, или даже еще мельче. Вела написала статью о гибели на советско-германском фронте партизанки-

болгарки Лили Карастояновой. Из томика Смирненского[26], с которым она никогда не расставалась, Вела переписывала революционные стихи, и сейчас мы, несколько партизан, затерявшихся в бесконечных хвойных лесах Родопских гор, читали их.

Нам рассказывали, что молодежь в Чепинской котловине с нетерпением ждала выхода каждого следующего номера газеты. Мы не заметили, как это случилось, но и нас, партизан, стало охватывать такое же нетерпение.

3

Боевые группы в Чепинском районе были созданы еще в 1941—1942 годах. Почти все их участники были вооружены и готовы к действиям.

В начале 1943 года мы получили задание проверить работу этих боевых групп и организовать новые группы.

Вечером 27 марта мы собрали чепинцев в Карагезовой роще. На следующий вечер вместе с тремя партизанами я отправился в Лыджене. Молодежная боевая группа из Каменицы, ожидая нас, собралась в сосновом лесу за селом. Заметив нас, ребята вскочили с мест и засыпали вопросами. Мы оказались в крайне затруднительном положении: они надеялись получить подтверждение своих романтических представлений о партизанской борьбе, а нам приходилось или отмалчиваться или говорить неправду. Тяжело лишать человека иллюзий…

Однако Вела догадалась обо всем. Мы обменялись взглядами и, кажется, сразу поняли друг друга.

Она обратилась к Георгию Шулеву:

— Время песен и декламаций прошло… Наш долг слишком суров, сейчас не до романтических душеизлияний.

Воцарилась неловкая тишина. Ребятам предстояло принимать присягу, а присяга требует патетики, но Вела напомнила нам, что сейчас не время для красивых фраз.

Коста Пырчев, смуглый партизан из Цалапицы, вынул свой пистолет, взял у кого-то большой кинжал и скрестил их. Я нажал кнопку электрического фонарика, и на металле появился синий отблеск света, а темный зрачок дула устрашающе глядел на нас. Вела, единственная девушка в группе, стояла, как всегда подавшись вперед, и ветер шевелил ее гладкие волосы. Такой я ее и запомнил.

Луч света переместился на белый лист с текстом присяги. У меня пересохло в горле, и я с большим усилием произнес первые

слова. Ребята шепотом повторяли:

— Клянусь…

В этой таинственной ночи нам казалось, что мы не шептали, а громко, на весь мир, заявляли о себе.

Я видел, как Вела наклонилась, чтобы поцеловать пистолет. Это был волнующий момент.

Когда мы спускались по склону, Вела пыталась пошутить по какому-то поводу, но шутка не получилась. Девушка подошла ко мне. Я почувствовал ее теплое дыхание и легкое прикосновение, при любом расставании обозначающее, что человек овладел своими чувствами.

— Мы взяли на себя большую ответственность, и я уверена, что достойно выполним свой долг!

Это прозвучало как продолжение присяги…

4

Нам сообщили, что группа молодежи из Каменицы хочет влиться в наш отряд. Полиция напала на след этих парней и девчат. Условились о встрече в лесу за селом. Мы пришли в сумерках, но никого не застали. Поторопились ли мы, или что-то случилось?..

С темных улиц и дворов доносились необычный шум и звуки голосов. Около дома Пеевых кто-то размахивал зажженным факелом. Луна еще не взошла. В домах только кое-где светились окна.

Партизанские задания зачастую казались нам однообразными, и на этот раз мы шли, испытывая чувство какого-то особого трепета. Обычно очень сдержанный, Кочо не мог скрыть своего волнения по поводу того, что именно нам предстояло принять новую группу партизан. Кроме всего прочего, это же были те ребята, с которыми мы вместе учились и мечтали о будущем. Мы притаились среди невысоких сосенок, прислушивались и с нетерпением ждали, а это еще больше разжигало наше воображение. Чувство близкой опасности, всегда сопутствовавшее нам, в эту ночь исчезло — все наши помыслы были заняты предстоящей встречей.

Совсем рядом зашуршали раздвигаемые кем-то ветки и послышались осторожные шаги.

Мы пошли на звук шагов. Среди молодых сосен обнаружили притаившихся там Велу и ее сестру Геру, Крума Гинчева, Георгия Шулева и еще двоих парней. Немного погодя появился и запыхавшийся Стоил Гылыбов. Мы пожимали друг другу руки,

перешептывались.

Был второй день пасхи, и ребята принесли с собой много еды: огромные белые караваи, мясо, слоеные пироги. Молодому партизану легче сохранить спокойствие в бою, чем при виде такого изобилия! Все это мы распределили по котомкам, узлам, бумажным пакетам.

— Но как же мы понесем столько? — удивился Кочо. — Нет ли у кого-нибудь рюкзака?

Оказалось, что Вела была предусмотрительной и захватила с собой рюкзак.

Хотя у нас от голода сводило скулы, но из гордости мы не притрагивались к еде. Вела подошла ко мне с раскрытым пакетом в руках:

— Угощайся, Цветан! Христос воскрес!

Та же давно знакомая мягкость в голосе, та же шутливая интонация.

— Воистину воскрес… — И я взял кусок слоеного пирога.

Рассвет застал нас уже в горах. Огромный красный диск солнца показался над зазубренными скалами горы Градище.

Вела шла впереди. Ремни ее тяжелого рюкзака впивались в плечи. Шагала она с трудом, но я чувствовал, что она твердо решила идти впереди всех. И не только сейчас — всегда, несмотря на опасности, повсюду, куда бы ни привел ее долг.

В лагере нас встретил комиссар Атанас Ненов с еще несколькими партизанами. Они держались бодро, чтобы приободрить девушек. Но мы валились с ног от усталости и тут же легли спать.

Вечером Атанас Ненов собрал нас для беседы.

— Так как коммунистическое движение началось с теории, — сказал он шутливо, — то первый день для новых партизан также должен начаться с кое-каких наставлений.

Я наблюдал за Велой. Она сосредоточенно слушала комиссара, а он продолжал:

— Если кто-нибудь верит выдумкам о романтике партизанской жизни, пусть возвращается, пока еще есть время. Вам же, девушки, будет вдвойне трудно. Так что…

Вела слушала, теребя дужку очков, потом резко тряхнула головой и сказала:

— Вы предупредили нас об опасностях и о том, что можно вернуться… А теперь скажите, что нам предстоит делать.

Вела посмотрела прямо в глаза Атанасу Ненову, и это, кажется, его смутило.

— Ты вроде бы сердишься? — спросил он.

— Сержусь! Мы пришли сюда не для того, чтобы

возвращаться.

Такой Велу я не знал. Голое ее звучал столь решительно, что мы почувствовали себя неловко.

— Ну хорошо! — улыбнулся Ненов. — Раз вы так решили, добро пожаловать!

Так Вела стала партизанкой.

В моей памяти сохранился один, может быть, несущественный эпизод, но с течением времени он кажется мне все более значительным.

Вела забрала из лавки своего отца довольно много мыла. Наверное, на нее произвели впечатление наши грязные рубашки и шеи. Она развязала узелок из домотканого полотна, и в нем оказалось прекрасное белое мыло с изображением петуха. По-настоящему добрые люди не любят разыгрывать из себя благодетелей, и Вела, стараясь преодолеть смущение, начала раздавать мыло всем подряд. Покончив с этим делом, она взмахнула платком и виновато улыбнулась:

— Больше нет…

— Бакалея обанкротилась! — рассмеялся Георгий Шулев.

— А сама что, без мыла осталась? — спросил я.

Вела посмотрела на меня так, точно я задал абсолютно бессмысленный вопрос, и ответила:

— Пока я стану такой же грязной, как вы, мы снова найдем мыло.

5

Мы совершили нападение на лесное хозяйство Кьошка. Георгий Кацаров с группой из сорока партизан окружил лесничество и населенный пункт, а мы направились к фабрике, пробираясь между огромными бревнами, штабелями досок и балок. Рабочие с изумлением смотрели на нас.

Несколько партизан проникли в здание фабрики. Люди, работавшие в просторном помещении, замерли на своих местах. Машины работали вхолостую — никто не обращал на них внимания.

— Товарищи! Остановите лесопильные рамы! — крикнул Георгий Чолаков. — Хватит вам работать на немцев!

В цехах фабрики появились и остальные партизаны. Рабочие, поняв, в чем дело, стали останавливать машины. Иные, догадавшись, что мы собираемся поджечь фабрику, встревожились за работу, за кусок хлеба. Одна женщина упала в обморок. Вела бросилась приводить ее в чувство, намочила

платок и положила ей на лоб. Женщина раскрыла глаза и, увидев склонившуюся над собой партизанку, которая что-то говорила ей, уставилась на нее ошалелыми глазами, словно поражаясь, что та умеет говорить человеческим голосом.

Наша группа действительно намеревалась поджечь фабрику. В машинном отделении мы обнаружили бочку с машинным маслом, канистры с бензином и много ветоши. Облили пол бензином, а затем вылили и все масло. Из ветоши сделали факелы. Несколько рабочих помогли нам спять с машины толстые кожаные ремни.

— Возьмите их. Они вам пригодятся… — говорил механик.

Георгий Чолаков заложил тротиловые шашки.

— Все во двор! Выходите! — скомандовал он.

Фабрика уже горела с разных концов, а Чолаков все еще не выходил. Весь в саже, с горящим факелом в руках, он носился по задымленному помещению и поджигал все новые кучи опилок и щепок.

— Хватит, кончай! — требовали мы.

Отовсюду полыхали языки пламени, но внутри помещения пожар разгорался слабо. Больше того, огонь там даже стал утихать. Густые клубы дыма словно бы гасили пламя. Мы стояли в стороне и волновались: а вдруг пожар стихнет?

Раздавшийся мощный взрыв эхом разнесся в тревожной ночи. Одна из стен фабрики с шумом обрушилась, и к небу с треском, с мириадами искр взметнулись клубы дыма и языки пламени. В лицо ударила горячая волна воздуха. Завороженная Вела смотрела на это зрелище и говорила:

— Крепко мы им насолили… Уж раз борьба, так настоящая!

Кто-то ей сказал:

— Завтра они пойдут за нами по пятам.

Вела ответила:

— Карательные акции свидетельствуют не о силе, а о слабости врага…

Громко цокали копыта перегруженных мулов, а у нас за спиной продолжали с грохотом обрушиваться стены подожженной фабрики.

6

Через несколько дней после этой операции группа партизан отправилась в район Чепино с задачей организовать снабжение продовольствием. Сотни полицейских и жандармов блокировали горы вокруг Батака. Вышли мы ночью. Вперед выслали дозор —

двух товарищей из Батака, хорошо знавших местность. Наша колонна вышла на широкую поляну Картела. При лунном свете отчетливо вырисовывались несколько хозяйственных построек лесничества. Неожиданно раздались звуки ботал и тотчас же загадочно умолкли. Мы предположили, что где-то поблизости пасут скот, и продолжали двигаться вдоль леса. Пересекли шоссе Батак — Беглика и повернули к лесному массиву, где намеревались отдохнуть.

Все с ног валились от усталости, но Вела упорно шла вперед.

— Весь народ должен знать о нас и последовать за нами, а мы вынуждены действовать втихомолку, — произнесла она и, подумав, добавила: — А эхо все равно разносится по всей стране…

Она хотела сказать еще что-то, но ее слова перекрыла пулеметная очередь. Засада! Вероятно, стреляли и из винтовок, но мы слышали только пулемет. Вспышки выстрелов виднелись где-то возле самой опушки.

Мы бросились на землю и открыли огонь. Кто-то застонал. Наш это или полицейский? Над головой вспыхнули осветительные ракеты, и в их мертвом свете все вокруг словно пришло в движение. Закружились тени от росших на поляне елей, и казалось, что бараки лесничества сначала приподнялись, а потом осели. Разорвалось несколько ручных гранат, и на нас посыпались комья земли. Я крикнул, что надо отходить, но мой голос прозвучал как-то странно и глухо, и мне показалось, что меня никто не слышит. На зубах скрипел песок.

Я выстрелил два-три раза, но даже не расслышал своих выстрелов. Партизаны поползли в чащу леса. На нас падали скошенные пулями ветки.

Я приподнялся, укрывшись за каким-то пнем, и огляделся.

Пулемет продолжал строчить, но поляна снова утонула во мраке. Вокруг меня по лесу двигались какие-то люди, но мне не удавалось их рассмотреть. Я слышал только шаги и тяжелое дыхание.

— «Дунай»!.. «Дунай»!..

Я в третий раз произнес пароль, но мне никто не ответил. А звук шагов удалялся в глубину леса. И я последовал туда же. Наконец я наткнулся на двух товарищей. У меня отлегло от сердца.

Мы направились к сборному пункту у пещеры за Чепино. Шли молча. Нам не терпелось узнать, где остальные, кого ранило, многие ли погибли.

Прошло довольно много времени, прежде чем мы напали на следы: через покрытую мокрым снегом поляну прошли люди,

причем в том же направлении, в котором двигались и мы. Прибавив шагу, мы вскоре догнали Велу, Геру и еще двоих партизан.

Еще издалека мы вполголоса произнесли пароль — так, что его мог расслышать и понять только знающий. Нам ответили.

Вела и Гера несли свои рюкзаки. В слабом лунном свете едва вырисовывались их согнувшиеся фигуры.

— Все ли в сборе? — спросил я.

Оказалось, что не все, но нужно было идти дальше…

Утром взобрались на какую-то вершину. Чепинская котловина виднелась где-то далеко в предрассветной сиреневой дымке. Май стоял холодный: в предыдущие дни то и дело начинал падать снег, но освещенная солнцем даль казалась нам иным миром — лучезарным и веселым.

Вела, обхватив колени руками, рассказывала о своих вчерашних переживаниях.

— Я в самом деле решила, что это конец… Где-то впереди раздался взрыв, и меня засыпало землей. Знала, что нельзя поднимать голову, и не поднимала. Осветительные ракеты вызывают в тебе ощущение, словно ты голый. Вдруг я заметила, что Гера рядом со мной, и сжала ей руку. В тот миг ее рука нужна была мне, а моя — ей. Смотрю, кто-то идет навстречу. Приготовилась стрелять, но все же не нажала на спуск, выпустила руку Геры, она подняла голову в ожидании. При свете следующей ракеты я заметила, что человек приближается очень осторожно и как-то так, что можно было догадаться: это свой. Произнесла пароль, он откликнулся. Оказалось, это Кольо Гранчаров… — Помолчав, Вела продолжала: — Мы последовали за ним. Я все время повторяла себе: нельзя отставать.

Она задумалась о чем-то. Потом снова заговорила:

— Человек иногда может бурно радоваться каким-нибудь мелочам, но встреча с Кольо показалась мне чем-то огромным. Это было спасение! Мы друг к другу обращаемся обычно «товарищ», привыкли к этому слову, а вчера, когда я по-настоящему поняла все его значение, почему-то не могла его произнести…

Я готов был объяснить эти слова Велы чисто женской чувствительностью и даже отнестись к ним снисходительно, но они вдруг заставили меня восстановить в памяти пережитые опасности. Она сделала для меня настоящее открытие! Человек действительно может пережить взрыв радости по поводу чего-то незначительного, но после того, как ты спасся, после того, как снова вернулся к жизни, — словам не остается места.

7

После нападения на село Борино отряд имени Антона Иванова отошел на север. На сыроварне мы прихватили с собой масло и другие продукты. Припекало августовское солнце, и масло, которое мы несли в полотняных мешочках, начало таять. Рюкзаки покрылись масляными пятнами, сыр в них размяк. Когда мы вошли в глубь леса, Петр Марджев, завхоз отряда, и Никола Чолаков, опытный партизан, развели «бездымный» костер и в большом котелке, прихваченном на сыроварне, решили перетопить масло.

Но полиция и жандармерия следовали за нами по пятам. Начался бой. Пришлось опрокинуть бидоны с перетопленным маслом и, сдерживая натиск жандармов, отступить.

Рассвет следующего дня застал нас на невысокой скалистой вершине. Мы остановились отдохнуть — не было никаких сил двигаться дальше.

Где-то внизу проходила дорога Доспат — Батак. Река Дамлыдере с шумом пробивала себе путь через серые речные валуны. По шоссе вереницей двигались грузовики с жандармами. Мы залегли среди скал и с нетерпением ждали наступления темноты. В этот душный день нас мучила страшная жажда: вот уже два дня мы питались только сыром и теперь не сводили лихорадочно блестевших глаз с реки у подножия горы.

Даже и в этой обстановке Вела шутила. Она вспомнила наполовину выдуманные самой эпизоды из нашей операции в Борино и сумела поднять общее настроение, заставила всех разговориться. Дорогой сердцу партизанский юмор! Может, порой неуклюжий и грубоватый, он был нужен как воздух, поднимал дух, вселял бодрость и жизнерадостность.

После полудня на старой дороге, спускавшейся к шоссе, замаячили жандармы. Залаяла собака. Где-то хрустнула сломанная ветка. Совсем рядом послышался приглушенный разговор. Из леса вышла цепь жандармов и двинулась на нас.

— Ну вот, посмеялись, теперь постреляем… — мрачно пошутила Вела.

Никто ей не ответил.

У нас было преимущество: мы находились выше и могли укрыться за скалами, но это преимущество в условиях численного превосходства противника и наличия у него транспортных средств ничего не значило. И патронов у нас кот наплакал, а предстояло продержаться до вечера.

Жандармы быстро взбирались вверх, потом поползли. Когда они приблизились метров на пятьдесят, послышались крики:

— Сдавайтесь!..

Мы открыли огонь. Бросили нашу единственную ручную гранату. Вероятно, кто-то из жандармов оказался ранен, потому что нападающие растерялись и остановились. Но за ними наступала новая цепь…

После первой атаки жандармы перегруппировались и снова перешли в атаку. Один из полицейских громко крикнул:

— Правый фланг, вперед!

Пронзительный командирский свисток не смолкал. Одни взвод стал обходить нас с севера. Наступающие оказались совсем рядом с нами, я даже мог рассмотреть их потные лица. Впереди шел жандармский офицер в расстегнутом кителе. Он командовал цепью и вел ее прямо на нас. Никола Чолаков прицелился и выстрелил. Офицер застонал, покачнулся и упал.

Вела стреляла редко и, поправляя сползавшие очки, то и дело выглядывала из-за камня, а Никола Чолаков дергал ее за полу, заставляя укрыться.

Бой продолжался и на противоположном склоне горы. Полиция подступала к нам с нескольких сторон. Откуда-то прибывали новые части. Когда стрельба утихала, шум моторов грузовиков доносился до нас совершенно отчетливо: они были уже совсем близко.

Вновь прибывшее пополнение рассыпалось в цепь, а из кузова грузовика начал строчить пулемет.

Георгий Чолаков, заместитель Деда, спустившись под прикрытием кустов к шоссе и обнаружив, что жандармов в том месте нет, настаивал на отходе. Дед послушался его. Некоторые из партизан бросили мешавшие рюкзаки и котомки — нужно успеть уйти. И я чрезвычайно удивился, когда из-за спин товарищей увидел Велу, согнувшуюся под тяжестью своего рюкзака. Возможно, это чисто женская практичность, нежелание бросать нужные вещи. Но нет! Вела подавала пример выдержки и самообладания в трудный час.

Под свист пуль мы пересекли шоссе; едва удерживаясь на ногах, перешли вброд реку и стали взбираться по крутизне на противоположный берег. Здесь пуля сразила самого молодого партизана — Ивана Неделчева, или, как мы его прозвали, Тошко. Он выронил из рук пистолет и беззвучно сполз по склону. Пуля попала ему в голову. Тодор Узунов был ранен и захлебывался кровью. Вела перевязала ему рану, а потом попыталась тащить его за собой в гору. Слава богу, мы вовремя подоспели и понесли раненого. Вела пошла рядом, ласково говоря ему что-то, а он смотрел на нее благодарными глазами. Мы почти оглохли от выстрелов, и поэтому слова Велы тонули в непрекращающемся

гуле, который стоял у нас в ушах…

8

Осенью штаб отряда перебазировался в горы южнее Пловдива. С ним ушла и Вела, а позже туда вызвали и меня.

Для тех, кто хорошо знал окружающую местность, работы было много, и они не сидели на месте. Так, Атанас Юмерский постоянно сновал между отдельными отрядами и очень часто спускался в Пловдив. Мы же оказались обречены на вынужденное бездействие.

Юмерский был нашим сверстником. Смуглое продолговатое лицо, нос с горбинкой, темные усики, и к тому же истинно мужское обаяние. Был он скромен и добродушен и в то же время исключительно смел, обладал огромной выдержкой. Во время одной из вылазок в город в конце октября он расправился с полицейским агентом, участвовавшим в поимке и убийстве его товарища. А вернувшись, вел себя так, как будто не сделал ничего особенного. Покусывая травинку, он рассказывал:

— Я знал, что полицейский живет на улице Святого Георгия, и решил не возвращаться до тех пор, пока его не прикончу. Сел на велосипед и поехал к дому шпика, чтобы там его подкараулить… Вдоль тротуара росли тутовые деревья, и я укрылся в их тени. Узнал его еще издали. Когда он подошел к калитке, я вышел ему навстречу и несколько раз выстрелил. Выпускал в него пулю за пулей, а он все шел на меня и кричал как безумный. Наконец пошатнулся и рухнул на тротуар…

Вела глаз не отводила от Юмерского и только чаще, чем обычно, поправляла оправу очков.

Ночи становились холодными. По утрам все кругом покрывалось инеем. Солнце почти не грело, мы чувствовали его тепло только в полдень. Воздух был наполнен каким-то ленивым спокойствием, и звуки разносились далеко вокруг. Буковый лес почти оголился. Ветер разносил по лесу желтые листья, а дикие черешни словно покрылись киноварью.

На другой день, когда я возвращался по тропинке от родника к лагерю, до моего слуха донесся приглушенный говор. Я сразу же узнал голос Велы. Раздвинув ветви, я увидел, что на небольшой полянке сидят рядом Вела и Юмерский. Он обернулся, заметил меня и вопросительно поднял брови. Потом взял камушек и бросил его в кусты, так и не сказав ни слова. Вела наклонила голову и явно ждала, чтобы я ушел. Мне показалось, что они смущены. Смутился и я, потому что понял: мне там

нечего делать…

Меня часто спрашивают: влюблялись ли мы, когда были партизанами? Мне становится грустно, когда подумаю, каких усилий стоило нам подавлять в себе чувства. Аскетическое самоотречение мы считали проявлением высшей революционной сознательности…

Воспоминания о Веле и Юмерском невольно перенесли меня к пропастям за горой Тешел, клокочущим водам Вычи. Каждый, кому доводилось бывать в этих местах, наверное, восхищался их величественной красотой. Скалы высятся почти до небес, а их вершины кажутся так близко одна от другой, словно касаются друг друга. А на их отвесных склонах тут и там тянутся к небу сосны. Когда-то в трещинах между скалами проросли занесенные туда ветром семена, и сосны пустили свои корни там, где жизнь казалась невозможной. Но устремившиеся к солнцу ростки победили мертвые скалы… Вот так же незаметно для них самих сердца Велы и Юмерского были охвачены любовью и смятением.

9

15 ноября пришли товарищи из Батака и передали указание Центрального Комитета чепинским партизанам перебазироваться в район Лыджене и создать там самостоятельный отряд.

Мы на скорую руку подготовили свой незамысловатый багаж и собрались в путь.

В горах было слякотно, ущелья сковал холод. Нас подавляло чувство заброшенности, мучила мысль: встретимся ли мы снова с нашими товарищами?

На следующий день рассвет застал нас около села Ракитово. Мы связались с Николой Божановым, Георгием Шулевым и новым ракитовским партизаном Стефаном Добревым. Они находились в лесу под Брезето.

После полудня Божанов и Шулев спустились к речке Мытница. Вскоре они вернулись, запыхавшиеся и встревоженные. Их предали — к Брезето подходит полиция. Мы отошли в глубь леса, а Божанов и Атанас Юмерский остались, чтобы расправиться с предателем.

На душе было тягостно. Мы привыкли к партизанам из отряда имени Антона Иванова. Их было много. Среди них и мы чувствовали себя сильными. А теперь остались одни — небольшая группа партизан, плохо вооруженных или даже совсем безоружных. К тому же наступали холода, и нам предстояло подготовиться к зимовке.

Еще до полуночи мы пересекли темный овраг у реки Бежаница и остановились у подножия горы. Разожгли костры. Густой мрак сразу же отступил за деревья. Нам было очень грустно. И тут Вела и Надя Дамянова запели. Запели охрипшими голосами. Кое-кто попытался присоединиться к ним.

…Он упал на траву-у
Возле ног у коня…

Когда они допели, Вела с улыбкой сказала:

— Смелее, товарищи! Настанет время, и мы запоем по-настоящему!..

Кто-то подбросил в костер веток. Языки пламени лизнули их, во все стороны разлетелись искры, и наши лица обдало теплом.

10

В землянке осталось девять человек. Вместе с остальными я отправился устанавливать связь с близлежащими селами, где полиция начала аресты.

С наступлением марта как-то неожиданно потеплело. Снег стал таять, и в землянку потекли струйки воды, образовав целые лужи. Приближалось 8 марта, а в нашей группе находилось три женщины. Вела предложила как-то отметить праздник.

Чепинским женщинам мы послали приветствие по случаю 8 марта. Вела писала его, подложив под листок какую-то книгу, и сама подшучивала над своим приподнятым настроением. Тогда же она подготовила праздничный помер стенной газеты с наивными рисунками. Что из того, что наивные? Молодость все облагораживает и всюду вносит красоту.

Задымленная землянка в канун 8 марта как будто даже преобразилась и стала приветливее. Праздничное настроение неуловимым образом изменило все. Партизаны «приоделись», их щеки были выскоблены до синевы совершенно затупевшими бритвами.

Низкий голос диктора радиостанции «Христо Ботев» заставил всех стихнуть. Передавали призыв к болгарским женщинам, к болгарским партизанкам. Наши девушки, преисполненные гордости, встали.

«Вечер», посвященный 8 марта, открыла Вела. Она с воодушевлением говорила о близкой победе, о равноправии женщин. Она так верила в счастливое будущее, как будто воочию видела нашу будущую жизнь — обновленную, разумно

организованную, радостную.

Потом спели «Интернационал» и «Ветер яростный, вей над полями». От мужчин приветствие произнес Горостанов.

Мы декламировали стихи, пели песни.

Наступила вторая часть торжества — «банкет»: жидкая картофельная похлебка из последних запасов и на десерт — четверть заплесневевшей плитки сотового меда, разделенная на восемь частей. Девушки заботливо берегли этот мед к 8 марта.

Кто мог знать тогда, что для Велы это было первое и последнее свободное празднование 8 марта?

11

День 26 марта 1944 года выдался ясный и солнечный — первый по-настоящему теплый день ранней весны. На деревьях набухли и лопались почки, а лес наполнился гамом вернувшихся с юга птиц.

На закате Вела и молодой партизан Стойо Калпазанов расстались с нами и отправились к санаторию около Лыджене, где им предстояло встретиться с партизанами других отрядов.

Вскоре до нас дошли смутные слухи о том, что около санатория велась перестрелка. 2 апреля у скал над Сухой рекой мы дождались связного Делчо Ганчева. Еще издали почувствовали, что он несет недобрые вести.

— Дело плохо! — вздохнул он. — На горе за санаторием схватили Стойо Калпазанова.

— А что стало с Велой?

— Она спаслась: проскользнула через цепь жандармов, отошла к Варбице и спряталась в груде сухого валежника. Крестьянин из деревни Света Петка заметил ее, но не выдал…

Через несколько дней из разрозненных рассказов мы узнали, что случилось с Велой.

К рассвету 27 марта Вела и Стойо добрались до леса около санатория. По шоссе со скрипом двигались телеги.

Примерно в шесть часов к санаторию прибыли грузовики с карателями. Жандармы соскочили с машин, и офицеры повели их вдоль хребта, чтобы прочесать местность. Другая группа заходила со стороны Каменицы.

Вела и Стойо имели при себе только по пистолету. Не подозревая об опасности, они шли к Медвежьим скалам. Жандармы их заметили и открыли стрельбу.

— Никита![27] Ко мне! — крикнула Вела.

Они спустились в овраг. По ним начали строчить из

пулемета. Вела свернула влево и стала отстреливаться от преследователей из пистолета. Стойо подполз к ней.

Каратели забросали овраг гранатами. Стойо поднялся и побежал по склону, но как раз в этот момент рядом с ним разорвалась граната. Его оглушило взрывом, и он, потеряв сознание, упал. Осколками его ранило в руку. Жандармы связали Стойо еще до того, как он пришел в себя. Вела, проскользнув между кустами, сумела оторваться от преследователей. Они бросились за ней, но им удалось найти только окровавленные лоскуты рубашки. В селах ходило много разговоров о храбрости девушки, часто фантастических: в дни рабства и борьбы люди живут легендами, которые сами творят, это помогает им.

Связанного, со следами крови, Стойо в тот же день провели через все село. Собралось много детей, женщин и мужчин. Он уже сумел оправиться от контузии и шагал твердо. Лицо слегка побледнело, а на лоб свешивалась окровавленная прядь волос. Люди едва сдерживали слезы.

Всех нас мучила неизвестность: что же стало с Велой? После перестрелки около санатория мы в течение семи дней оставались в нашем лагере. А Вела так и не вернулась. Где же она и что с ней?

Мы отправились на ее поиски, но не обнаружили никаких следов.

12

21 апреля мы вели бой у Главеева моста. Там погиб Божанов. Через мост перешла только часть отряда, а остальным пришлось отступить в леса за Гранчерицей.

2 и 3 мая похолодало, и снова повалил снег. За несколько дней лес как-то поблек: показавшиеся на буковых деревьях молодые листья сморщились и увяли, примолкли и птицы.

Плохая погода держалась недолго. Согревшаяся земля словно бы съедала снег, и он растаял за один день. Первоцвет и чемерица снова выпустили свои ростки из-под полусгнившей прошлогодней листвы.

Возле лагеря, где отряд находился месяц назад, оставались только дедушка Георгий Мавриков, Юмерский и я. К вечеру пришли Кочо Гуяров и Стоян Семерджиев. Кочо стал расспрашивать о бое у Главеева моста.

— О Веле нет никаких новостей? — спросил Юмерский.

Кочо и Стоян сразу же замолкли, и нам все стало ясно.

— Позавчера она вела перестрелку и погибла, — с горечью

проговорил Кочо.

Юмерский опустился на пень. Его лицо потемнело. Он пытался сдержать слезы, но не смог. Кто-то должен был прервать невыносимое молчание, но каждый ждал, что это сделает другой…

После перестрелки у санатория и пленения Стойо Вела спустилась в Каменицу. Тесные улочки были оживлены — до наступления комендантского часа оставалось еще какое-то время. В домах позвякивали посудой, запоздавшие крестьяне возвращались из лесу. С площади доносились передаваемые через громкоговоритель последние новости.

Вела несмело постучала в ворота Йорданы Пашовой. Вышла ее дочь. Увидев Велу, она испугалась, но пригласила войти.

— Где Тодо? — спросила Вела о сыне тетки Йорданы.

— Нет его, тетя Вела. Он помолвлен и поехал в Лыджене, чтобы купить кое-что…

Вела присела к столу. На столе стоял кувшин с кипяченым молоком. Пригласили и Велу поесть. Одна ее рука была неподвижна.

— Вела, а не лучше ли тебе сдаться? — спросила тетка Йордана.

Вела только усмехнулась, и женщина поняла, что не нужно было этого говорить.

Однажды вечером под окнами Марии Папарковой промелькнула чья-то тень. В комнате находился посторонний человек, и Мария поднялась со стула, засуетилась, словно бы искала что-то, и выскользнула во двор. Какое-то предчувствие ей подсказывало: это Вела. И действительно — в тени стояла она, в куртке, брюках и вязаной шапочке. Женщина обняла Велу.

— Пойдем в хлев…

Вела уселась на сено. От теплого воздуха все тело расслабилось. Равномерное посапывание коровы и блеяние козы действовали успокаивающе. Вскоре женщина вернулась с хлебом и кувшином молока.

— Вела, я припасла немного сахару, возьми его с собой.

Они расстались в ту же ночь. После этого Вела спускалась в Каменицу еще несколько раз. Искала связи с отрядом, но верных людей арестовали.

Вечером 2 мая во дворе Лыджeнской школы поднялась суматоха: шоферы возились у своих грузовиков, жандармы собирались группами и о чем-то шептались.

После полуночи грузовики с жандармами разъехались в двух направлениях: одни — через Каменицу к вершине Елин, другие — по шоссе к Юндоле.

«…Операция началась в три часа тридцать минут, — докладывал впоследствии майор Иванов в своем письменном рапорте командиру 2-й дивизии. — В девять часов роты спустились вниз от Арапчала, чтобы прочесать местность, так как там часто ночуют подпольщики из Лыджене и Каменицы…»

Одну из колонн вел предатель Иван Божков, лесник из Каменицы. Он случайно обнаружил следы Велы на свежем снегу, выпавшем в первые дни мая: она спускалась с Белой скалы к ручью, чтобы умыться и набрать воды на весь день. Божков привел туда жандармов.

«…Из-за скалы показалась подпольщица Величка (Вела) Пейо Пеева с пистолетом в руках и начала стрелять, — продолжал свой рапорт командир карательного отряда. — Чтобы заставить ее выйти из-за скалы, пришлось прибегнуть к гранатам. После первой гранаты она осталась за скалой, а после второй перебежала в небольшой овражек и продолжала отстреливаться…»

Одинокая и обреченная, Вела не сдалась. Всю округу огласили пулеметные и автоматные очереди. Белая скала задрожала от взрывов. Эхо стрельбы доносилось и до оцепеневшей Каменицы. Крестьяне бросили работу и тревожно прислушивались. Велин отец — бай Пейо — полез на чердак, стараясь разглядеть, что происходит под Арапчалом.

Одни рассказывают, что девушка вела бой, пока у нее были патроны, последний оставила для себя. Другие утверждают, что ее сразила вражеская пуля. Но одного никто не оспаривает — она держалась до последнего и погибла как герой.

В эти дни в народе сложили грустную песню:

Ой, лес мой густо-зеленый,
Что ж ты уныло ветви склоняешь,
Или жалеешь Велу Пееву?..

Жандармы долго не решались приблизиться к ней. Потом, убедившись, что она мертва, осмелели.

Командир карательного отряда покинул свой командный пункт и направился к Белой скале.

— Доставьте ее голову в штаб! — приказал он.

После обеда карательный отряд ворвался в Каменицу. По

селу разнеслась весть о гибели Велы. Не знали об этом только ее мать и отец. Глядя на заплаканных подруг Велы, они боялись верить своей догадке.

Один из офицеров вошел во двор к бай Пейо и, нагло ухмыляясь, сообщил:

— Сегодня мы убили одну из твоих дочерей.

Мать Велы замертво упала на землю, а отец не в силах был сдержать слез. К вечеру, взяв кусок чистого полотна, он пошел в Лыджене, где находился штаб карателей. Попросил отдать ему голову Велы, чтобы похоронить ее. Ему ответили:

— Ты бы лучше подумал о своей голове!..

Какие времена! Убитые горем отцы и матери… Окровавленные головы их детей — в Лыджене, и тела, стынущие в снежных горах. Над ними — жестокое свинцовое небо и Арапчал, укутанный в лохматые облака, а под горой — тихая долина, оцепеневшая от ужаса… И все это весенней порой, перед тем как расцвести яблоневым садам.

МОРОЗ И ИЩЕЙКИ ПО ПЯТАМ

1

Росли мы рядом — он в Каменице, я в Лыджене. Вместе учились, но не были знакомы. Незнакомыми бы и остались, если бы не соединил нас дерзкий порыв нашего поколения, решившего преобразить мир. Стремление это как-то незаметно, естественно установило связь между нами и десятками, сотнями таких же, как мы, парней и вовлекло нас в водоворот, в котором немногим удалось уцелеть.

Когда появились первые партизаны, Стойо стал одним из самых активных их помощников. Во время учебы в Пазарджикской гимназии благодаря подпольным связям он перезнакомился с молодежью города и близлежащих сел. Когда в 1943 году открылась гимназия в Лыджене, он вернулся домой, но не прервал этих связей. Его друзья собирали оружие, одежду и продукты для партизан, а он переправлял все собранное нам.

И делал он все это с легкостью, с улыбкой. Однако ошибались те, кто предполагал, что этот молодой человек в потертой ученической шинели и выцветшей суконной фуражке делает все с наивной легкостью, до конца не отдавая себе отчета в том, чем рискует. Стойо приносил тяжелые мешки с продуктами, сбрасывал их с плеч, а потом не знал, куда девать руки, не привыкшие оставаться без дела. Он так бескорыстно отдавал себя людям, что нам порой становилось неловко.

Однажды ему нужно было доставить два мешка с патронами и продуктами из дальнего села. Вместе с одним парнем они ночью на велосипедах привезли их на станцию Варвара. Его приятель отправился обратно в село, а Стойо спрятался за оградой неподалеку от вокзала.

Состав прибыл еще до рассвета. Локомотив миновал одноэтажное желтое здание вокзала и остановился у виадука. На землю спрыгнул молодой машинист с измазанным сажей лицом, вытер руки, взял гаечный ключ и пошел осматривать штанги. Кочегар с беззаботным видом встал около будки, насвистывая какую-то мелодию. Стойо в ответ тоже просвистел что-то, взвалил на плечи мешки и, укрываясь в канаве, двинулся к нему.

— Грузи побыстрее! — приказал машинист и обошел паровоз, чтобы видеть станцию и пассажиров, садившихся в вагоны.

Стойо и кочегар подняли мешки на тендер, прикрыли их старыми рогожами и набросали сверху угля. После этого Стойо

купил билет до станции Костандово и сел в пассажирский вагон.

— Ты что здесь делаешь, Стойо? Как ты попал в эти места? — встретила его в вагоне пожилая женщина из Каменицы.

Рядом с ней дремал полицейский из лыдженского участка. Стойо посмотрел на него и приложил палец к губам.

— Ш-ш-ш!.. Разбудишь начальство… — прошептал он, так и не ответив на ее вопрос, и поторопился перейти в другое купе.

Паровоз присвистнул, тяжело запыхтел и медленно двинулся вдоль реки по направлению к Чепинской котловине. В окна хлынула прохлада. От усталости смыкались веки, а равномерное постукивание колес убаюкивало, и Стойо задремал. Он задремал, но какие-то неведомые центры в мозгу продолжали оставаться настороже. Как только скрипнула дверь и в купе вошел полицейский, Стойо тотчас же проснулся. Полицейский осмотрел его с ног до головы, взглянул на чужой багаж над его головой и под сиденьем и спросил:

— Ты сел на станции Варвара? Что ты делал в этих местах?

Стойо пожал плечами, удивленно скривил губы и ответил:

— Мне не хватило денег на билет от Пазарджика до Лыджене, поэтому и топал сюда пешком… Эх, если бы я сел в поезд еще в городе…

Полицейский наморщил лоб, раздумывая, правда ли то, что говорит ему человек: Стойо давно был у полиции на примете.

— Смотри, парень! — пробормотал полицейский и вернулся в свое купе.

На станции Долене полицейский зашел в здание вокзала, потребовал у дежурного телефонный аппарат и попросил начальника лыдженского вокзала связать его с полицейским участком.

«Западню мне готовит…» — сообразил Стойо. Он уже понимал, что дело приняло серьезный оборот.

Пока полицейский говорил по телефону, Стойо незаметно влез в тормозную будку одного из грузовых вагонов, перешел на другую сторону состава и направился к паровозу.

— Сбросьте мешки на повороте, не доезжая разъезда Дренов Дол, — сказал он машинисту. — Я спрыгну там же… Договорились?

Локомотив медленно пополз на подъем, и пассажиры снова задремали. Прикрыл глаза и Стойо, но только для виду. На востоке небо медленно бледнело. Мимо окон вагона проносились искры и клубы дыма. Купе наполнилось гарью.

На большом повороте Стойо спрыгнул на траву. Переждав, пока поезд отошел, он разыскал в придорожной канаве мешки и потащил их прямиком через лес в Каменицу.

2

Шла наша третья партизанская зима. Лес казался безжизненным: снег, полное безветрие — и ни души кругом. Только вой голодных волков нарушал эту мертвую тишину.

Морозный февральский день казался нам бесконечным. Вместе с Крумом Гинчевым мы, съежившись, устроились под большой елью в лесу и ждали наступления темноты. Нам предстояло спуститься в село, чтобы встретиться во Стойо и Костой Йовчевым из Лыджене.

Стемнело, и мы отправились в путь. Стойо и Коста уже ждали нас на тропинке у самой опушки леса. Земля промерзла, дул пронизывающий ветер, и, чтобы не окоченеть, они подпрыгивали на одном месте.

— Наконец-то! Полчаса мерзнем! — сказал, подходя к нам, Коста.

Он поздоровался и подал мне что-то тяжелое.

— Ручная граната! — обрадовался было я. В то время иметь гранату — это кое-что значило!

— Какая там граната! — проворчал Коста. — Ром! Выпейте, а то в такой холод превратитесь в сосульки.

Я пробормотал что-то и небрежно махнул рукой.

— Ах да, ты ведь у нас трезвенник… А ну давай ее сюда!

Я подал ему бутылку, и он принялся пить прямо из горлышка. Потом вытер губы ладонью и даже крякнул от удовольствия. Приложился, однако, и я. Обжигающий напиток разлился по всему телу, и я почувствовал приятную теплоту. Мне стало весело и легко.

Стойо все еще переступал с ноги на ногу, дышал себе в ладони и молчал.

— Ты что нос повесил? — подшутил над ним Крум Гинчев.

— Повесишь, Крум: мороз кусается, и ищейки, идущие следом, тоже кусаются.

В Пещеру, Брацигово, Батак и Чепинскую котловину прибыла жандармерия. Карательный отряд, с месяц назад обосновавшийся в Лыджене, арестовывал коммунистов и нащупывал связи местного населения с партизанами.

Днем жандармские офицеры и полицейские агенты отлеживались в тепле, а ночью караулили на перекрестках, мостах, во дворах.

— На днях в селах соседнего уезда носили по улицам отрезанную голову убитого партизана, — сказал Стойо. — Приносили ее и в Пещеру. Сам видел. Русые волосы, крупные черты лица… Говорят, что его убили под Кричимом…

Мы стояли потрясенные, догадавшись, что это, должно быть, Георгий Кацаров — первый комиссар отряда имени Антона Иванова.

В ту же ночь Коста ушел в село, а Стойо остался ночевать вместе с нами в лесу — так было безопаснее, потому что полиция уже напала на его след.

На следующий день к полудню Стойо пробрался в Каменицу и, никем не замеченный, проскользнул к себе домой. Увидев его, мать перепугалась:

— Ах, сынок! Зачем пришел? Утром полицейские и жандармы окружили дом, перерыли все…

Стойо взял из буфета хлеба и попросил мать, чтобы она завернула во что-нибудь. Мать не находила ничего подходящего.

— Ой, сынок, салфетки не осталось в доме. Куда ты их все унес? Ну что это такое! Не во что даже кусок хлеба завернуть…

— Ничего, мама! Потом мы тебе все эти салфетки вернем и выдадим расписку по всей форме.

За этим шутливым разговором мать и сын старались скрыть самые затаенные свои чувства, о которых говорить было трудно и излишне.

3

В отряде Стойо пробыл всего два месяца — самые тяжелые из тех, что нам привелось до этого пережить.

Через несколько дней после его прихода завязался бой на Еледжике — неравный и трагический бой, в котором погибли двадцать три партизана из пазарджикских отрядов имени Стефана Караджи и Кочо Честименского. В конце февраля и начале марта в Батакских горах разыгралась еще одна кровавая драма — разгром отряда имени Антона Иванова и массовые убийства коммунистов, а также помощников партизан в Батаке, Брацигово, Перушице, Козарско… В это время нашему отряду, покинувшему землянки и разбившемуся на группы, едва удавалось избежать той же участи.

Снова собраться все вместе мы смогли только в середине марта. Лагерь устроили на крутом склоне возле Чепино. Под несколькими навесами из веток, присыпанных землей, до рассвета горел большой костер. Когда светало, костер гасили, и мы нещадно мерзли. Собирались около потухшего костра, ворошили остывшую золу, напрасно пытаясь вернуть ушедшее тепло.

У нас не осталось почти никаких продуктов. Жандармерия и

полиция непрестанно рыскали в горах и искали в глубоком снегу наши следы.

Мы старались отвлечься от тяжелых мыслей, даже пытались проводить занятия по политической экономии. Собравшись вокруг угасшего костра, читали или обсуждали «Капитал». У нас сводило желудок от голода, а мы читали популярное издание «Капитала» и пытались в нем разобраться.

Как-то во время такого занятия Стойо Калпазанов отошел куда-то в сторону. Немного погодя он вернулся с консервной банкой, служившей ему кружкой. Руки у него посинели и дрожали, он все время расплескивал воду. Стойо разгреб золу и поставил банку на тлеющие угли, потом присел рядом с нами и приготовился слушать, но продолжать занятие стало трудно: мы знали, что уже нет никаких продуктов, и, несмотря на это, консервная банка приковывала наше внимание.

А Стойо не торопился объяснить, почему он поставил ее на огонь.

— Послушай, что ты делаешь? — не выдержала одна из девушек.

Стойо сдвинул кепку на затылок и весело посмотрел на нее:

— Скажи лучше, зачем у картошки кожура?

Перебивая друг друга, мы начали придумывать каждый свое. Некоторые ответы были весьма остроумны, но Стойо все время отрицательно качал головой. Нас разбирало любопытство.

Стойо торжествовал. Он вытянул голову из воротника своей ученической шинели и сказал:

— У картошки кожура… чтобы в случае чего и бедняк мог позволить себе с кого-нибудь шкуру содрать.

Мы пытались понять его слова, а когда поняли, рассмеялись.

Стойо вырыл из-под снега картофельную кожуру, выброшенную дней за двадцать до этого, когда мы еще располагали кое-какими продуктами, и высыпал ее в кипящую воду — должен был получиться «картофельный суп».

4

Когда Стойо все-таки поймали, тех, с кем его в Лыджене связывала подпольная работа, охватил невольный страх. В арестантском помещении карательного отряда находились десятки коммунистов, и, если бы Стойо заговорил, для них это означало бы смерть.

Стойо отвели в штаб карательного отряда. Туда же прибыли и агенты полиции.

— Мы свою работу закончили, теперь ваш черед, — сказал жандармский офицер. — Вела Пеева сбежала, но, если вам удастся сегодня вырвать у этого молокососа сведения о том, где находится отряд, мы их всех ликвидируем.

— Не беспокойтесь! — усмехнувшись, ответил какой-то агент.

Один из агентов склонился над Стойо, осмотрел его раны и проверил, крепко ли он связан. Их взгляды скрестились.

— Слушай, парень, скажи все, что знаешь, и мы тебя отпустим. Где остальные?

— Не знаю…

Стойо попытался подняться — стоя чувствуешь себя крепче духом. Ему едва удалось удержаться на ногах.

— Как это не знаешь? Ведь ты же партизан!

— Еще нет… Я собирался стать партизаном, но меня схватили до того, как я к ним добрался.

Агент подал знак жандармскому поручику. Стойо свалили на пол и начали бить, но тот повторял одно и тоже: его схватили раньше, чем он добрался до партизан.

За первым допросом последовал второй, третий, пятый… После каждого допроса его приносили в камеру полуживым.

Остальные арестованные с замиранием сердца ждали, выдержит ли он, сумеет ли сохранить тайну и тем самым спасти многих. Стойо догадывался об их тревогах и, как только к нему возвращались силы, пытался петь. Это были не песни — скорее, стон, крик. И все-таки это убеждало товарищей в том, что он выдержит, не подведет. Душа предателя не может родить песни в смертный час.

Однажды ночью Стойо посадили на грузовик и повезли. Доехав до глубокого оврага, остановились. Его высадили из грузовика и приказали идти вперед. Перед ним шло человек десять жандармов и полицейских, а за ним — майор Иванов, двое агентов и еще десяток жандармов. Стойо едва передвигался по скользкой тропинке и печально поглядывал на слишком редкий лесок.

Тропинка поднималась вверх по склону и вела к Абланице. Майор увидел в овраге освежеванную тушу волка, подвешенную к старому кизиловому дереву, и приказал остановиться.

— Поймали в капкан — не вижу следов от пуль… — сказал один из агентов, осмотрев тушу. — Берегли шкуру.

Майор вынул коробку сигарет, закурил и, выпуская дым кольцами, проговорил:

— Чего вы ждете? Начинайте…

Агенты и один из унтер-офицеров стащили Стойо в овраг и привязали его к стволу того же старого кизила.

— Не так! Поверните его лицом к волку! — крикнул им сверху майор.

Его повернули лицом к мертвому зверю.

— Будешь говорить? Или хочешь, чтобы и тебя подвесили к дереву вниз головой и с живого содрали шкуру?

Стойо поднял голову, посмотрел на майора, и тот увидел в его глазах решимость скорее умереть, чем заговорить.

— Где отряд? Куда вы собирались идти отсюда?

— Никуда… Нас было двое: я и Вела.

Унтер-офицер срезал несколько веток и начал хлестать связанного Стойо. Пытаясь увернуться, тот ударялся о ствол кизила, к которому его привязали. После каждого удара с веток осыпались набухшие, готовые вот-вот распуститься почки.

Стойо мучили несколько часов, зверски избив напоследок. Жандармы выстроились против него на дорожке и изготовились к стрельбе. На смуглом лице Стойо появились бледные пятна. Исчезли искорки жизни, до этого теплившиеся в его глазах. Плечи его опустились, и весь он от этого сразу стал казаться меньше. Приказ майора стрелять донесся до него откуда-то издалека…

Прозвучали два-три выстрела. От нервного напряжения: голова Стойо свесилась, и он сполз на землю у самого дерева. Потом почувствовал, что его волокут по какому-то склону, и раскрыл глаза. Совсем близко он увидел множество сапог, и сознание сразу вернуло его к действительности. С ним разыграли мнимый расстрел, полагая, что это даст нужные результаты.

3 мая 1944 года погибла Вела Пеева. Жандармы отрезали ей голову и принесли ее Стойо.

— Если тебе это нравится, мы и тебя можем таким же образом укоротить.

Стойо отшатнулся. Дышать стало нечем.

— Кто пошел на смерть, тот ее не боится! Кончайте скорее!

Примерно через неделю около полуночи застучали сапоги по лестницам и в комнатах школы, где находились заключенные. Послышался шум заводимых моторов. Арестованные напряженно прислушивались: или кого-то выводят на расстрел, или же обнаружили отряд.

В камере зажегся луч карманного фонарика.

— Собирайся… на допрос…

Стойо узнал голос агента.

Все поняли, что на сей раз это конец. Должно быть, это понял и Стойо. Воцарилась гробовая тишина, она казалась невыносимой. В коридоре кто-то нервно кашлянул.

Грузовики с жандармами проехали через Каменицу в горы. На улицах не было ни души, только кое-где светились окна.

Взошло солнце. Красив рассвет на вершине горы Елин!

Жандармы уселись на траву отдохнуть. Фельдфебель с опухшим лицом раздавал им сухой паек. Только Стойо продолжал стоять, и вид этих ненавистных людей заставил его отрешиться от всего окружающего… Он посмотрел на Каменицу и пошел к ближайшим лугам, так и не поняв — по собственной ли воле, или его туда ведут насильно.

Над горами разнеслось эхо трех выстрелов, и один из жандармов вернулся с луга, неся в руках ботинки Стойо.

5

Из всей семьи в живых осталась только мать — бабка Ката. Через несколько месяцев после того, как она потеряла Стойо, другой ее сын отправился на фронт и не вернулся. Лет десять назад похоронила она мужа — бай Илию — и теперь доживает свои дни в одиночестве.

На ее доме мраморная мемориальная доска. Но от этого матери не легче и не теплее. И разве есть такой камень, который может согреть?

Когда я навещаю ее, она обнимает меня дрожащими руками и говорит:

— Сердце мое переполнено мукой, и в глазах черно. Больно, сынок, сердце разрывается. Зачем мне эта жизнь, если нет Стойо…

Как утешить ее? Я не нахожу слов, да и нет таких слов. И я переношусь в прошлое. Вспоминаю бутылку рома и так не вяжущийся с ней рассказ Стойо о трагической гибели комиссара Кацарова, вспоминаю картофельную шелуху, вырытую из-под снега в нашем временном лагере, и салфетки, которые Стойо так и не вернул своей матери…

МЕРТВАЯ ПШЕНИЦА В РАШТЕЛЕ

Как обрадовалась Гроздена, когда ее предупредили, что на следующий день вечером Асен со своим отрядом войдет в село! Сколько времени она и дети ждали этого дня! Она знала, что партизаны, войдя в село, направятся прямо к зданию общинного управления. Именно так поступили они несколько дней назад и в Габровице, и в Голямо-Белово. Потом созовут крестьян на митинг и займутся разными другими делами. У Асена дел будет по горло — ведь он командир. Но она знала, что он наверняка забежит домой — к ней, к детям. Вот и дождались они его! Ожидание этой встречи наполняло ее таким волнением, какого она давно уже не испытывала. Но к радости примешивалась и тревога. А что, если жандармерия узнает об их приходе и встретит огнем? Асен будет среди первых, а первые погибают раньше всех… Нет, только не это!

На следующий день Гроздена встала еще до рассвета и вышла на крыльцо. Над селом возвышалась громада горы, освещенная луной. В соседних дворах еще никто не появлялся. Где-то поблизости тяжело дышала корова. Залаяла собака, но и она вскоре смолкла.

Гроздене в этот день предстояло много дел: испечь хлеб, чтобы хватило и партизанам, когда они придут; на поле в Раштеле обобрать табачные листья и вывесить сушиться; привезти с бахчи арбузы. Она разбудила детей, помогла запрячь волов и отправила ребят в поле, а сама занялась домашними делами.

Когда она кончила хлопотать, солнце уже взошло. Над полем стояло марево. Гроздена взяла сумку с хлебом, закинула на плечо мотыгу и пошла к полю в Раштеле.

— Уж не к партизанам ты ли отправилась, красавица? Что у тебя в сумке? — встретил ее вопросами у калитки Черный.

Нахмуренный, смуглый, с большим шрамом под правым глазом, он стоял в нескольких шагах от нее. На его руке висел пиджак, из-за пояса торчала рукоятка пистолета. Но не пистолет испугал Гроздену. Другое ее встревожило: чего ищет этот кровопийца здесь? Ведь Черный живет в другом конце села, и Гроздена раньше не встречала его у своего дома.

— Сам знаешь, страда… Теперь вся наша надежда на урожай. — Она выдержала его пронзительный взгляд. — А партизан разве такой сумкой накормишь?

Черный вытер пальцем уголки губ и глухо проговорил:

— Развелось это волчье отродье… Все равно всех истребим. Запомни это хорошенько!..

Гроздена пошла дальше, но долго не могла успокоиться.

…Вражда у Черного с Асеном давняя. Гроздене казалось, что они всосали ее вместе с молоком матери. Черный преследовал Асена со звериным упорством. Асен же, встречаясь с Черным, оставался спокойным; огромный и сильный, он смотрел на него словно на пустое место.

Впервые Гроздена почувствовала эту вражду много лет назад, еще до того, как вышла замуж за Асена. Когда Асен возвращался со службы в армии, она пошла встречать его на станцию. Радостные и счастливые, шли они в село. Кругом зеленели поля. Встречные ласково здоровались с ними, отпускали шуточки.

Черный догнал их у самого села. Он возвращался из Пазарджика на новой расписной бричке. Правил стоя, рубаха на нем была расстегнута. Увидев Асена, дернул вожжи и резко остановил лошадей.

— Воротился, стало быть? В армии не успели укокошить? — спросил он с ехидной усмешкой.

Гроздена замерла. Не слова ее испугали, а враждебный голос Черного, полный ненависти взгляд. Его рука сжимала кнутовище. Кони не двигались и тяжело дышали.

Асен подал Гроздене знак рукой, чтобы оставалась на месте, а сам вроде бы нехотя шагнул вперед и встал рядом с бричкой. Сзади она видела по его плечам, как тяжело он дышит, и поняла, что сейчас произойдет что-то страшное. От напряжения на скулах Асена выступили желваки. Он и Черный стояли, готовые броситься друг на друга. Черный — на бричке, Асен — на дороге.

— Э-эй! Да вы сдурели, что ли? — крикнул кто-то с поля.

Голос заставил их опомниться. Асен оглянулся. Кнут Черного просвистел над спинами лошадей, и те понеслись что было мочи к селу. Гроздена бросилась к Асену. С тех нор к ее любви прибавилось новое чувство — гордость за Асена, она радовалась, что он такой сильный и смелый. Но вместе с тем поняла, что жизнь с Асеном будет нелегкой, беспокойной.

Вскоре после их свадьбы в селе появился невысокий коренастый человек с острой бородкой и веселыми глазами. Асен привел его в комнату, подал табуретку и с большим почтением обратился к нему:

— Добро пожаловать, батюшка! Жена подаст чего-нибудь перекусить. Отдохни, а вечером пойдем в трактир…

Тогда я не поверила своим глазам. Асен больше всего ненавидел Черного и его дружков, а после них — попов. И вдруг привел в дом попа! Да еще так заботится о нем! Только непонятно, почему этот поп не в рясе, а в крестьянской одежде.

До самого вечера гость не выходил из дома. Асен куда-то

ушел, а вернувшись, долго о чем-то говорил с ним, снова ушел и объявился только вечером. Не ужиная, они вдвоем с гостем отправились в трактир. Оттуда вернулись в полночь. В душу Гроздены уже закралась смутная тревога, но еще до свадьбы Асен предупредил ее, чтобы она не вмешивалась в некоторые его дела. Он разделся и молча лег спать.

— А где остался поп? — спросила она.

Асен помолчал, потом ответил:

— Вернулся в город.

— С каких это пор ты решил водить дружбу с попами?

— Это не обычный поп. Его зовут «красным попом». Фамилия его Русинов. Он в тюрьме вместе с попадьей сидел…

В ту ночь восстановили в селе коммунистическую ячейку, разгромленную после сентябрьского восстания 1923 года.

Гроздена решила не вмешиваться в дела Асена и делала вид, что занята лишь своими домашними заботами. Но с того момента, сама не понимая, как это произошло, она почувствовала, что на нее возложена какая-то новая, непонятная ей ответственность.

Черный — будь он проклят! — еще больше озверел. Вместе со старостой и его приспешниками он следил за каждым шагом Асена и его товарищей. Ох, сколько тревог свалилось на нее!..

Гроздена никогда не забудет, как пытались их убить в 1935 году. Все началось из-за общинного леса. Тогда селяне поднялись против старосты и местных богачей, распоряжавшихся лесом как своей собственностью: рубили его когда и сколько хотели.

Однажды они с Асеном работали в поле в Раштеле. К обеду стало душно, как в печи. Но только они перекусили и взялись снова за работу, над полем разразилась буря. Пока добежали и укрылись под старым вязом на софийской дороге, полил дождь. Ветер сгибал ветви чуть ли не до земли. Молния прорезала небо и ударила в землю где-то совсем рядом. Загорелась копна, и даже проливной дождь не смог погасить огня.

Когда утихло, люди снова разошлись по полям. Тогда к Асену подошли его товарищи, и они решили потребовать от старосты прекратить грабеж общинного леса.

Вечером они собрались на площади. Из здания общинного управления вышли староста с сыном, Черный, полевые сторожа и еще несколько их пособников. У кого на плече дубина, у кого толстая палка, у сына старосты — кол.

— До каких пор будете грабить крестьянское добро? — спросил Асен. Он стоял впереди всех — коренастый, широкоплечий, словно высеченный из камня.

Староста только раскрыл было рот, но ему не дали говорить.

Все разом зашумели:

— Разбойники! Мы не потерпим этого больше! Хватит! Довольно!

Сын старосты замахнулся на стоявшего рядом Сестримского, одного из самых бедных в селе крестьян, едва сводившего концы с концами. Это явилось поводом к свалке. Но Асен оставался спокойным, не принимая участия в драке.

— Староста, Асена нужно прикончить! — Черный с несколькими полицейскими бросились к Асену.

За ними двинулся и сын старосты, размахивая над головой колом. Асен не отступил. Не сводя глаз с Черного, он наклонился, взял камень и выпрямился во весь рост. Черный остановился, сын старосты замахнулся колом, но Асен опередил его, ударил камнем и повалил на землю. Черный и остальные растерялись.

После этого Асена арестовали. Его долго таскали по тюрьмам и судам, а в это время Черный и его банда из засады убили Сестримского. Им это сошло с рук, Асена же власти осудили на три года тюремного заключения…

Перед самым началом войны проводили выборы. Из Пазарджика явилась полиция. Черный послал полицейских арестовать Асена, чтобы некому было агитировать за «красного кандидата». Приходили за ним несколько раз, но в эти дни он не появлялся дома — крестьяне укрывали его. В день выборов его видели где-то на окраине села, и полицейские бросились туда, чтобы арестовать его.

Было воскресенье. Гроздена и ее мать затеяли печь пироги. Вдруг раздались крики. Посмотрев в окно, они увидели: к дому бежит Асен, а за ним — полицейские. Асен перескочил через плетень, вбежал в сени, схватил топор и встал у двери. Гроздена с мотыгой, а мать с кочергой встали рядом с ним. Полицейские ворвались во двор, направили на них винтовки. Дети закричали, из соседних дворов сбежались люди.

— Чего вам здесь надо? — набросилась на полицейских мать Гроздены. — Что он вам сделал?

— Мутит народ… Всей деревней верховодит! — начал старший.

— Вы о народе забеспокоились или о старосте Полозове? — прервала его старуха.

У плетня собралась толпа. Прибежали товарищи Асена. Это напугало полицейских. Старший дал знак своим уходить.

Настало время выборов. Когда Асен вошел в темную кабину для голосования, староста нагрянул туда же с несколькими полицейскими, и те связали его. И снова Асена таскали по тюрьмам, но опять в конце концов выпустили.

Самое страшное началось, когда гитлеровцы напали на Советский Союз. Асен ночами не возвращался домой. Вместе с братом Спасом и другими товарищами они подолгу задерживались в лесу. Куда они ходили, что делали?..

Осенью их арестовали и увезли в Пазарджик. Оттуда отправили в Пловдив — в областное управление полиции. Вместе с арестованными поехали Черный и сын старосты. Вернувшись в село, они водили полицейских по домам коммунистов, а затем снова уехали в Пловдив.

Что делали с арестованными в Пловдиве, сильно ли их мучили?.. Арестованные вернулись оттуда полуживыми. Асен перешагнул порог и сразу свалился на кровать.

— Согрей воды помыться, — сказал он. — И не пускай детей.

Его лицо потемнело. Под глазами залегли черные тени. Под самым глазом виднелся огромный синяк. Но Асен ни на что не жаловался и лишь стискивал зубы, чтобы не стонать.

— Живого места не оставили, изверги! — ахнула Гроздена и бросилась греть воду.

Через несколько дней он поправился. И снова тайные встречи с товарищами, ночные вылазки в лес… Но теперь он без пистолета не ступал и шагу. Да еще заметила Гроздена, что взгляд его стал подолгу задерживаться на детях, как будто раньше он их не видел. Однажды Гроздена бесшумно вошла в комнату, и муж ее не заметил. Он держал на коленях дочку Кипче, прижавшись лбом к ее лбу. Девочка, не привыкшая к отцовской ласке, пыталась освободиться. Как только Асен почувствовал, что Гроздена на него смотрит, оставил Кипче, тяжело перешагнул через порог и вышел во двор.

Когда около их села появились первые партизаны, люди начали собирать продовольствие, оружие и разные вещи. Гроздена пекла для них хлеб, стирала белье, покупала сигареты, спички, соль. А Асен все это носил партизанам.

В начале февраля 1943 года Асен, Кольо Радков и Павел Несторов направились в лес. Они решили выкопать землянку и спрятать там продукты, одеяла и все прочее — и для партизан, если те придут, и для себя — на случай, если им придется уйти в лес от преследований полиции. Вечером Асен вернулся домой встревоженный.

— Выследили нас, мерзавцы… Я и Павел копали, а Кольо оставался наверху. Не заметили, как подкрался внук старосты. Увидели его, когда тот пустился бежать назад. Мы уже ничего не могли поделать…

Асен наспех взял немного хлеба, одеяло и ушел. Предупредил жену, что Кольо Радков решил скрыться, а он постарается меньше

бывать дома, пока не выяснится, что к чему…

В ту ночь арестовали Несторова и увезли в Пазарджик, а позже в Пловдив. Двадцать пять дней продержали его в полиции, но он так и не признался, что копал вместе с Кольо Радковым землянку в лесу, и полиции пришлось выпустить его. Асен послал верных людей к Несторову и выяснил, что внук старосты видел только одного Кольо Радкова, а Павла арестовали лишь по подозрению. Асен вернулся домой.

Наступила весна 1943 года. Стояли погожие дни. Весенний воздух кружил голову. Со стороны Милевой скалы волнами наплывали белые облака. Вдали, над Средна-Горой, небо было чистое. И вечера стояли мягкие, полные запахов трав. Крестьяне после работы собирались на площади, чтобы послушать у репродуктора новости с восточного фронта. И как ни старалась пропаганда скрыть факты, все понимали, что под Сталинградом Гитлеру перебили хребет. И теперь уже ни за что не остановить наступление деда Ивана[28]…

В один из апрельских дней Асен вернулся с работы раньше обычного. Он должен был встретиться с партизанами. Уже несколько дней они находились недалеко от села. Гроздена испекла для них хлеб, сварила фасолевый суп, приготовила сала и другой еды.

Асен ушел в трактир посмотреть, что делается в селе, и заодно купить сигарет. Не успел хозяин подать ему сигарет, как в трактир вошли полицейские из Пазарджика во главе с усатым старшиной с широкой фельдфебельской саблей и при шпорах: видимо, в молодости он служил в кавалерии. Позади него Асен заметил сельского сторожа. Шум в трактире сразу же стих. Люди, а их собралось много, насторожились. Асен оставил сигареты на прилавке и направился к запасному выходу. Стараясь выглядеть спокойным, он шел медленно, чуть вразвалку, своей обычной походкой, как будто приход полицейских его не касался. Ухватился за ручку двери, но дверь сама открылась, и перед ним оказались двое полицейских.

— Ты-то нам и нужен! — проговорил один из них — он был из местных.

— Раз вам удалось так ловко меня накрыть, значит, хорошо знаете свое дело, — попытался пошутить Асен. — Я в ваших руках…

Вокруг зашумели люди, кто-то закричал. Старшина встал между столиками, осмотрел собравшихся и прикрикнул:

— Тихо! Всем оставаться на местах! Никому отсюда не выходить, пока мы не закончим!

Он потребовал, чтобы Асен повел их в дома коммунистов, но

тот отказался.

— Я вас поведу! — отозвался местный полицейский. — Я их всех знаю…

Двое полицейских повели Асена к зданию общинного управления. Остальные пошли за другими коммунистами.

Уже наступали сумерки. Повозки возвращались с поля, во дворах около скотины хлопотали хозяйки. Где-то на станции пыхтел паровоз…

Полицейские не обыскивали Асена и не знали, что у него под пиджаком спрятан пистолет. С винтовками через плечо они шли с обеих сторон от него, не ожидая никакого сопротивления. Они не догадывались, что задумал арестованный. А Асен выжидал удобного момента, чтобы расправиться с конвоирами.

Здание общинного управления находилось недалеко. Асен понимал, что, если его запрут там, он пропал. Надо действовать. Один из полицейских шагнул вперед, чтобы открыть дверь управления. Асен выхватил пистолет, ударил полицейского рукояткой по голове, и тот свалился на ступеньки. Пока второй успел понять, что произошло, Асен выстрелил в него. Тот пронзительно закричал — пуля попала ему в плечо.

Асен бросился бежать. Из помещения управления выскочил староста. Поднялся и оглушенный ударом по голове полицейский. Засвистели пули. Асен выстрелил всего два раза — берег патроны. Вдруг что-то обожгло ему ногу. Он понял, что его ранили. «Видно, здесь и придется помирать», — подумал он, спрятавшись за каменную ограду. За ним спешила погоня. Асен подпустил преследователей ближе и открыл огонь. Те растерялись и отступили. Тогда Асен оторвал край рубашки, наскоро перевязал простреленную ногу и поспешил в лес.

С той поры Гроздена не помнила ни одной спокойной ночи. Ее мучили не только тревога за Асена и заботы о четверых детях — Черный и староста не оставляли ее в покое. Сколько раз ее вызывали в общинное управление; сколько раз обманывали, говоря, что Асен убит; сколько раз водили в Пазарджик на допрос…

Никогда она не забудет первую пасху после того, как Асен ушел к партизанам. В полночь залаяли собаки. Она вскочила с постели и вышла в сени посмотреть, что происходит. Вокруг сплошной мрак. Во дворе и возле плетня ничего не заметила, но все же не могла успокоиться. Собаки в соседних дворах заливались лаем. Ударили церковные колокола, возвещая воскресение Христово. Из церковного двора доносились голоса. Замелькали колыхавшиеся на ветру огоньки свечей — шел крестный ход вокруг церкви… Гроздена легла в постель, но не

могла уснуть.

Около трех часов во двор нагрянули полицейские. Она сразу же услышала их шаги. Застучали в дверь. В окно она видела штыки на винтовках.

— Открой!.. Да поживее!.. — послышался голос Черного.

Полицейские ворвались в дом и начали рыться всюду. Дети смотрели на них, ничего не понимая. Кипче вскочила с постели и прижалась к матери, всхлипнула два-три раза, но от страха не посмела даже заплакать…

Еще до рассвета их заставили собраться и увезли в Пазарджик; бросили в тюрьму вместе с семьями других партизан из Лесичево, Сараньово, Величково… Старшая дочь Гроздены заболела брюшным тифом. На третий день детей отпустили, а Гроздену отправили в Трынскую околию.

Вернулась она только в октябре. Склоны гор окрасились в осенние цвета. В пожелтевших лесах пламенели алые кроны диких груш… На станции Гроздену никто не встречал. Она думала о родном селе, смотрела на пестрый осенний лес и вспоминала мать, умевшую такие вот краски переносить на ткани, которые ткала для ее приданого. Глаза ее наполнились слезами: больно стало, когда подумала об ушедшей молодости, о детях, об Асене. Она не знала, где Асен, а детям не сказали, что их мать возвращается. Несколько дней назад в Трыне она узнала, что в горах около их села партизаны вели тяжелые бои с войсками. Были и раненые. Не ранен ли Асен?

…С той поры прошло много времени. Летом 1944 года Асена избрали командиром нового партизанского отряда имени Ангела Кынчева. Гроздена услышала об этом и не знала, радоваться ей или плакать. И вот сегодня Асен должен войти с отрядом в родное село. Тяжелые дни ссылки забыты. Гроздена снова увидит мужа! Она поднялась с постели еще затемно и послала детей в поле, чтобы убрать дом к приходу гостей.

И вот тебе на — Черный! Куда он собрался? Почему спросил, куда она идет? Уж не проведал ли о чем-нибудь, не готовит ли какую новую подлость?..

Дети собрали табак и спали под старым орехом. Она оставила рядом с ними узелок с хлебом, чтобы поели, когда проснутся, а сама пошла окапывать кукурузу. Где-то в поле разносилась песня жнецов и слышалась то громче, то тише. И почему-то от этой песни защемило сердце…

В полдень за селом раздался выстрел. Эхо от выстрела болью отозвалось в душе Гроздены. Она отбросила мотыгу. Господи! Когда же этому придет конец?..

С поля она возвратилась рано. Солнце еще стояло высоко над

Милевой скалой. Село задыхалось от пыли и духоты. Несколько кур неподвижно лежали в тени под навесом.

Телега остановилась во дворе перед сенями. Борис и Кипче побежали в дом, а Йорданка и Иван помогли матери распрячь волов, снять корзины с табачными листьями и арбузы. Ай да дети — и послушные, и трудолюбивые! С тех пор как отец ушел в партизаны, они стали помощниками матери во всем. Но вместо того чтобы радоваться, Гроздена с болью в сердце спрашивала себя: а что их ждет?

Из корзины с табаком, которую Йорданка несла на плече, выпала конская подкова и ударила по босой ноге. Она ахнула и присела. От боли глаза наполнились слезами.

— Откуда взялась эта подкова? — спросила она Кипче.

— Я ее в поле нашла, около дороги… Хотела повесить над окном. На счастье… — стала торопливо объяснять сестренка.

— Вот еще глупости! Какое счастье может принести ржавое железо? — посмеялся над ней Иван. Он взял подкову и уже замахнулся, чтобы выбросить ее через плетень.

— Не надо! — бросилась к нему Кипче. — Отдай мне, не выбрасывай. Я загадала… чтобы папа вернулся к нам живой и невредимый.

Иван вернул ей подкову.

Гроздена стояла в стороне и кусала губы, чтобы не заплакать. Будь проклято это время, которое отрывает отцов от детей, мужей от жен…

В сумерки на другом конце села раздались выстрелы.

— Наши!..

Гроздена и старшие дети выскочили во двор. С куском хлеба и ломтем дыни в руках за ними последовала и Кипче. Но на улицах никого не было видно, село снова затихло. Гроздена и дети вернулись в дом. Свет керосиновой лампы едва освещал комнату, и она все больше погружалась в темноту. Деревья во дворе теряли свои очертания.

— Гроздена… Гроздена-а… Ты дома? — позвал ее женский голос.

Гроздена выглянула в окно. У плетня, который отделял их двор от соседнего, чернели силуэты женщины и мужчины. По голосу она узнала соседку.

— Зачем я тебе понадобилась в такое время? — спросила Гроздена.

— Выйди! Черный тебя зовет, — быстро проговорила соседка дрожащим голосом.

— Заткнись! — прохрипел мужчина, стоявший рядом.

— Господи!.. — Гроздена бросилась к детям в соседнюю

комнату. В сенях она наткнулась на Ивана, схватила его за руку и потащила за собой.

Черный перескочил через плетень. Послышались его шаги на крыльце. Пока они закрывали засов изнутри, он ударил в дверь ногой. Гроздена подперла дверь спиной, рядом упирались в нее плечом Йорданка и Иван. Кипче и Борька жались тут же.

— Ну смотри у меня! Убью!.. — выругался Черный.

— На это ты способен, — ответила ему из-за двери Гроздена. — Попробуй лучше с партизанами воевать…

Черный всем телом навалился на дверь. Дышал он тяжело, из груди вырывался хрип — он был ранен. Кровь стекала у него по ноге.

— Держись, змеиное отродье! Небось радуешься, что ваши зашевелились! Ничего, мы еще сочтемся!

Гроздена почувствовала, что он отошел от двери, и тут же услышала щелчок затвора винтовки… Черный выстрелил. Лампа погасла. От дверей полетели щепки. Разрывные пули защелкали по стенам. На платье у Йорданки показалась кровь. Она в ужасе сжалась в углу. И Борька тоже запищал:

— Кровь!..

Но Гроздена уже не слышала: пули пронзили ей грудь. Изо рта и носа текла кровь, Гроздена задыхалась. Все завертелось, земля ушла из-под ног, и она свалилась на пол.

— Дети, — простонала она, — пусть отец заберет вас в горы.

Черный нажал на дверь, но ее продолжала подпирать своим телом мертвая Гроздена.

Он отступил на несколько шагов, перезарядил винтовку и снова начал стрелять. Дети сжались в углу, оцепенев от ужаса…

Сам я не видел Гроздену Боневу. Говорят, что это была статная, красивая крестьянка, с косами цвета спелой пшеницы на полях в Раштеле. Мертвой стала эта пшеница…

С ее мужем Асеном я впервые встретился мартовской ночью 1942 года, когда вместе с Кочо Гяуровым тайно пробирался из Пазарджика в район Чепино. Потом в 1944 году мы вместе сражались в партизанском отряде.

В тот трагический вечер, когда Черный стрелял в Гроздену, наша партизанская бригада «Чепинец» и партизаны отряда имени Ангела Кынчева атаковали станцию Варвара. Мы вели ожесточенный бой с жандармерией и полицией. В тот же вечер отряд имени Панайота Волова обезоружил охрану большого немецкого склада в Симеоновце, освободил село и вел тяжелый бой с жандармами в Семчиново. В село Варвара вошли партизаны отряда имени Ангела Кынчева во главе с Асеном.

Партизаны Асена действовали быстро и решительно. Одни бросились к дому старосты, а Асен с двумя партизанами ворвался в дом Черного. Застали его во дворе, попытались арестовать, но он выхватил пистолет. Партизаны выстрелили в него в упор, и Черный упал. На его одежде проступили кровавые пятна. Но он только притворился убитым. Партизаны оставили его и направились к зданию общинного управления. Тем временем Черный поднялся, оправился, вытащил из-под кровати свою винтовку…

В отряде Асена было много его односельчан. Встреча с родными всех взволновала. На площадь стекался народ. Жены обнимали мужей, дети целовали огрубевшие лица отцов, матери и отцы искали сыновей. Заиграла партизанская гармонь. И вдруг раздались выстрелы. Зловещие огоньки вспыхивали со стороны дома Черного.

Несколько партизан бросилось по направлению выстрелов, но стрельба прекратилась, а через несколько минут началась в противоположной части села. Теперь выстрелы доносились со стороны дома Асена. Он оцепенел от страшной догадки. Его спрашивали, где взять лошадей и мулов, чтобы вывезти реквизированные продукты, что делать с архивами общины, куда девать арестованных полицейских, а его мозг сверлила одна мысль: «Дома что то случилось!..»

Он послал туда своего брата и еще одного партизана, а сам продолжал руководить операцией. Вскоре он заметил на площади какое-то смятение. Замолкла гармонь. Асен понял: произошло что-то страшное. Он побежал к дому. Навстречу ему шел брат, неся на руках тяжело раненную Йорданку. Рядом с ним шли Иван, Борька и Кипче.

— Папа! Черный убил маму! — задыхаясь от слез, выговорил кто-то из детей.

Дети громко плакали, прижимаясь к отцу, а он стоял как парализованный…

Отряды собрались у околицы — провести перекличку, организовать отход в горы. Всех нас потрясла трагедия Асена. Теперь с ним были и его дети. Не было только Кипче — ее оставили у родственницы, она должна была спрятать девочку и тайно переправить в другое село. Йорданке и Борьке перевязали раны, усадили на мулов, и мы отправились по партизанским тропам. Асен шел молча, раздавленный горем. На него было тяжело смотреть.

Из глубоких ущелий доносились крики сов. Их голоса напоминали предсмертный стон.

…Асен и сейчас живет в селе Варвара. Как корни старого

вяза, прошлое удерживает его на этой земле. После победы он женился на вдове одного погибшего партизана. Они построили новый дом вблизи железнодорожной станции. Дети его выросли и разъехались из родного дома.

Однажды зимой я побывал у него в гостях. Меня встретила новая хозяйка, подала на стол закуску, вино. Мы завели разговор о Гроздене, и тогда жена Асена незаметно покинула нас. Как всегда, Асен говорил мало, слова произносил веско. Возле него вертелась внучка лет пяти-шести. От вина ли, от воспоминаний ли — не знаю, но стало грустно. Мне хотелось спросить, есть ли какой-нибудь памятник Гроздене, не названа ли ее именем улица или школа, но я не решился. Побоялся услышать отрицательный ответ, увидеть скорбный молчаливый взгляд, как бы упрекающий нас за то, что мы забыли о чем-то важном, очень важном!

СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

Ни хозяйства, ни скота, а детей четверо — вот и все, что было у Божкова. Потому столь тягостно и необъяснимо было его предательство…

Лесником он стал несколько лет назад. Совсем другое дело, когда у тебя есть жалованье и казенная одежда. И от односельчан уважение, и дети сыты. И вот это-то жалованье и эта зеленая форма погубили и Велу Пееву и его самого…

Когда жандармы вернулись с отрезанной головой Велы в Лыджене, лесник Божков пошел в штаб карательного отряда за причитающимися ему за эту голову деньгами. Майор велел кассиру отсчитать положенную сумму. Предатель схватил пачки банкнотов и отправился в Каменицу со ста тысячами левов в кармане. Он хорошо высчитал, сколько ему причиталось за партизанскую голову, но не подумал о собственной…

Мы приговорили его к смерти. Но проходил месяц за месяцем, а он оставался жив. Мы разыскивали его в лесу, подкарауливали около дорог, но никак не могли схватить. Поручили боевым группам в Каменице пристрелить его, но постоянно случалось что-нибудь, мешавшее выполнить этот приказ.

В один из летних вечеров в наш лагерь под Алабаком пришла Гера, сестра Велы, вместе с несколькими партизанами. Я было бросился ей навстречу, но ноги меня не слушались. Тогда мы уже не голодали, как зимой, нас не мучили холода, но тем не менее я почувствовал сильную слабость.

Товарищи уселись около костра, а мы с нею остались в тени старого бука с изломанными бурей ветвями. Гера прислонилась к дереву.

До прихода в этот лагерь она наведалась к матери. Шел дождь. Мать сидела в погребе на мешке с картошкой. «Как же вы не уберегли Велу? — спросила она. — Как же вы могли допустить такое!..» Гера молчала. «Возьми этот мешок. Здесь хлеб, сало и немного тех груш, которые любила Вела…»

Весь август мы провели в операциях, походах, перестрелках Встречались с сотнями людей в селах, на равнине и в лесу. Встречи были теплыми, радостными, и всегда кто-нибудь спрашивал нас о Веле. Как только заходила речь о ней, Гера отходила в сторонку. Я воспринимал это как упрек.

А предатель, чувствуя безнаказанность, становился все более наглым. Хвалился, что плюет на нас, что мы молокососы, а он матерый волк, и, если мы ему встретимся где-нибудь на дороге,

он расправится с нами, как с овечками. Может быть, Божков и не говорил этого, но нам так передавали, и в нас поднималась глухая злоба оттого, что мы все еще не свели счеты с предателем, и оттого, что чувствовали себя виноватыми перед самими собой.

В конце августа мы узнали, что Божков перевелся в Корово. Ему уже не по себе было в лесу — он избегал ходить в одиночку. Утром он отправлялся на работу, а после обеда возвращался в Каменицу; иногда оставался в Корово, но ночевал в разных домах у своих людей, чтобы мы не смогли напасть на его след. Я доложил об этом Методию Шаторову, командовавшему нашей партизанской зоной, и сказал, что вместе с двумя товарищами решил привести приговор в исполнение.

— Что, нет никого другого, более подходящего для этого дела? — спросил Шаторов.

Я понял его.

— Моя очередь. Это должен сделать я.

— Ну что ж, не будем делить работу на чистую и черную. Будем делать и ту и другую, — сказал Шаторов.

Ночью мы с Георгием Черным направились в Корово. Бай Сандо не успевал за нами и то и дело догонял нас трусцой. Я сжимал под солдатской курткой заткнутый за пояс пистолет и думал, надежно ли мое оружие. Думал и о другом: в нас стреляют, и мы стреляем в ответ, а те, кто делает братьев смертельными врагами, остаются безнаказанными…

Мы спустились в Корово, осмотрелись вокруг и прислушались. В сторожке было темно. Георгий и бай Сандо залегли, взяли под прицел окна сторожки, а я припал ухом к двери — ни звука, я слышал только биение своего сердца. Не хотелось признаваться самому себе, но я действительно верил в то, что предатель — матерый волк…

Я постучал в дверь. Мертвая тишина.

Георгий подполз ко мне и прошептал:

— Если бы он был там, начал бы стрелять. Его там нет.

— А если он все-таки в доме?

— Тогда насмешек не оберешься.

Я постучал еще два-три раза. Никто не ответил. Я нажал на дверь, пытаясь открыть ее, но не тут-то было: массивная дверь не поддавалась. Окна были закрыты ставнями.

Мы ушли обескураженные. Оставалась еще одна возможность: дождаться предателя у шоссе, ведущего в Каменицу.

Мы пробрались в засеянное подсолнухом поле около дороги. Однако ночь стояла светлая, а подсолнухи на этом поле выросли хилые, редкие, и все вокруг просматривалось. Подальше, возле реки, росли огромные старые ивы; между ними — густые заросли

ольхи. Но оттуда не было видно дороги и села, и мы решили спрятаться среди низкорослых кустов около придорожной канавы.

Бай Сандо остался бодрствовать, а мы вдвоем с Георгием легли, прижавшись спинами друг к другу. Он зевнул два-три раза и уснул, а я долго не мог сомкнуть глаз: мне не давало покоя неудачное начало нашей операции. О чем я думал, пустившись искать предателя среди ночи? Почему он должен был ответить на наш стук? Да он бы и родной матери в такую пору не открыл. Мы только выдали себя, и теперь на рассвете того и гляди появится карательный отряд…

Утром на пыльном шоссе показались крестьянские телеги. Одни направлялись в поле, другие — в Каменицу и Лыджене. Прошли мимо нас и несколько жителей Каменицы.

Мы ждали уже несколько часов. Солнце поднялось высоко над вершиной Стража, а лесник все не появлялся. Что же делать? Раз его нет до сих пор, то, возможно, он вообще не собирается в Корово…

К десяти утра оживление на шоссе заметно спало. Со стороны Каменицы появился одинокий путник в одежде из грубого сукна, с белым платком, повязанным вокруг шеи. Пиджак он держал в руках.

— Эй, Георгий, твой дядя Христо идет, — сообщил бай Сандо. — Может, подозвать его?

Крестьянин поравнялся с кустами, в которых мы прятались. Георгий окликнул его. Бай Христо осмотрелся вокруг — нет ли кого-нибудь поблизости, перепрыгнул через канаву и присел на корточки рядом с нами. Мы расспросили его о новостях, о положении в селе, а потом отослали в Корово, чтобы разузнать, где Божков и собирается ли он сегодня выходить на работу: не хотелось караулить попусту.

Бай Христо перешел через мост и затерялся среди домов на другой стороне реки. Солнце сильно припекало, и воздух над крышами дрожал. Перед трактиром толпился народ. Из окон общинного управления, выходивших в нашу сторону, выглядывало несколько человек.

Бай Христо вернулся напуганный. Он все время озирался и даже не присел рядом с нами, а только низко пригнулся, чтобы его издали не было видно. Платок, повязанный вокруг шеи, был совершенно мокрый.

— В общину донесли, — торопливо заговорил он, — что ночью сюда приходили партизаны. Вас видели по ту сторону Вотырно. Староста сообщил в Каменицу, чтобы передали об этом карательному отряду.

— А Божков где?

— В селе, около трактира.

Бай Христо ушел. Нельзя было терять ни минуты. Я оставил свой рюкзак и винтовку бай Сандо и Георгию, взял у них второй пистолет и положил его в карман.

— Через полчаса проберетесь подсолнухами и будете ждать меня в Вотырно, — сказал я им и отправился в путь.

Я вышел на дорогу, решив положиться на свою солдатскую одежду. Правда, она была мятая и вместо сапог на ногах у меня были резиновые постолы, но все-таки я выглядел военным человеком.

На мосту я встретил какого-то лесника. Он сидел в тени высокого каменного парапета и, видимо, кого-то ждал. Если судить по описаниям, это был тот, кого я разыскивал, но раньше я в глаза его не видал. Я собрался было спросить его, не он ли Божков, но слова застряли у меня в горле. «Если это действительно Божков, он может обмануть меня, а потом всадит пулю в спину…»

Я поздоровался и прошел мимо. Лесник едва кивнул мне и остался сидеть на том же месте, но я почувствовал, как он неспокойно осмотрел меня с головы до ног. Мне не оставалось ничего другого, как пойти к трактиру.

— Не знаете ли вы, где Божков? — спросил я крестьян. — Мне нужно купить дров для нашего батальона…

— Только что приходил сюда. Наверное, пошел к дровяному складу за селом.

Около сложенных штабелями дров никого не оказалось. Я снова вернулся в село. На сей раз мне посоветовали пойти в сторожку.

На дверях сторожки висели на гвозде зеленая шинель и рюкзак. Божков, видно, приходил и отправился куда-то по делам. Значит, скоро вернется, подумал я и решил его дождаться.

У реки под старыми вербами паслось несколько овец. Я присел неподалеку от них в заговорил с игравшими поблизости мальчишками. Старался сохранить спокойствие, но мне это не удавалось: в любой момент мог прибыть карательный отряд. Два-три раза мне даже послышался шум моторов грузовиков, и я едва удержался, чтобы остаться на месте.

К полудню на деревянном мосту показались двое лесников и крестьянин с ребенком. Один из лесников и был предателем. Меня бросило в жар, закружилась голова.

Я сунул руки в карманы и нащупал пистолеты. Мальчишки внимательно следили за каждым моим движением и, очевидно, догадались, зачем я пришел. Они вытаращили глаза, а самый маленький даже рот разинул.

— Кто из них Божков? — спросил я.

— Вот этот… — ответили ребята в один голос.

Божковым оказался тот самый человек, которого я встретил на мосту при входе в село. Я направился к нему, но он ускорил шаг, дернул дверь и прямо-таки ворвался в комнату. Я — за ним. Ставни на окнах были закрыты. С яркого света я попал в полумрак и поэтому едва мог разглядеть фигуру предателя.

Я нажал на курок пистолета — он щелкнул, но выстрела не последовало. Металлический щелчок зловеще отозвался в моем мозгу. Предатель обернулся и бросился на меня. В руке он держал какой-то черный предмет. Я выстрелил из второго пистолета. Лесник как-то странно крутанулся на одной ноге и грохнулся на пол.

Все дальнейшее я проделал машинально: приблизившись к предателю, нажимал на спусковой крючок до тех пор, пока не расстрелял всю обойму. Выстрелов я не слышал, но помню, что услышал воцарившуюся в комнате тишину…

Второй лесник улепетывал через реку. Крестьянин с ребенком, как бы оцепенев, стоял перед сторожкой. Я разбросал заранее приготовленные листовки и одну из них протянул ему.

Тот отказался взять.

— Увидят, — сказал он. — Ты уйдешь, а я…

На улицах по ту сторону реки собирался народ. Выстрелы взбудоражили всех, и люди торопились узнать, что происходит.

К вечеру я уже поднимался на Алабак. Огромный огненный шар солнца едва касался далеких скал. Горы бросали глубокую тень на зияющие пропасти Чепинского ущелья. Я чувствовал усталость, тянуло лечь на землю и не вставать, но я даже не присел. Во рту была горечь, а в душе беспокойство. Человек не может остаться бесчувственным, когда отнимает у кого-нибудь жизнь… Но предатель не имеет права на жизнь!

В партизанском лагере горели огромные костры. Командиры докладывали штабу партизанской зоны о проведенных операциях в Елидере и на станции Варвара. Для юнца это было нелегко — докладывать, как выполнено задание, которое не всякому под силу, а мне предстояло это сделать. Но я молчал. Только вынул свой пистолет, в котором уже не осталось ни одной пули, и швырнул его на землю.

Методий Шаторов вопросительно взглянул на меня, и я взглядом ответил на его немой вопрос.

Комиссар партизанской зоны Стоян Попов перестал разглаживать свои запорожские усы, поднял голову и пристально посмотрел на меня, чтобы убедиться, правильно ли меня понял.

— Молодец!.. — похвалил он. — Так им и надо, предателям! А ну-ка дай мне этот пистолет, хочу сохранить его на память…

Я отдал.

БОГАТЫРСКАЯ ЗАКВАСКА

Бабке Пенке Мавриковой скоро исполнится семьдесят пять, но она все еще крепкая и подвижная. Я разыскал старушку в новом доме ее старшего сына Кольо. Ее рука, согнутая в локте, висела на белой перевязи. Год назад она сломала руку, но мне почему-то помнилось, что рука зажила. Я решил подшутить над ней:

— У тебя давно все прошло, но ты специально не снимаешь повязки, чтобы тебя все жалели…

В ее глазах появились веселые искорки, но ответила она серьезно:

— Тут у нас несколько дней подряд шел снег, я поскользнулась, упала и опять сломала руку в том же месте. У старого человека кости ломкие.

Ее лицо, изборожденное морщинами, все-таки не казалось старым: молодили глаза. У некоторых людей глаза никогда не стареют. Она велела невестке приготовить что-нибудь перекусить, та засуетилась, а я стал протестовать:

— Ничего не надо. Я на минутку…

— Вечно-то вы торопитесь! И до 9 сентября торопились, и сейчас все торопитесь. Времени у вас не остается поговорить с теми, ради кого вы так торопитесь!

Ну что на такое ответить?

Я давно хотел написать о бабке Пенке, бай Георгии и их сыновьях, все собирался поговорить об этом. Она словно бы прочитала мои мысли, сняла с себя расшитый передник и степенно села рядом со мной.

Я раздумывал, с чего начать разговор: ведь нам предстояло говорить о событиях, воспоминания о которых, как кровоточащие раны, все еще вызывали боль.

Но бабка Пенка заговорила ровным голосом, и в нем уже не слышалось боли. Тем же ровным голосом она рассказывала даже о самом трагическом. В чем дело? Потом я это понял. В этот дом бесконечной вереницей приходят люди — молодежь, пионеры, отдыхающие из домов отдыха. И бабка Пенка всем рассказывает о том, что было.

Какими силами должна обладать мать, чтобы пережить то, что пережила бабка Пенка, да к тому же в течение более четверти века рассказывать об этом людям!

Она почувствовала, что со мной происходит, и вздохнула:

— Трудно жить в доме, который вовсе и не дом, а музей…

А потом разговор наладился сам собой — ведь я был для нее

своим человеком.

«В доме моего отца в Обидиме одно время скрывался Гоце Делчев[29], — рассказывала бабка Пенка. — Когда он посылал меня за водой, то все повторял: «Расти, доченька, расти, а когда вырастешь, пусть родятся у тебя одни богатыри…»

Однажды Гоце пришел с несколькими четниками[30]. Один из них, взявшись чистить винтовку, нечаянно выстрелил. Турки поняли, что у нас находятся четники, и окружили дом. Началась перестрелка. Пулей перебило лапу собаке, и она жалобно завыла. Бой продолжался час или два. Вдруг в сотне шагов от нас загорелся сеновал, там раздалось несколько винтовочных выстрелов. Турки подумали, что их обошли с тыла, и побежали. Тогда Гоце крикнул своим четникам, чтобы они отходили к лесу. Двое или трое из них выскочили во двор и затаились у ограды, чтобы прикрыть отступление со стороны улицы. Гоце через хлев вывел маму и нас, троих детей, и мы поспешили укрыться в горах…

После этого турки схватили моего отца и увезли в Серре. Его приговорили к смертной казни, но привезли обратно, чтобы отрубить ему голову в селе на страх другим. Связанного, его вывели к плахе. Вокруг — народ. Мама привела и нас всех: меня и братьев. Палач поднял ятаган. Тогда мы бросились в ноги туркам, прося милосердия. Толпа не смогла остаться безучастной. Женщины закричали, поднялся неимоверный шум и суматоха.

Уездный управитель схватился за голову, повернулся к толпе и жестом велел замолчать. А люди еще сильнее стали кричать: «Милосердия!.. Милосердия!» Тогда он отменил казнь. Сел в свой фаэтон и уехал. Смертный приговор отцу заменили длительным заключением…

С Георгием мы обвенчались в первую мировую. После свадьбы он уехал на фронт. Он и раньше не отличался покорностью, весь род у них был такой: его отца, македонского четника, турки убили где-то в Разложской околии. Ну а с фронта Георгий вернулся совсем отчаянным — там он с коммунистами подружился. Во время стачки в 1921 году он вынес на площадь красный флаг. Потом в 1923 году он вместе с другими такими же, как он, решил принять участие в вооруженном восстании. Собирались вроде бы власть захватить, да случилось что-то, вот они и вернулись в село, так и не понюхав пороху. Георгий очень злился на неудачу. А я себе говорила: «Пусть покипит, авось перекипит». Да где там…

Настало время михайловистов[31]. Они хотели сделать из нашего края свою вотчину, но население им не покорилось. Они

требовали, чтобы Георгий отрекся от коммунистов, несколько раз подкарауливали его, грозили пристрелить, но он держался стойко.

Лет восемь прошло с тех пор, как мы поженились. Как-то молодежь из нашего села собралась на посиделки. Была прекрасная ночь: над горой сиял месяц — с него словно стекало серебро и золото. Вдруг залаяли собаки. Послышались мужские голоса. На улице кто-то выстрелил из винтовки, и во дворе появился один из михайловистов.

— Гостей принимаете? — крикнул он и уселся против меня.

Кончились шутки, умолкли песни — появление этого мрачного человека не сулило ничего хорошего.

Он начал бросать в девушек кукурузные зерна, высмеивать их женихов, и ему явно доставляло удовольствие издеваться над ними — ведь он мог сказать все, а ему никто ничего не мог сделать. Он бросил и в меня пригоршню кукурузных зерен.

— Но-но, поосторожнее! — оборвала я. — У моего мужа любимое занятие сворачивать шею таким удальцам, как ты.

Михайловист взвился, распахнул полы своего пиджака, чтобы все увидели его широкий кожаный пояс, на котором сверкало сталью оружие.

Один из молодых парней потихоньку ускользнул — и к Георгию. Уж что он там ему говорил — не знаю, но Георгий сразу же примчался.

— Ты что здесь делаешь? — спросил он того человека. — Тебя что, приглашали? А ну топай отсюда, да побыстрей, а то и сам господь бог тебе не поможет…

Непрошеный гость — михайловист из Банско — схватился было за пояс, но Георгий его опередил и выстрелил, тот упал. Георгий только ранил его, но тот лежал как мертвый. Женщины разбежались кто куда. Попрятались и молодые парни.

Через день-два явилась шайка михайловистов и увела Георгия в Банско. Эти бандиты хотели прикончить его где-нибудь в Пирине, но товарищи Георгия не оставили его в беде. Поехали в Софию, в Разлоге нашли влиятельных людей, и бандиты не посмели его убить. Только потребовали выкуп — 80 тысяч левов.

Мы продали что только можно, помогли друзья Георгия — ну нам и удалось собрать эту сумму и послать ее в Банско. Георгий вернулся через сорок дней. На нем живого места не было от побоев: все тело — сплошная рана.

С тех пор душа его ожесточилась, и он стал еще более непримиримым к властям. И старосты, и полицейские начали его побаиваться — все норовили поймать на чем-нибудь и арестовать. Потому он большую часть времени проводил в лесу…

Сыновья наши, как только подросли, пошли по стопам отца — больше всего их интересовали винтовки, пистолеты, патроны. Яблоко от яблони недалеко падает…

Из-за этих дел Костадин отправился в тюрьму еще в сорок втором. Он тогда служил в Пазарджике, собрал около себя товарищей, и они стали выносить из казармы оружие, патроны, сапоги — что удастся. Из Пазарджика все это добро перебрасывали к вам, партизанам.

Однажды Костадин, сложив в рюкзак патроны, шинель и сапоги, отдал вещи своему приятелю, чтобы тот вынес их из казармы. Но, как назло, у того вдруг решили проверить, что он несет в рюкзаке. Его арестовали, а с ним заодно еще человек двадцать. Костадина и еще троих или четверых бросили в тюрьму, остальных потом отпустили.

Георгий места себе не находил и все повторял:

— Молодо-зелено! Разве так подобные дела делаются?.. Но ничего — вперед будет умнее…

В 1943-м наши подожгли Паланковскую фабрику, работавшую на немцев, но одновременно навлекли беду и на свои дома: полиция арестовала Ангела Чопева, Винчо Горанова и еще человек десять. Тогда-то и ушли в лес Манол Велев, Кольо Гранчаров и еще двое из нашего села. Со страху все село попряталось кто куда.

Однажды ночью, только мы легли спать, слышу — кто-то стучит в стену. Георгий тогда был где-то в лесу, старший сын Кольо служил в армии, а Костадин сидел в тюрьме. Я осталась одна с младшими — Атанасом и Петром.

Подождала немного и снова слышу: тук, тук, тук… Как будто дятел выстукивает. Залаяли собаки. Вышла я на крыльцо. Всматриваюсь в темноту — ничего не видно.

Соседи стали выходить из своих домов.

Спустилась я по ступенькам и пошла за дом. Смотрю — Кольо Гранчаров.

— Что ж ты стучишь, а не заходишь прямо в дом? — спросила я. — Своим стуком все село переполошил…

Впустила его во двор и закрыла ворота на запор. Пригласила в дом, чтобы накормить, а он отказывается.

— Мне здесь делать нечего, — говорит. — Пришел только узнать, какие новости в селе, а то ведь два дня скитаюсь по лесу, как волк, отбившийся от стаи.

— Что у нас может быть нового? — ответила я. — Ангела так избили, что едва жив остался. Других арестовали в Лыджене и Дорково. С женой твоей дело плохо: болеет и за тебя сильно

переживает.

Он спросил, не давали ли о себе знать Манол и другие, ушедшие в горы, и как ему разыскать их.

Я подняла Атанаса с постели. Он натянул штаны и босиком выскочил во двор. Бросился к Кольо и стал его обнимать.

— Тебя повсюду разыскивают, — сказал Атанас. — Сегодня утром опять приходили к вам. Били тетю Росицу и бабушку Елену. Бай Манола видел вчера. Ты сейчас беги в лес и жди меня — я приду.

Кольо попрощался со мной и исчез в темноте, а Атанас обулся, позвал соседского парнишку, и они отправились в лес. Как сейчас помню, ночь была ясная, тихая — ни ветерка, и небо все в звездах…

Кольо они нашли в лесу, и Атанас повел его к старой часовенке.

— Ну, ты рад, что встретимся с бай Манолом? — спросил Атанас. — Мне тоже хочется пойти с вами, но отец не пустит. Настанет время, я и спрашивать не буду…

Около заброшенной часовенки не было ни души. Спрятались в кустах и стали ждать. Но в ту ночь Манол Велев не пришел.

Перед самым рассветом Атанас еще раз обыскал лес и вернулся к Кольо Гранчарову.

— Жди на этом месте… Завтра бай Манол придет, — сказал он и отправился вместе со своим другом к селу. Придя домой, поспал часок-другой, а около восьми часов вывел коня, оседлал его и опять поскакал в горы.

Кольо забрался поглубже в прохладный лес и стал ждать следующей ночи. Когда начало смеркаться, пробрался в часовенку. Незадолго до полуночи наконец-то появился Манол. Забыв о всякой осторожности, Кольо выскочил ему навстречу и крепко пожал руку.

— Какое хорошее дело сделал этот парень! — воскликнул Манол, узнав, что Атанас привел Кольо на это место. — Многие взрослые испугались, а он молодец. Как будто в игру играет с агентами и полицией…

Это была страшная игра, но что оставалось делать! Вся моя семья участвовала в ней.

Вскоре по всему Чепино разнеслась молва, что вы напали на какую-то лесопилку в Батакских горах, а потом вели бой на Картеле. А через три-четыре дня после этого сдался один из партизан-новичков. Он знал и о моем Георгии, и о сыновьях. Ох, сколько страху мы натерпелись — боялись, что он нас выдаст, но ничего, обошлось…

Мой третий сын — Иван, все его Ванчо звали, работал на

заготовке смолы. Там собрались свои ребята. Однажды, когда они возвращались к шалашу, где ночевали, Иван услышал какой-то шум в лесу.

— Я задержусь здесь немного, — сказал он товарищам, — а вы идите.

Не помню уже, исполнилось ли тогда Ивану восемнадцать лет. Он был светлее своих братьев и все время улыбался. Никто никогда не видел его хмурым… Так вот, услышал он какой-то шорох в лесу, отстал от своих товарищей и пошел посмотреть, в чем дело. И вдруг шагах в десяти от себя увидел Кольо Гранчарова и Георгия Дарлокова — небритых, исхудавших. Он обрадовался им, а Кольо говорит:

— Надо, чтобы ты сходил в Чепино. Скажи отцу, что мы здесь. Если кто-нибудь захочет встретиться с нами, пусть ищет нас около Гешевой кошары.

Иван вышел к мосту за Филипповской фабрикой. Кольо ничего не сказал ему о том, что произошло в Батакских горах, а Ванчо ведь жил в лесу, и новости до него доходили с опозданием. Ему и на ум не пришло, что возле моста может быть засада. Когда Ванчо подошел к мосту, его ослепил свет фар.

— Руки вверх! — крикнул кто-то из темноты.

Он поднял руки. Его спросили: кто он и куда идет. То ли из-за шума реки, то ли из-за растерянности, но Иван не понял, о чем его спрашивают. Ему приказали сойти с моста на шоссе. Ванчо повиновался, и его окружили.

— Куда это ты направился посреди ночи?

— В село, — ответил он. — Повидаться с девушкой. Днем-то я не могу — потеряю заработок. Да и продуктов надо захватить…

Его обыскали, убедились, что при нем нет оружия, поверили ему и отпустили. Только предупредили, чтобы никому не проговорился об этой засаде на мосту и чтобы в другой раз не шатался в ночную пору, если жизнь дорога.

Ночью Иван, управившись со своими делами, зашел в дом к Кольо Гранчарову, а перед самым рассветом по другой дороге вернулся в горы.

Кольо и Дарлоков встретили его у самой тропинки. Он присел, вытер рукавом пот со лба и рассказал, что добровольно сдался полиции один из их товарищей. Они так и ахнули, а Иван встал, снял с себя две рубашки, одетые одна на другую, и сказал:

— Это для тебя, дядя Кольо… Тетя Росица послала. И вот еще письмо…

Росица писала, что ее брата Ангела застрелили, а его мать, братьев и сестер выслали из села. Хотели и ее выслать, да врач запретил, потому что она совсем уже плоха. Врач прописал

усиленное питание, а Росице никаких карточек на продукты не выдают. Почти каждую ночь к ним в дом приходят полицейские, грозятся ее убить, если не скажет, где скрывается Кольо.

Иван немного побыл с ними, они договорились, как им поддерживать связь, и он ушел к своим товарищам. На следующий день к нему пришли Манол Велев и Крум Гинчев, Иван объяснил им, как найти Кольо, и они расстались.

Лето отшумело, приближалась зима. У нас с бабкой Марушей Кордевой накопилось в домах много продуктов и одежды для партизан, да некому было их переправить. Георгий отправился куда-то по делам, а село оказалось стянутым таким обручем блокады, что никому не хотелось рисковать головой. А незадолго перед этим пришла весточка от партизан, что они будут ждать у Крачаново.

Тогда наш Атанас и Стоянчо Семерджиев решили сами заняться этим делом. Они всегда ходили вместе, вместе работали в лесу и знали там каждую кочку. Мы ночью погрузили все на коня, и они отправились.

Ребята встретились с партизанами, и уже пора было возвращаться назад. На беду, ночью намело много снега. Атанас и Стоян догадались, что если они вернутся тем же путем, через лес, то останутся следы и полиция сразу же их схватит. Поэтому они решили из Лепеницы выйти на шоссе: по нему поедут телеги, пойдут люди, погонят скотину, и их следы затеряются.

Они пустили коня вперед, а сами пошли за ним. Шли и все прислушивались. С одной стороны клокотала река, а с другой — по железной дороге — с грохотом шли грузовые составы.

Они миновали сторожку лесника и уже решили: пронесло… Да не тут-то было — сзади раздалось:

— Стой! Руки вверх!

Их окружили несколько человек в крестьянской одежде и двое полицейских.

— Вы куда ходили? — спросили их.

— На кошару в Легоринце, — ответили ребята.

— А что вы там делали? Почему так поздно возвращаетесь?

— Мы еще вчера отправились. Думали переночевать там, нарубить дров и вернуться, но пошел снег. Испугались, что занесет дорогу, и решили вернуться…

Им не поверили. Чепинский полицейский Шеине велел пойти проверить по их следам, откуда они идут. «Ну, пропали мы», — подумал Атанас. И хотя были они еще детьми, но хорошо знали, что за такие дела не миновать пули.

Шеине указал на двоих из окружавших его людей:

— Вы пойдете со мной!

Один из них отказался: мол, обувь прохудилась, и в эту слякоть он шлепает все равно что босой.

— Да и я не гожусь на такое дело! Со вчерашнего дня животом маюсь, — вставил второй. — Кабы был здоров — другое дело…

Полицейский разозлился, но те продолжали упорствовать. Тогда он выделил других людей, во и они стали отказываться.

Так и не пошли. Ребята поняли, что они трусят, и к ним сразу же вернулась смелость.

— Приведите коня! — догадался другой полицейский. — По нему сразу поймем, зачем они ходили в лес.

Осмотрели седло, коня, но не нашли ничего подозрительного: седло, веревки и два топора. Никаких мешков. Ребят отпустили восвояси. Домой они пришли ни живы ни мертвы.

Дней через десять, однако, в селе стали болтать, что Атанас и Стоян Семерджиев ходили к партизанам и за это их арестуют. Откуда взялась эта молва, кто пустил этот слух, мы так и не узнали, но ребята взяли с собой по котомке и ушли в лес.

Снег там уже был рыхлый. Кое-где появились прогалины, так что удавалось скрыть следы. Продукты и сельские новости я им передавала через Петра. Хотя Петру не исполнилось еще и пятнадцати лет, мы от него ничего не скрывали.

Прошло несколько дней, и выяснилось, что Атанас вне подозрений. Он вернулся. А Стоян ушел к партизанам…

Когда начались массовые аресты, муж мой Георгий и Митре Сеизов укрылись в оврагах Легоринце и вернулись уже после победы.

Через каждые день-два полиция приходила к нам с обыском. Около нашего дома устраивались засады, сновали патрули.

Однажды я натерпелась страху. Поздно вечером во двор ворвались агенты и полицейские. Я вышла на балкон.

— Спускайся вниз! — обратился ко мне Божил, играя пистолетом. — Твой муж и Сеизов вошли сюда. Где ты их спрятала?..

— Не приходили они, — ответила я.

А им кто-то сказал, будто видел Георгия и Митре, когда они входили к нам.

Меня вывели во двор и начали обыск. Шеине и еще один полицейский из Ракитово заглядывали в очаг и амбары, выстукивали стены погреба — ничего не нашли, но не успокоились.

Из комнаты вытащили Атанаса и Петра. Божил повел их к летней кухне (тогда у всех во дворах стояли летние кухни с большой печью). Божил и другие попрятались кто где, а меня поставили перед собой как заслон: если кто-нибудь притаился в печи, то чтобы не смог стрелять в них.

— Откройте печь! — приказал Божил моим сыновьям.

Атанас потянулся к заслонке, а полицейские нацелили туда свои автоматы и винтовки. Божил взвел курок пистолета. Атанас открыл заслонку, и все увидели черную пустоту. Полицейские еще больше рассвирепели. Не дай бог, если бы кошка или мышь там зашуршали, — как цыплят бы нас перебили и село подожгли.

— Забирайтесь внутрь и посмотрите, нет ли там кого-нибудь! — приказал Божил моим ребятам.

Атанас просунул голову в печь, но не полез. Тогда Шеине схватил его и стал заталкивать в печь. Петр бросился на помощь Атанасу и стал тянуть его назад.

— Хватайте и этого! — крикнул Божил.

Подскочил еще один полицейский, схватил Петра и тоже начал запихивать его в печь.

— Чего вы сами не лезете? Детей мучаете! — крикнула я Божилу.

Тут Шеине схватился за кочергу, и я поняла, что они задумали.

— Уби-й-цы! — завопила я. — Вы хотите сжечь их? Уби-й-цы!..

Божил схватил меня и фуражкой стал затыкать мне рот, но я его сильно толкнула и вырвалась. Дети тоже подняли шум. Наши соседи давно уже встали, но прятались — боялись подвернуться полицейским под горячую руку. Но когда поняли, в чем дело, сразу высыпали на улицу. Это и спасло моих детей…

Божил ударил меня сапогом по ногам. Я упала. Потом он три раза свистнул, и бандиты ушли. Только тогда я увидела, что кроме тех, кто находился во дворе, в поле за домом пряталось еще человек двадцать…

В день поминовения усопших перед самым рассветом кто-то постучал в ворота. Было уже тепло, и мы спали на веранде. Смотрю — а у ворот маячат двое полицейских.

— Вставайте! — раздался голос полицейского. — Соберите что-нибудь из барахла — мы вас высылаем из села.

— Что это такое? — спросила я.

Тот вытащил лист бумаги и начал читать приказ о высылке.

— Уж больно вы торопитесь! — заявила я ему. — У меня молодая невестка с младенцем. Ее муж в тюрьме… Надо подумать, на кого ее оставить.

Ну, собрала я детей, взяли мы продуктов, навьючили на себя одеяла и пошли.

Нас отвели в полицию. Туда же привели и других людей из Чепино, Лыджене и Каменицы. Потом нас посадили на телеги и повезли в Пещеру. Через дней десять мы очутились в селе Голям-Извор Разградской околии.

Местные крестьяне сначала встретили нас недружелюбно, но, разобравшись, что мы за люди, изменили свое отношение. Звали к себе в гости, охраняли нас от властей и не дали почувствовать нужды ни в чем. Атанас познакомился с несколькими парнями-коммунистами, и они стали налаживать работу в селе, да и в округе.

Ивана забрали в солдаты осенью сорок третьего, но он не пробыл в казарме и года. Несколько месяцев провел в Гюмюрджине, а после этого его перевели в школу санитаров в Шумене.

Не прошло и педели после нашего возвращения из ссылки, как Иван приехал в Чепино — в шинели, с рюкзаком, и штык при нем.

— Меня переводят в Неврокоп, — сказал он.

Он снял рюкзак и шинель. Потом вынул из кармана письмо, запечатанное красным сургучом, и повертел его в руках.

— Приказали мне передать это письмо какому-то офицеру в Неврокопе, а я не знаю, что в нем… Вот и зашел, чтобы вместе подумать, как быть.

На следующий день Иван отправился дальше, но не прямо в Неврокоп, а сначала завернул в Обидим. Я велела ему посоветоваться с моим отцом и братьями.. Его деда Благо знали там и уважали за то, что он помогал Гоце Делчеву.

Дед сразу понял, что с этим письмом дело не чисто. И потому пошел вместе с Иваном в город к какому-то знакомому начальнику.

— Ну-ка вскрой это письмо и скажи, что в нем написано, — попросил дед Благо и подал конверт.

Человек прочел письмо и посмотрел на старика:

— Скажи, дед, кем тебе приходится этот парень?

— Внук мой. Сын дочки.

— Не буду от тебя скрывать. Письмо плохое. Твой внук — коммунист. Сообщают, чтобы его держали под наблюдением… Но то, о чем я тебе сейчас говорил, пусть здесь и останется. А то и мне несдобровать…

Из Обидима Иван вернулся в Чепино, и вместе с Костадином, только что выпущенным из тюрьмы, они ушли к партизанам.

Костадин вернулся, потому что в селе он был нужнее, а Иван остался с ними…

Вскоре партизаны напали на железнодорожный состав и станцию Острец. Они устроили засаду где-то между Чепино и Аврамовыми колибами. Им предстояло остановить состав, захватить его и, следуя от станции к станции, на каждой обезоруживать военную охрану. Для маскировки двадцать человек одели в солдатскую форму, а Манола Велева — даже в офицерскую.

Они укрылись — кто за кустами, кто за камнями. Настроение у всех было хорошее. Иван пел русские песни. — он их пел и когда было хорошо на душе, и когда плохо.

После полудня со стороны Чепино показался дым паровоза. Локомотив дал сигнал и исчез в туннеле. Один из партизан, одетый в солдатскую форму, вышел на железнодорожное полотно и стал размахивать красной кофточкой Веры Алексовой (ведь совсем еще ребенок была, а туда же — ушла к партизанам!). Машинист высунулся в окошко, посмотрел и нажал на все тормоза.

Пока железнодорожники и пассажиры поняли, в чем дело, Иван вскочил в первый вагон. Бросились к составу и остальные партизаны.

Среди пассажиров нашлись солдаты в офицеры. Наши стали их обезоруживать. В одном из купе первого класса ехал офицер с матерью. Его попросили сдать оружие.

— Пожалуйста, саблю, — ответил тот. — Другого оружия у меня нет.

— Давайте пистолет. Сабля нам не нужна.

— У меня нет пистолета, — повторил офицер, но не смог скрыть своего смущения.

В купе вошел Манол Велев. Офицер встал и отдал честь.

— Господин поручик… — обратился он к Манолу, но тут же догадался, что это за поручик.

О чем они там говорили, я уж не знаю, но офицер просунул руку под сиденье, вытащил оттуда спрятанный пистолет и протянул его партизанам:

— Возьмите. Хотел скрыть, но передумал…

Через двадцать минут состав подошел к станции Острец. На станции было спокойно. Перед зданием вокзала стояли часовые. Остальные солдаты из охраны находились в помещении. Иван и еще несколько партизан, переодетых в солдатскую форму, вышли из почтового вагона и пошли по перрону.

— Где ваш начальник? — спросил Манол часового. — Мы

прибыли сменить вас.

Часовой встал по стойке «смирно». Операция вот-вот должна была закончиться, но молодые партизаны погорячились. Они выскочили из вагонов и еще издали стали кричать часовому: «Сдавайся!»

Часовой скрылся в помещении. Его могли бы и пристрелить, да пожалели. Послышалась стрельба. Кольо Манолов, бежавший за солдатом, упал, тяжело раненный. Наши обезоружили одного солдата, ранили двоих, но станцией овладеть не смогли.

Партизаны стали отступать. Иван собрал свое отделение, и они понесли на руках раненного в ногу Личко Гранчарова…

Вести о партизанах одна за другой передавались по селу. Напали на Цветино и Юндолу… Обезоружили пост ПВО в Лыджене. На грузовиках въехали в Сарницу… Захватили село около станции Варвара…

Люди радовались, а Атанас и Петр — вдвойне. Ведь их отец и брат — партизаны, да и они были причастны к партизанским делам. Им, молодым, наяву снились всякие подвиги.

Они-то радовались, а у меня сердце сжималось, когда я слышала о каком-нибудь раненом, убитом или пойманном партизане. Сколько ночей я провела, до рассвета не сомкнув глаз. Тяжела материнская доля…

Однажды Атанас вернулся домой поздно. Был он в красивых новых бриджах, словно на гулянку собрался. Он был выше, крупнее своих братьев, и только у него были такие черные волосы.

— Какой ты красивый! — удивилась невестка, жена Кольо.

— Любуйтесь, пока жив! — сказал Атанас. — Кто знает, в каком овраге буду валяться в этих новых бриджах…

Я чем-то занималась на террасе. Он увидел меня и крикнул:

— Ухожу к бате в горы! Приготовь мне белую рубашку…

У меня защемило сердце, в глазах потемнело. Хотелось удержать его, но я так ничего и не сказала. Если бы я стала останавливать моих детей, то какая же мать отпустила бы своих?!

Он понял, что со мной происходит, и, взбежав по лестнице, крепко обнял меня.

— Внизу есть хлеб, возьми его… — едва вымолвила я. — Мы как-нибудь обойдемся…

И он ушел. Ушел, и больше я его не видела. Не видела больше и Ивана…»

Я решил перевести разговор на живых. Не хотелось бередить душу матери.

Многое мне было известно, потому что я сам участвовал в последовавших затем событиях. В то лето я находился в лесах севернее Чепинской котловины. Там же были каменецкие и дорковские партизаны. Из штаба зоны поступило распоряжение, чтобы к нам перешли чепинцы и лыдженцы, которыми в Чепинских горах командовал Манол Велев.

Прежде чем выполнить этот приказ, они решили отделить молодых и неопытных партизан и оставить их с бай Георгием Мавриковым в глухих лесах. Атанас понял, что и его включат в эту группу, и пошел к отцу.

— Ты еще маленький, — сказал ему бай Георгий. — Да и здесь есть дела…

Атанас возмутился:

— Я мог вас прятать, мог ночью носить вам оружие и продукты, а теперь вы из меня ребенка делаете!..

И он пошел к Кольо Гранчарову.

— Все равно приду к вам, — после всех разговоров объявил он. — Если даже свяжете, все равно убегу и буду на Милевой скале.

Бай Георгий уступил. Потом, когда случилось непоправимое, он все твердил:

— Мне привелось многое испытать в жизни, и сердце мое всегда предчувствует беду… Иван уходил с отрядом. Он был старше и пришел к нам из казармы. Я думал: если что случится, хоть Атанас уцелеет. Но не сумел его удержать…

3 сентября они были на Милевой скале. В лагере они появились подтянутые, выбритые, в пилотках, на которых алели пятиконечные звездочки. Последними шли медицинские сестры с большими санитарными сумками, в белых косынках с красным крестом. Наши партизаны бросились навстречу пришедшим.

Прибывшие остановились посредине поляны, чтобы доложить штабу зоны. В лагере установилась торжественная тишина, только листва шумела на ветру.

Но вот официальная часть закончилась. День уже был на исходе, и мы разожгли партизанские костры. Очертания хребта постепенно исчезали во мраке.

На следующий день Милева скала сотрясалась от взрывов гранат и выстрелов. Нас окружали царские войска. Они подошли к Вороньему камню и рассыпались цепью. С высоток нас обстреливали из пулеметов.

Атанас Мавриков прибежал ко мне, укрылся за корнями большой сосны и что-то крикнул. Я не расслышал его слов, потому что оглох от стрельбы. Тогда он подполз совсем близко. Прицелился в цепь солдат и выстрелил.

— За ними наступает еще одна цепь! — крикнул Атанас громче. — Они напирают на нас и со стороны села Варвара…

Он и еще двое или трое ребят поддерживали связь между наблюдателями на вершине и отрядами. Я велел Атанасу сообщить о противнике в штаб зоны. Он помчался между деревьями. Я видел его еще несколько раз: он перебегал от дерева к дереву, полз между камнями.

Мы отступили с вершины. И именно тогда, когда решили, что нам удалось вырваться из окружения, нарвались на засаду. В поисках выхода мы спустились в глубокое ущелье. Но царские генералы и офицеры приготовили нам западню, из которой, казалось, уже не было спасения.

Мы перебегали все ниже в ниже по ущелью, пытаясь оторваться от наступающих войск, но враг со всех сторон наседал на нас, наполняя лес огнем и криками. Я уже ясно понимал, что здесь, в этом ущелье смерти, останутся белеть наши кости. И именно в этот момент нам удалось проскользнуть через цепь войск и вырваться из страшной западни. Мы выбрались, но многие остались там.

Иван Благов с группой партизан отходил к старой вырубке. Они перебегали между молодыми соснами, то и дело спотыкаясь о срубленные высохшие ветви. Вокруг свистели пули. По склону к ним приближались солдаты. Иван Благов бросил гранату. Солдаты залегли, и тогда партизаны устремились вперед, чтобы скорее добраться до безопасного места. Вскочил и Атанас Мавриков, но успел сделать только несколько шагов. Вера Алексова видела его лицо, залитое кровью. Атанас протянул руки, покачнулся и упал на землю. На его белой рубашке алели пятна крови.

После боя мы пошли искать убитых и раненых. Нашли и Ивана Маврикова. Он лежал под скалой, которая, казалось, в любой момент могла свалиться в пропасть. Винтовка Ивана была разбита в щепки, а пальцы правой руки оторваны. Его ранило в грудь и голову.

Мы хоронили убитых уже после 9 сентября. Радость по поводу победы и скорбное прощание с товарищами. Но матерям и отцам убитых было в этот день еще тяжелее, чем нам, боевым товарищам погибших…

Через два-три дня после похорон я встретил на площади в Чепино бай Георгия. Он долго смотрел на меня. Я хотел сказать ему что-нибудь в утешение, он покачал головой:

— Мы — мужчины… Не знаю только вот, жена выдержит ли…

Мимо проходили люди. Нас окружили дети. Какая-то

девушка подала Георгию цветы.

— Спасибо, дочка, — сказал он. — Молодые должны помнить… Пусть долго помнят…

БОЙ НАКАНУНЕ ПОБЕДЫ

Штаб партизанской зоны собирал в районе Милевой скалы силы трех отрядов для проведения крупной операции — одновременного нападения на станцию Варвара и села Варвара, Симеоновец и Семчиново. Мы, чепинские партизаны, прибыли туда вместе с партизанами из отряда имени Ангела Кынчева за два-три дня до операции. На большой поляне мы застали отряд имени Панайота Волова. Это была одна из тех счастливых встреч, которые не забываются.

Кроваво-красный закат над вершинами Рилы предвещал сильный ветер. Откуда-то издали доносились гулкие раскаты грома и сверкали молнии, но над нами небо оставалось ясным и чистым. Строй сотен партизан, громкое приветствие «Смерть фашизму — свободу народу!» и окружающие нас горы, вздыбившиеся над Пазарджикской равниной, — все это вызывало в нас необыкновенный восторг. Потом строй распался, и поляна наполнилась радостным шумом. Люди собирались тесными кружками, громко и возбужденно разговаривали. В ту пору нас связывали чувства особой чистоты и сердечности.

Тогда-то чепинские партизаны впервые увидели командующего партизанской зоной Методия Шаторова. Он присел к нашему костру. Ночь стояла темная, ветер шумел в ветвях деревьев, и мы замирали от волнения, чувствуя себя заправскими гайдуками. В наших романтических душах таился огромный запас нерастраченных сил и чувств.

Шаторов разговаривал с нами так, как будто мы с ним давние знакомые. Крупные черты его лица казались высеченными из камня. В глаза бросалась седая прядь волос. В речи его ощущался легкий акцент, должно быть приобретенный за время пребывания в Советском Союзе. Он не старался произвести впечатления, не было даже следа наставнического тона, свойственною пожилым людям. Скоро он овладел нашим сознанием, и мы даже не уловили, как это произошло.

Нападение на станцию Варвара и ближайшие села мы провели вечером 18 августа 1944 года.

При атаке на станцию погиб дорковский партизан Христо Овчаров. Он выронил из рук винтовку и упал, пронзенный вражеской пулей, у самого здания общинного управления, где оборонялись несколько жандармов. Мы устремились вперед, полагая, что застали врага врасплох и следует спешить, чтобы не дать ему прийти в себя. Когда мы вернулись к Христо, он лежал в луже крови. Он пытался что-то сказать, но слов мы не

расслышали — кругом раздавались выстрелы. Кто-то приподнял его, но голова Христо безжизненно запрокинулась…

В селе Варвара Гроздена Бонева вместе с детьми ждала встречи со своим мужем Асеном, но из темноты соседнего двора выскочил убийца — Черный… Прибежавшие на помощь партизаны нашли Гроздену в темной летней кухне, сраженную разрывными пулями. Ее дети, израненные, испуганные, прижимались к мертвому телу матери…

После боев на станции Варвара и в селе Семчиново наши колонны направились к Милевой скале. Лес наполнился приглушенными голосами, топотом сотен людей и ржанием коней. На лошадях везли раненых детей Асена. Рядом с ними шагал с тяжелым рюкзаком за плечами Методий Шаторов. Мы хотели ему помочь, но он наотрез отказался.

На другой день мы собрались на Милевой скале и провели перекличку. У нас оказалось человек десять раненых. Большинство из них не могли передвигаться самостоятельно, так как нуждались в серьезном лечении.

Наблюдатели сообщили, что приближаются войска и полиция. Мы развернулись в цепь. Но колонна солдат остановилась у подножия горы. Чтобы предупредить нас о своем приближении, солдаты старались шуметь, громко разговаривали, ломали ветки. Офицеры не повели их в бой, возможно, потому, что не решились, а возможно, и потому, что понимали, какой оборот принимали события в стране.

Партизаны из отряда имени Панайота Волова ушли в Среднегорье, а через несколько дней оттуда к нам пришел комиссар зоны Стоян Попов — Дед Василий. Он обходил партизан в заломленной на затылок черной папахе и весело переговаривался. Выцветшие запорожские усы придавали ему лихой вид. Зная это, он время от времени их подкручивал.

2 сентября пало правительство Багрянова. Радио сообщило, что передовые части Советской Армии приближаются к Дунаю. Весь партизанский лагерь, расположившийся под Милевой скалой, осветился пламенем костров. Кто-то запел. Песню подхватили все. Потом плясали хоро. Мы чувствовали, что победа близка, и ликовали. А у подножия гор, словно собравшиеся в кучу светлячки, трепетали огни сел.

— Не торопитесь, товарищи! Не торопитесь! — увещевал нас Методий Шаторов. — Пока Отечественный фронт не возьмет власть в свои руки, винтовка для нас — и брат, и невеста…

3 сентября на Милеву скалу прибыли подразделения нашей бригады, находившиеся в Чепинских горах. На лесной поляне стало еще более оживленно и весело.

День 4 сентября в партизанском лагере начался собранием коммунистов отряда имени Ангела Кынчева. Штаб партизанской зоны спешил разобраться с вопросами, касавшимися партизан этого отряда, а на 10 часов было назначено собрание коммунистов нашей бригады.

Утром, когда в лагере все ожило, где-то на западе раздались выстрелы. Методий Шаторов тотчас же распорядился послать разведку, а отряды собрать и подготовить к бою.

Через полчаса разведчики вернулись. С запада по хребту двигались войска. У них были минометы. Члены штаба зоны посовещались накоротке. Шаторов вскинул на плечи свой тяжелый рюкзак и встал перед строем отрядов.

— Товарищи! Положение таково, что мы не можем отступать, — заговорил он уверенно. — Мы обязаны принять бой с врагом и разгромить его! Иначе население потеряет веру в нас. По местам, товарищи!

Партизаны из бригады «Чепинец» заняли позиции на западной, а партизаны отряда имени Ангела Кынчева — на восточной стороне поляны. Шум голосов смолк. Мы укрылись кто за камнем, кто за деревом, кто в кустарнике. В лесу стало тихо, он казался вымершим.

Противник наступал сначала вдоль хребта со стороны Вороньей скалы, где оборону держал отряд каменецких и дорковских партизан. Растерявшись при виде такого войска, молодые партизаны открыли беспорядочную стрельбу. Более опытные партизаны выждали и открыли огонь с близкого расстояния. Пулеметы врага смолкли. Солдаты повернули назад. Эхо боя отдалилось и растворилось где-то в ущельях гор.

Наступило затишье. Мы недоумевали: может быть, солдаты решили не воевать с нами? Прошло полчаса томительного ожидания. Мы невольно отсчитывали каждую минуту. Но вот пулеметы на склонах Вороньей скалы начали снова строчить по нашим рядам.

— Солдаты, не стреляйте! — крикнул кто-то из партизан. — Мы ваши братья, и у нас общие враги!..

Находившиеся на самой вершине горы наблюдатели доложили, что со стороны станции Долене приближается конница. Батальон 27-го пехотного полка, пришедший из села Варвара, предпринял атаку на отряд имени Ангела Кынчева. Мы оказались в окружении.

Пули расплющивались о стволы деревьев и камни. Офицеры непрерывно подгоняли своих солдат. Некоторые из них под прикрытием деревьев короткими перебежками продвигались вперед. На нравом фланге снова завязался ожесточенный бой.

Один из молодых партизан был ранен.

— Будем драться! — отрезал Методий Шаторов, когда ему предложили отступить. — До вечера продержимся…

В полдень противник начал наступление уже со всех сторон. Мы четыре часа упорно удерживали свои позиции. Кончались патроны. Прорвавшись в стык между отрядом имени Ангела Кынчева и чепинцами, противник начал просачиваться на поляну. Отряду имени Ангела Кынчева пришлось отступить.

С северо-востока показалась новая колонна — противник атаковал нас с тыла. Над поляной свистели пули. Штаб зоны попал под прицельный огонь. Дальнейшее промедление могло привести к разгрому.

Пришел приказ отступить. Около родника нам удалось отбросить солдат и прорваться в высокий буковый лес. Вслед за нами отступили остальные отряды бригады и штаб зоны.

К трем часам пополудни мы уже ушли на несколько километров от Милевой скалы. Но над нами на хребте противник перегруппировывал свои силы, готовясь преградить нам путь. Издалека с беловского шоссе доносился шум моторов: видимо, подходили новые жандармские и полицейские части. Мы были измотаны, весь день ничего не ели, нас мучила жажда. Тяжелее всех пришлось раненым. Не хватало патронов.

Под Млековицей наша колонна повернула по склону, чтобы вступить в Беловские горы. Мы шли по лесу, и предательский шум наших шагов гулко разносился вокруг. Листва до того высохла от зноя, что при малейшем прикосновении звонко шелестела.

Обошли ущелье и через редкий лес направились к хребту. Где-то над нами застрочил пулемет. Противник преградил нам путь на запад: он занял господствующую позицию на горе, а мы залегли на открытом месте. Пришлось укрыться в ущелье. Наступили критические минуты боя.

В урочище Млековица мы попали под перекрестный огонь. Опытный враг предварительно «освоил» близлежащие высоты. С пронзительным свистом пули ударялись о скалы, с шипеньем пронзали сухую листву, и с деревьев на нас сыпались ветки и листья. Наша колонна устремилась вниз в ущелье. Но чем ниже мы спускались, тем безнадежнее становилось наше положение.

Несколько раз пытались мы вырваться из этого ущелья смерти, но враг каждый раз преграждал нам путь. Нам удалось выбраться из него только на расстоянии километра от места первой засады. Мы стали взбираться по каменистому склону небольшой высотки. Но когда первым смельчакам удалось добраться до вершины и занять там позицию, прямо перед ними

застрочил пулемет.

Наша колонна была рассечена. Группа партизан, в которой находился и я, пробила себе путь на восток, но остальные не последовали за прорвавшимися и снова спустились в ущелье.

Вскоре в ущелье завязался бой. Взрывы гранат заглушали частую стрельбу. После того как замолкли пулеметы, прекратилась и стрельба из автоматов. Только время от времени раздавались винтовочные выстрелы. Когда же умолкли и они, в лесу установилась зловещая тишина.

В этом бою погибло двенадцать партизан из бригады «Чепинец». Пал в бою и член ЦК партии Методий Шаторов. Выполняя задания партии, он под различными именами и с разными паспортами переходил границы многих стран. Методий являлся профессиональным революционером. Его неоднократно арестовывали и подвергали пыткам в фашистских тюрьмах. В последние годы своей жизни Шаторов был вынужден покинуть свой родной край и перебраться в Софию. Зная его как революционера с огромным опытом, Центральный Комитет осенью 1943 года назначил Шаторова командующим Третьей военно-оперативной повстанческой зоной. Когда группа жандармов окружила партизанский отряд в ущелье под Милевой скалой, он обратился к солдатам с призывом не проливать бессмысленно братскую кровь. Но они остались глухи к этому призыву… Уже после народной победы было найдено тело Шаторова. Убийцы нанесли ему несколько огнестрельных ран.

Через два дня после боя у Милевой скалы наша бригада расположилась в одном из старых лагерей в горах. Жители Чепинской котловины помогали нам, доставляя продукты, медикаменты, одежду.

Победа застала нас в Гайдуцком ущелье. Легкий ветерок в лесу играл листвой — она шумела, словно живая. Откуда-то доносилось постукивание дятла. Пахло спелой малиной. Мы быстро собрались и отправились в Каменицу.

На поляне в Скриенице бригада остановилась на отдых. Приведя себя в порядок, мы продолжали свой путь. Свободные, мы шли не оглядываясь, не опасаясь, что нас услышит враг, и пели в полный голос. Так петь, как мы тогда, можно только раз в жизни…

Выбравшись из леса, мы увидели Каменицу и другие села, раскинувшиеся на равнине. На дороге собралось множество народу. На грузовиках, телегах и пешком молодые и старые пришли встречать нас еще в горах. Они обнимали нас; радостные крики смешивались с рыданиями.

Вся Чепинская котловина, залитая ярким сентябрьским

солнцем, выглядела празднично. Крыши домов в Каменице алели, как весенние цветы. А из села к нам тянулась бесконечная вереница людей. Те, что помоложе, карабкались по крутым тропинкам и еще издали кричали:

— Идут!.. И-ду-ут!

Мы снова построились в колонну и в сопровождении сотен людей вошли в Каменицу. Ненадолго остановились на площади. Жители обнимали нас, дарили цветы. Пожилая женщина из Каменицы искала сестру Велы Пеевой и дрожащим голосом повторяла:

— Милые мои… Милые!.. А где Гера?

В Лыджене нас встретили в центре села. Площадь была до отказа забита народом, здесь были жители и других окрестных сел. У школы построили карательный отряд. Испугавшись того, что весь народ, как один человек, поднялся на борьбу и что пришли партизаны, офицеры капитулировали, но многие лыдженцы с опаской поглядывали в их сторону и старались держаться подальше. Дети облепили школьную ограду. Над площадью развевались красные флаги.

— Ура… У-ррр-а! — раздались крики, как только мы показались на площади. — Да здравствуют партизаны!.. Да здравствует Советская Армия!

Мы ускорили шаг и вступили на площадь. Ликующие голоса заглушили нашу песню. Сердца переполняла радость. Нас несло словно на крыльях. Одни отходили в сторонку, чтобы уступить нам дорогу, а другие — матери, отцы, сестры, друзья — бросались нас обнимать. Вся площадь бурлила, но отряды сохраняли строй и продолжали петь. И песня звучала все громче. Крестьяне прислушивались к ее пророческим словам:

Мы вами клянемся, герои,
На смерть вдохновлявшие нас,
Что скоро народного строя
Наступит решительный час…
Чтоб в душах бедняцких, как знамя,
Свободы алела заря,
Клянемся покончить с врагами
В кровавые дни сентября!..

Комиссар Манол Велев взобрался на стол посреди площади, поднял руку и обратился к крестьянам. Его лицо пылало, на лоб свесились курчавые пряди.

— Братья и сестры! Советские воины принесли нам свободу! Преступная фашистская власть пала! Наступил день, за который

погибли лучшие сыны народа…

В ответ тысячи рук, сжатых в кулак, поднялись над площадью.

Женщины в черных платках, матери и жены погибших, вытирали слезы — это были и слезы радости, и слезы печали…

Чепинцы встретили нас еще более восторженно. На главной улице и на площади нас ждало все село. Отцы и матери, близкие и друзья не отходили от нас ни на шаг.

К вечеру наша бригада вернулась в Лыджене и расквартировалась в здании школы.

Начинало темнеть. Со стороны леса подул ветер, зашумели фруктовые сады, ломившиеся от зрелых плодов. Во дворах темнели груды подсолнухов, пахло грушами, и яблоками, а на окраине разгуливали коровы и козы: пастухи давно их пригнали, но никто не приходил за ними. От радости люди забыли про все свои дела.

Далеко за полночь я зашел во двор своего родного дома. Никто не спал — ждали меня. Моя больная сестра разрыдалась. Мы присели под старой грушей.

— Завтра уезжаем в Пазарджик, — сказал я матери. — Зашел на минутку, только взглянуть на вас…

Мама ничего не сказала. Спустилась в погреб и принесла кувшин козьего молока. Я выпил молоко и тут же встал. Мне стало как-то не по себе, что-то сдавило горло. Подошел к матери. Почувствовал ее горячее прерывистое дыхание.

— Мне надо идти, мама, — сказал я каким-то не своим голосом. — Сейчас в Пазарджик, а оттуда — на фронт.

— Надо! Опять надо!.. Когда же это кончится!

Я улыбнулся ей смущенно. Она поняла и, не имея сил вымолвить ни слова, жестом отпустила меня.

И я ушел.

СЕРДЦА ВСЕ КРОВОТОЧАТ

1

Кто меня привел в дом Петко Минчева из Пищигово, я уже и не помню. Мы выбрались из Пазарджика, где нам грозила опасность, и двинулись в путь. Стояла непроглядная ночь, одна из тех бесконечных и промозглых ночей, которые три с лишним десятка лет назад превращали Тракию в черную бездну.

Перед мостом через Луду Яну на нас чуть не налетел какой-то всадник. Копыта лошади ударялись в прогнивший чернозем глухо, словно были обмотаны тряпьем. Мы пригнулись у края дороги, и всадник нас не заметил, но конь шарахнулся в сторону и заржал. Выругавшись, всадник поскакал дальше. Куда его понесло? За нами гналась полиция, а его кто преследовал по этому мертвому полю?

В село мы добрались после полуночи. Обогнули одноэтажное здание общины и двинулись по узкой улочке. С двух сторон на нас с лаем набросились собаки. Из общины отозвался патрульный. От его тягучего голоса у меня по спине пробежали мурашки. Это было начало 1942 года, и мы только делали свои первые шаги в вооруженной борьбе.

Мы пересекли какой-то двор и постучались в дверь одноэтажного, побеленного известью дома. Никто не отозвался, но внутри послышались шаги. Вскоре кто-то выглянул из окна и, не спрашивая, быстро открыл дверь и ввел нас в сени. Проводник мой пожал мне руку на прощание и исчез в темноте ночи. Зажглась лампа.

— Добро пожаловать! — встретила меня старая женщина с кроткой улыбкой и живыми глазами.

В спешке только набросив на себя старую черную кофточку, она сейчас ее торопливо застегивала. Вошли в комнату. Женщина подала стул. Я хотел было сесть, но заметил грязь на своих ногах и смутился.

— Ничего, ничего! Лишь бы в душе не было грязи, а на ногах не страшно… — Эти слова принадлежали Петко Минчеву, плечистому мужчине с таким же добрым, как и у его матери, бабы Марии, лицом. Речь его текла плавно, напевно. Появилась и его жена. Ей было не более тридцати пяти лет. Густые каштановые волосы касались ее плеч.

Прежде чем прийти в Пищигово, я обошел полдюжины сел. Побывал во многих домах, и почти всюду меня принимали как

желанного гостя, а здесь встретили с какой-то особенной теплотой. Только теперь я понял, что многие другие, как и я, находили здесь приют и были приняты так же.

Пока я снимал обувь и приводил себя в порядок, баба Мария приготовила ужин и позвала меня. На низком круглом столике я увидел розовое сало, посыпанное красным перцем, яичницу и белый хлеб, какого в те годы и не пробовал.

— Бедная твоя мама! Что она там думает? — вздохнула женщина. — Жива ли она? Сам ты откуда?

— Жива, — ответил я.

Хотелось продолжить разговор, но по неписаным законам конспирации я уклонился от ответа. Ей, как и всем другим, которые принимали меня в своих домах, нечего было скрывать и незачем. Ведь я был в ее доме, видел всех. Через неделю-другую я их покину, и они так и не узнают, куда я девался. А они останутся в этом доме, их судьба находится в моих руках и в руках десятков других, которым они предоставляли убежище. Я всегда сознавал, что это несправедливо. И может быть, поэтому я ответил бабе Марии:

— Из Батака я.

— Может, и оттуда! — сказала она и замолчала.

Через несколько дней я проговорился, что в нашем краю множество минеральных источников. Баба Мария стрельнула в меня своими живыми глазами. Встала из-за стола и улыбнулась:

— Да не из Лыджене ли ты или из Чепино?

— Разве я не сказал — из Батака я!

Она поняла, что я солгал, но не рассердилась. Видно, она не умела вообще сердиться. Я и потом никогда не видел ее рассерженной или мрачной.

— В тех местах есть теплая вода, — добавила она. — Мне довелось побывать в Лыджене после войны.

И баба Мария рассказала одну трагическую историю.

…Еще перед Балканской войной она вышла замуж за Минчо Хала[32]. Прозвище это ему дали из-за его силы: работал за троих, а на состязаниях по борьбе, которые проводились на окраине села, никто не мог свалить его на землю. Скопили они на дом, народили детей. Но радость их длилась недолго. Начались войны — одна, другая, а затем третья, и она почти не видела его дома.

После окончания войны его демобилизовали где-то у Неврокопа. Минчо направился домой через Сатовчу и Доспат, поскольку это был кратчайший путь. Его предупредили, что в тех местах орудуют жестокие бандиты, но он не принял это во внимание.

— Чего мне бояться? — говорил он. — Моей бедностью им лакомиться, что ли?

Бандиты погубили его где-то в черных доспатовских лесах. Подстерегли возле какого-то моста, крикнули, чтобы лег лицом вниз.

— За что, люди? — спросил Минчо. — С войны возвращаюсь, бедный человек я…

Над его головой просвистели две или три пули. Он бросил сумку и кинулся на дорогу. Из леса вышли главарь банды с поседевшей щетинистой бородой и молодой мужчина в чалме. Молодой уселся сверху на Минчо, завел ему руки за спину и привязал их к поводьям лошади. Потащили его в лес, где пряталась вся банда. Грабители поняли, что, кроме солдатской одежды, у него взять нечего.

— Отпустите! — взмолился Минчо. — У меня жена, дети! Кто же их прокормит!

Не пожалели…

Потом стало известно, что Минчо был их двадцать четвертой жертвой.

Бандитов поймали, и доставили на суд в Неврокоп. На заседание вызвали Марию с дедом Иваном, отцом Минчо. Но дело затянулось, и они вернулись домой. Вызвали их вторично, но слушание дела снова не было закончено. Они собрались домой. На окраине города их остановил знакомый учитель.

— Какой дорогой вы пойдете? — спросил он.

— Через Якоруду и Яденицу, — ответил свекор.

— Ни в коем случае! — произнес учитель. — Возле Яденицы вас ждут убийцы. Родственники бандитов… Идите другой дорогой…

— Тогда мы пошли через Лыджене, — закончила баба Мария. — Сколько же мы страха натерпелись! Не за себя, за детей. Кто же за ними присмотрит, если и нас прикончат. Трое мальчиков и две девочки. Старшей десять лет, а младшему нет и года. Весной родился, а отца его осенью убили. Такое было время…

2

Задержался я в доме бай Петко. День я проводил в комнате хозяев, но если во дворе появлялся посторонний человек, то я перебирался в другую комнату, а оттуда — в хлев, к коровам. Здесь настолько все было приспособлено для того, чтобы можно было незаметно уйти, сделано это было так хорошо, что я даже

подумывал, не предусмотрели ли хозяева этот тайный выход, еще когда строили дом.

Как-то я остался на короткое время в доме один. Присел к печке и читал какую-то книгу. Неожиданно залаяла собака и бросилась к воротам.

— Петко-о-о! Божана-а-а! — крикнул кто-то с улицы.

Собака начала бросаться на ворота. Вскинется, зарычит, но не лает. Я разозлился, что именно сейчас никого нет дома. Спрятался за занавеской и стал ждать.

Человек крикнул еще разок-другой, но, увидев, что никто не откликается, просунул руку в щель и открыл ворота. Ему было за шестьдесят, у него было загорелое лицо и выгоревшие на солнце волосы. За ним во двор вошла девочка лет десяти. Собака радостно завертелась вокруг них.

Я быстро выскочил в другую комнату — и оттуда в хлев. Незнакомцы вошли в дом. Старик пробормотал что-то, прошел через вторую комнату и вошел в хлев. Мы оказались лицом к лицу. Он вздрогнул и отступил назад.

— Ну чего раскричался? — спросил я. — Нет их, хозяев!

— Если их нет, так что же ты здесь делаешь?

Я ответил, что я их гость. Тот окинул меня взглядом с головы до ног и сказал:

— Хе! Такой, как ты, в этом доме не первый.

Так я встретился с отцом тети Божаны — дядей Илией из Говедаре. Он пришел в Пищигово с одной из своих внучек, чтобы навестить свою дочку. Они остались на три-четыре дня. Погода была холодная. На дворе бушевала вьюга, и дядя Илия подолгу стоял у печки. Рассказы его были интересные, умные. Из множества историй, которые я услышал от него, в моей памяти остался рассказ о бунте говедарчан в 1930 году.

…Перед выборами, в село нагрянули агенты полиция и жандармы. Богачи встретили их хлебом-солью. Наелись, напились полицейские и в первый же день пошли по селу: кричали, грозились, что скоро кое у кого головы полетят. В субботу отправились на хоро[33] и там начали буянить, приставать к женщинам. Несколько парней попытались их усмирить, но полицейские всех разогнали.

На следующий день площадь перед школой, где был избирательный пункт, заполнилась народом. Из толпы вышел крестьянин и направился в школу.

— Ты куда? — окликнул его сельский староста. — Мы тебе ноги переломаем!

Крестьянин посмотрел на старосту.

— Я доверенное лицо и должен войти…

— Здесь не место коммунистам!.. — прокричал староста.

В толпе собравшихся на площади крестьян послышался гул. Полицейские приготовились стрелять. Ободряемый народом, вошел в школу человек, назвавшийся доверенным лицом, но староста и агенты схватили его и начали избивать.

Толпа на площади качнулась, несколько мужчин бросились к школе. Полицейские открыли огонь. Какая-то беременная женщина застонала и упала, пронзенная пулей в грудь. Ранены были еще двое или трое.

Тогда крестьяне, вооружившись чем попало, бросились на агентов и полицейских. Завязалась схватка. Были убиты три полицейских, а другие, увидев, что они не смогут удержаться, повыскакивали через окна и, побежали к Пазарджику.

Через несколько часов в село прибыл околийский начальник с войсками и полицией. Крестьяне, озлобленные, в окровавленных и порванных одеждах, все еще находились на площади, держа в руках вилы, косы и ружья.

Начались аресты. Увели более двухсот человек — мужчин, женщин, детей. Арестовали деда Илию, одного из его сыновей и Божану. Следствие тянулось тринадцать месяцев. Пытки, допросы, очные ставки. На следующий год дело рассматривалось Пазарджикским окружным судом. Прибыли журналисты из многих стран. Стеклись сотни людей. Большинство из них были коммунисты и члены партии земледельцев, не только из города, но и из сел. Пришел и бай Петко Минчев. Во время выборов он голосовал за кандидата от рабочей партии и уже считал себя коммунистом. Но не только это привлекло его в суд. Говорили, среди арестованных есть красивая девушка, твердостью своего характера не уступающая мужчинам. Это была Божана — дочь деда Илии. Тогда Петко и познакомился с ней, а на следующий год они поженились.

3

Петко — старший среди сыновей бабы Марии. На него и Божану легли заботы о всем доме, о младших братьях и сестрах. Нужно было работать от темна до темна, чтобы всех прокормить. Позже сестры вышли замуж, но легче все равно не стало, потому что братьям нужно было учиться. Петко и Божана их поддерживали, и самый младший — Георгий — получил среднее образование, а Траян — даже высшее.

Первые годы Петко держал Божану в стороне от партийной работы. Все чаще ему приходилось уходить на встречи в город, а с

ним отправлялась и Божана, якобы для того чтобы купить кое-что для дома. В городе Петко все-таки ухитрялся улизнуть от жены. Она стала косо поглядывать, дело дошло до ссор. В конце концов он привлек ее к подпольной работе.

Перед войной Динко Баненкин, чей небольшой ресторанчик перед городским садом был превращен в центр подпольной деятельности, поручил Петко взять из каменоломни Георгия Попова в городе одного подпольщика и отвезти его в село. Петко запряг повозку и положил в нее пару кур, чтобы можно было сказать, что едет на базар.

— Базар был вчера, — напомнила ему Божана. — Каждый поймет, что ты совсем за другим поехал.

Она решила поехать с ним. В каменоломне Георгия Попова их встретил высокий, худощавый, согнувшийся чуть ли не вдвое человек.

Его спрятали в повозке и поехали обратно. Встречавшиеся на дороге спрашивали, что они делали в городе, когда там нет базара.

— К доктору ездили, — отвечала Божана, — Вы же знаете, у нас почему-то нет детей…

Ей было нелегко выговаривать такие слова, но она принадлежала к числу тех, кто способен улыбаться, когда сердце плачет и кровоточит. Только глаза выдавали ее. Они такие светлые, но когда ей больно, в них блестят невыплаканные слезы.

В село добрались уже затемно. Затащили повозку во двор. Божана провела подпольщика в дом. Тот вошел в сени, выпрямился и сказал:

— Дом маленький, а бревна большие. На тысячу лет строили…

— На тысячу вряд ли, но сто выдержит, — ответила Божана.

— Да не собираетесь ли вы пережить орлов? — засмеялся подпольщик.

— Ага… — подтвердила она.

Пока бай Петко управлялся с лошадьми, гость успел подружиться с бабой Марией. Он оказался очень сердечным и разговорчивым.

— В дороге из тебя слова силком тянуть надо было. И в три погибели согнулся… А сейчас ты совсем другой человек… — сказал бай Петко.

— Желудок прихватило, — ответил подпольщик. — От тюрьмы осталось…

На следующий вечер в доме секретаря партийной организации Гурко Карабаджакова и Ивана Бончева, низкорослого, но выносливого и ловкого крестьянина, друга

Петко, состоялась конференция.

В то время проходила Соболевская акция[34]. Пищиговские коммунисты во главе с Гурко Карабаджаковым и Ангелом Тунчевым собрали тысячи подписей. Но и полиция не сидела сложа руки. Однажды ночью из Пазарджика прибыли агенты и полицейские и арестовали более пятидесяти человек. В общине их били и мучили, но никто не выдал организаторов. Отвезли в Пазарджик только Гурко Карабаджакова и еще одного коммуниста.

До меня в доме Петко несколько месяцев подряд укрывался Луко Луков — член окружного комитета партии. Перед Новым годом Динко Баненкин сообщил Петко, что нужно отвезти Лукова в город на заседание комитета. Петко запряг лошадей, сел рядом с опасным гостем, и они тронулись.

Ночь была ветреная. Суровый холод сковал землю. Копыта лошадей стучали по мерзлому грунту, словно по граниту, только что искры не сыпались из-под подков.

Когда добрались до церкви Святой Петки позади базара, Луков соскочил с повозки, попрощался и исчез в темноте. Петко отъехал подальше в стал ждать известия, когда они тронутся обратно в село. На рассвете пришел Динко Баненкин и сказал, что Луков останется на несколько дней в городе.

— Мы тебе сообщим, когда приехать за ним…

Это было 30 или 31 декабря. Петко вернулся в село. Но прошло рождество, прошел Новый год, а из города не было никаких вестей. На Василев день стало известно, что Луко Луков схвачен полицией. Его дом был окружен, и единственное, что он успел, — это спрятать оружие.

— Несчастный человек! Что его ожидает… — вздохнула баба Мария.

Она даже не задумалась над тем, что может случиться с ними, если Луко не выдержит и полиция дознается о том, что они укрывали его более двух месяцев. Она и не подумала, но Петко и Божана натерпелись страху. Они верили Луко, однако знали и другое: человек не камень. И все же, несмотря на это, приняли меня. Да ведь не так уж много времени прошло, чтобы считать, что история с Луко забыта.

Когда настало время мне уходить, баба Мария приготовила большой кусок сала, рису и целую буханку хлеба. Уложила все это в узелок и наказала передать моей матери.

— Время сейчас голодное, а горцы еще беднее, чем мы… Передай ей от меня гостинец…

Она вряд ли поверила, что я из Батака, но после того разговора о теплой воде больше ни слова о том не произнесла.

— Мне не доведется ее видеть, — сказал я. — А передавать через других — опасно…

— Дай ей знать! — уговаривала она меня. — Ты и не представляешь, сынок, как больно нам, матерям!

Я ушел с надеждой, что отправлюсь прямо в батакский отряд. Но все сложилось не так. Пришлось еще довольно долго скитаться по пазарджикским селам, пока мы вместе с моим товарищем Кочо Гяуровым нашли дорогу в Родопах. Потом нам пришлось пересекать горы от Места до самого Чая. К сожалению, партизанские тропы ни разу больше не привели меня в Пищигово. Но они столкнули меня с людьми, которые тоже бывали в доме Петко и Божаны, ели хлеб бабы Марии и с волнением рассказывали о них.

4

В том же 1942 году у них нашел приют Любен Гумнеров. Они укрывали его не день, не два, а три-четыре месяца.

Осенью по указанию Центрального комитета партии в местности Мандра Алча возле Пазарджика была созвана окружная партийная конференция. Ночное небо отяжелело от черных облаков. За спинами собравшихся мерцало зарево огоньков города. Уверенные в том, что их власть вечна, хозяева города не знали, что в ту ночь окружная партийная организация, полностью покончил с колебаниями отдельных деятелей, смело встанет на путь вооруженной борьбы.

Еще до того как стемнело, Любен Гумнеров, избранный на конференции секретарем окружного комитета, и Петко вернулись в Пищигово. Здесь при участии Гурко Карабаджакова, Ангела Тунчева и других вышел первый бюллетень комитета.

В 1943 году Любен снова скрывался в доме Петко. В то время власти насильно реквизировали у крестьян пшеницу и другие продукты. Члены реквизиционной комиссии под предводительством сельского старосты вместе с полицейскими ворвались в дом Петко. Любен едва успел выскочить через черный ход. Он вбежал в хлев и зарылся в сено. При обыске перерыли весь дом, дошла очередь и до хлева. У полицейских были длинные железные прутья, и они начали протыкать сено. Прутья втыкались в сено, а Петко казалось, что они вонзаются в Любена. По его лицу потекли капли пота. Ноги едва его держали. Одно спасло Любена. Он уже прослышал, что члены комиссии вооружены такими прутьями, и пробрался к самой стене на другом конце хлева. Так до него и не добрались.

5

В один из майских дней 1944 года Петко работал в поле вблизи Большой могилы. Он так увлекся, что не заметил, как перед ним возник молодой парень с загорелым лицом и прямыми черными волосами.

— Добрый день! Ты Петко Минчев? — спросил парень.

Петко не ответил. Он видел юношу впервые.

— Ты бай Петко? — переспросил парень.

— Откуда ты появился, что я тебя не видел? Из-под земли, что ли, вырос?

— Из-под земли, — ответил тот и рассмеялся. — Так это ты бай Петко? Не отпирайся. Меня прислали партизаны. Ночью пойдешь на дорогу у Росенской водяной мельницы. Пароль — три удара камнем…

Петко вернулся в дом и долго раздумывал. А вдруг это провокация? Он впервые видел парня. Стоит ли рисковать? А с другой стороны, его действительно могли послать партизаны. Может, какие-нибудь обстоятельства заставили их направить к нему незнакомого человека…

Стемнело, раздумывать дальше было некогда. Он забросил на повозку мешок пшеницы, словно едет на водяную мельницу, покрыл ее брезентом и поехал. К вечеру начал накрапывать дождик, но вскоре кончился, только окропив деревья и прибив пыль на дороге. Ночь была светлая. Над полями били крыльями жаворонки.

Идет бай Петко, пытается прогнать из своей душа смятение, но не может. Однако и лошадей повернуть назад не решается.

На место добрался к полуночи. Притаился у виноградника и постучал камнями. Стукнул и замер. Кто откликнется: свои или враги? Постучал второй раз — опять никто не отозвался. Ему казалось, что гулкие удары камней разносятся над всем полем.

Собрался было уехать, но не мог решиться сделан, первый шаг. «Полицейские стреляют в спину», — подумалось ему. И все-таки пошел. Тогда из виноградника поднялись три тени.

— Петко, это ты?

Он узнал их: комиссара зоны Стояна Попова, Костадина Вучкова и еще одного партизана. Узнал их, но не ответил. Не имел уже силы ни проговорить что-либо, ни шагнуть навстречу. Камни выпали из его рук и ударились о влажную землю.

Силы вернулись к нему только через несколько минут. Он потряс головой и сказал:

— Довольно нам торчать на дороге. Куда ехать?

— Как это куда? Завезешь нас к себе домой, — ответил Стоян

Попов.

— Тогда забирайтесь на повозку и ложитесь поперек. Я накрою вас брезентом, как мешки.

Подъехали к Пищигово. Перед селом были посты местной охраны.

— Не шевелиться и не дышать! — предупредил Петко партизан и поправил брезент на них.

Постовые остановили повозку.

— Куда это ты ездил? — крикнул кто-то из темноты.

— На водяную мельницу.

Тот потянулся к «мешкам», потрогал один, другой, но так и не понял, что к чему. Петко ударил кнутом, и повозка тронулась.

Божана приготовила поесть. Но Стоян Попов, едва прикоснувшись к еде, отвел Петко в сторону.

— Слушай! Завтра в восемь часов я должен быть в Пловдиве у государственной больницы.

— Как же ты туда попадешь? — не понял его Петко.

— Ты меня отвезешь на повозке, — ответил бай Стоян, улыбнувшись из-под усов.

— Есть только две дороги: одна через Малое Конаре, возле полевого аэродрома, но там сильная охрана, — мудрствовал Петко. — Через Большое Конаре дорога получше, но там стоит пехотный полк. Ищут партизан…

— По какой дороге ехать — это уже твоя забота. Завтра я должен быть в Пловдиве.

Траян, брат Петко, за неделю до этого сумел достать чистые бланки пропусков, тайно проник в общину и поставил на них печать. Решили воспользоваться этими бланками.

Божана, поняв, что они опять отправляются, решила ехать с Петко. Тот отругал ее, но Божана не отступала:

— Не останусь больше сидеть в доме и ждать. Вместе поедем!

Стоян Попов, пригладив усы, счел нужным вмешаться:

— Пусть едет! Раз нас теперь целая компания, веселее будет. Да в такой ситуации она нам, пожалуй, даже поможет!

Забрались на повозку и поехали. Петко и Божана сели впереди, а бай Стоян зарылся в сено под попоной. Еще до наступления темноты они добрались до аэродрома у Малого Конаре. Их остановили для проверки.

— Мы едем к доктору… — сказал Петко проверяющим и, кивнув на жену, добавил: — Детей у нас нет…

Их пропустили.

Когда они выбрались на большую дорогу от Пазарджика к Пловдиву, совсем стемнело. Стоян Попов выбрался из-под сена и подсел к ним.

— Если меня обнаружат, скажете, что вы меня не знаете, — приказал он. — Догнали меня в пути, вот и решили подвезти.

К семи часам добрались до сахарной фабрики. Шлагбаум на переезде был опущен. Скопилось много повозок. С позиций зенитной батареи, расположившейся позади фабрики, пришли солдаты, просили закурить. Полицейские начали проверять пропуска. За день или два до этого в городе полицией был убит Саша Димитров, секретарь Центрального комитета РМС. Петко и Божана побледнели от страха.

— Эти проклятые усы! Еще выдадут нас, — проговорила Божана.

— Не сердись, невеста, у меня есть удостоверение личности, — успокоил их бай Стоян. — Ничего страшного…

Повозка оказалась перед шлагбаумом среди первых, а полицейские начали проверку с конца колонны. В это время со свистом пронесся поезд, и шлагбаум подняли. Полицейские так и не успели проверить всех. Обошли еще две или три повозки; те, которые оказались впереди, проследовали без проверки.

Незадолго до восьми часов они добрались к государственной больнице. Остановились перед каким-то садом.

— Здесь вы будете ожидать два часа. Если не приду, уезжайте в село, — приказал бай Стоял.

Они издали до полудня. Стоян Попов не пришел, и они отправились обратно. Едут и думают: почему он не пришел? Дурные мысли, как осы, налетают и жалят. Потом уж узнали, что они напрасно тревожились. Встреча Попова с пловдивскими товарищами прошла благополучно. Он задержался, чтобы встретиться с членами Политбюро партии.

6

Летом 1944 года дом Петко и Божаны превратился в один из тайных опорных пунктов полевых отрядов партизанских бригад имени Георгия Бенковского и Васила Левского. Тут проводились конспиративные встречи, партизаны останавливались на денек-другой, приходили и уходили курьеры. Пришло время, когда такие люди, как баба Мария, Божана и Петко, уже почувствовали близость победы, и это притупляло у них чувство реальной опасности. Я поражаюсь, как их дом, столько раз находившийся под угрозой провала и катастрофы, смог избежать этого и так счастливо уцелеть.

…16 августа командир полевого отряда бригады имени Георгия Бенковского Динчо Велев и его товарищ Никола Андреев

были окружены жандармами возле реки Луда Яна, недалеко от села Росен. Завязался ожесточенный бой. Жандармы набросились со всех сторон, и вдруг один из них, закричав диким голосом, свалился на землю. Это привело остальных в замешательство, и партизаны сумели прорваться и достичь высокого берега реки.

Они кинулись в воду и поплыли, но на противоположном берегу показался сержант. Динчо угрожающе поднял винтовку. Сержант крикнул:

— Не стреляйте! И я не буду стрелять… Бегите!

Не в интересах партизан было поднимать шум. Чтобы не привлекать к себе внимание, они оставили сержанта в покое. Но тот отошел на десяток метров, как заяц, отскочил за вербу и открыл огонь по партизанам.

Динчо и его товарищу удалось уйти из-под огня. Они достигли берега, а когда выбрались из воды, оказалось, что Динчо Велев ранен в ногу.

Динчо передал своему товарищу явки и пароли и приказал ему уходить, а сам остался у реки. Появились жандармы и двинулись на него. Он схватил карабин, но тот оказался поврежден. Он забросил его под куст и вынул пистолет. Раненая нога стала неподвижной. Он залег в траву, снял пальто и, босой, с обнаженной грудью, начал ползти.

Жандармы усилили стрельбу. Вокруг пальто, которое он бросил, пули подняли пыль. А в это время Динчо снова дотащился до реки, собрал силы и перебрался на противоположный берег. Укрывшись в лесочке из молодых тополей, он удалился от места схватки.

Догнал какую-то повозку. Хозяин ее стоял впереди и тихо бранил запряженных животных. Динчо с большим трудом забрался на доски и распластался на спине. Хозяин заметил его и обернулся. И тогда Динчо узнал его: Ангел Пальока из Росена, один из самых верных помощников партизан.

Бай Ангел отвез Динчо в свой сад. Жена Ангела сняла с головы платок и перевязала ему рану. Быстро напоили, накормили, и силы вернулись к нему. Затем смастерили ему палку. Динчо переоделся в одежду их сына и садами отправился в Брацигово. Каждый шаг был для него сплошным мучением, потому что пуля засела в кости, но надо было уйти как можно дальше.

Перед Пищигово он свернул к дому Петко. Недалеко работала молотилка. Вокруг было довольно много людей, так как это происходило среди бела дня.

— Эй, ты не на молотилке работаешь? — прокричал какой-то крестьянин из сада.

Динчо кивнул согласно. Крестьянин на какой-то момент исчез за деревьями, и Динчо проскользнул во двор бай Петко. Прислонился к задней стенке дома. С другой стороны дома доносились голоса незнакомых женщин. Баба Мария догадалась, что кто-то пришел, и быстро их спровадила. Потом закрыла ворота, спустила с привязи собаку и поспешила к Динчо. Ввела его в дом и спрятала в подвале, где для партизан всегда была готова постель. Принесла лекарство, перевязала и накормила Динчо.

К вечеру вернулись бай Петко и Божана. Динчо поговорил с ними и решил уходить. Поздно вечером Божана вывела из конюшни двух лошадей. На одну вскочила сама, на другую — Динчо. Божана ехала впереди, а Динчо следовал за ней. За селом она пожелала ему скорейшей победы и попрощалась с ним. Динчо отправился на Черногорово. Лошадь его не слушалась, все поворачивала голову назад и непрерывно ржала. Напрасно она искала подругу.

7

Пришло Девятое сентября с тем буйным восторгом, который никогда не забудется. Но вслед за восторгом для Петко и Божаны начались огорчения.

Петко был старостой и активно участвовал в создании трудового кооперативного хозяйства в селе. Но когда приступили к организации этого хозяйства, его и Траяна не приняли. Некоторые боялись, что братья, пожалуй, «захватят» руководство. Приняли их несколько позже, когда руководящие должности уже были распределены.

Через пять или шесть лет кто-то украл у Петко партийный билет, и его поспешно исключили из партии. Два года держали его вне ее рядов. Мы писали письма в околийский комитет, доказывали, что допущена ошибка, но тогда на такие письма не всегда обращали внимание. Мы даже приезжали в Пищигово, говорили с товарищами. Те высказывали сожаление о случившемся, но дальше этого дело не шло.

Петко, Божана да и баба Мария тяжело переживали это, но не ожесточились, не жаловались. Терпеливо ожидали, когда справедливость возьмет верх. Сейчас их все почитают и уважают.

Прошлым летом я услышал, что баба Мария тяжело больна, и отправился навестить ее. Стояла изнуряющая жара. Улицы села опустели. В такую пору люди, которые не вышли в поле, прячутся в прохладных комнатах, пережидают, пока спадет жара, и потом

снова берутся за работу.

Я застал всех дома. Это был уже не старый, а новый двухэтажный дом с красивым балконом. Баба Мария лежала в одной из комнат в нижнем этаже. Она привстала на постели, ее руки блуждали и беспомощно искали, за что бы ухватиться.

— Услышала голоса… Поняла, что это вы… — сказала она. — Хотела, чтобы вы не увидели меня в постели.

Божана пожурила ее и помогла ей снова лечь. Баба Мария вздохнула и опустилась на постель. И тогда я увидел, что годы иссушили ее лицо, но добрая улыбка, с которой она встречала нас, осталась прежней.

Я поинтересовался, как она себя чувствует, какая болезнь ее одолела, чем можно ей помочь. Она ответила двумя-тремя словами. В ее глазах промелькнула печаль. Я должен был себе признаться, что огорчил ее.

Она-то знала, что ей ничем уже нельзя помочь. Знали это и мы все. И действительно, не являются ли подобные вопросы данью самовнушению — вроде бы мы предприняли все для больного, не являются ли они попыткой здоровых обмануть и успокоить свою совесть?..

Мы вышли во двор к винограднику. Божана засуетилась, чтобы приготовить стол, но так и не успела закончить сборы, застонала и схватилась за сердце.

— Когда за плечами у человека столько лет, болезни сами начинают давать о себе знать… — пошутил я.

— Это не от лет, а от пережитого, — сказала Божана. — В сорок третьем году мы отправились с Петко на вершину Святой Дух, чтобы навестить наших в Говедаре. Вошли в село, а навстречу нам движется повозка с убитым партизаном. Тело было покрыто белой короткой буркой. Товарищи убитого вели бой около села. Когда я отправилась набрать воду из колодца, увидела через плетень: из общины выволокли раненого партизана. Лицо его было изуродовано пулей. По селу разнеслась весть, что один из партизан бежал в Пищигово. Полицейские бросились туда, чтобы его разыскать, а вместе с ними поднялись и с десяток охотников с собаками. Мы с Петко поспешили вскочить на бричку и отправиться в село. Приехали, когда уже стемнело. Я так устала, что не было сил слезть с брички. Петко загнал ее под навес, и мы так и остались в ней спать… В полночь возле общины загремели выстрелы. Кто-то пересек улицу и скрылся в соседнем саду. Я так испугалась, что не заметила, когда вскочила на ноги. И так дрожала, что вся бричка подо мной тряслась. Точно такой же испуг я пережила, когда мы отвозили Стояна Попова в Пловдив. С той поры у меня заболело сердце.

После Девятого сентября я ходила к врачам, и мне сказали, что у меня что-то не в порядке. Вот и сейчас побаливает…

Баба Мария очень страдала из-за того, что у Петко и Божаны нет детей.

— Я старею, но при мне вы, — говорила она. — А кто останется при вас, когда вы постареете?.. Поезжайте в Пловдив, в Софию, ищите докторов, пусть помогут!..

— Поздно уже, мама, — отвечала Божана. — К врачам нужно было ходить в молодые годы, но тогда нам было не до этого. Только перед полицейскими и жандармами прикрывались этой бедой, ссылались на нее…

Недавно Петко и Божана усыновили одного из племянников. Женили его. Появился первый внук. Заполнило ли это пустоту, оставшуюся в их сердцах?

Я часто получаю от них письма, они приглашают меня в гости. Пишут и другим. Но мы редко откликаемся. Все мы очень заняты. Мы забываем о том, что они пережили, и что в немалой степени переживали они из-за нас. От пережитого их сердца все еще кровоточат.

ДВА ДОМА

Как у большинства женщин небольшого роста, хрупких, у Елены Берговой запоминались глаза. Темные глаза и локоны, красиво обрамлявшие ее лицо. Елена пришла в отряд в самое страшное время. Школы уже были не школами, а жандармскими казармами и застенками. Горели дома в Величково и Батаке. По селам Жребичко, Козарско и Кричим носили для устрашения головы убитых партизан.

Никто не спрашивал Елену, выдержит ли она, и не потому, что она была проверена на опасной подпольной работе, а потому, что знали: стойкость человека не определяется его физической силой. Елена сама себе выбрала новое имя — Гроздана и возложила на себя все трудности партизанской жизни так естественно, словно всегда была с нами. Летом 1944 года пришел в отряд и ее Мильо — Милуш Папарков. И наконец в зрелом, золотом сентябре наступил тот день, когда мы, исхудавшие, перебинтованные, озаренные счастьем свободы, высыпали из лесов, чтобы встретиться на улицах сел и городов.

Вскоре мы отправились на фронт. Пошли и Елена и Мильо. Они пошли, но вернулись еще до того, как мы достигли Скопле: Мильо был смертельно ранен. Елене еще долго слышался стук ударов кирки, дробившей будто запеченный на солнце камень Каменицы. Еще одна вечная могила на этой земле…

После войны мы разлетелись кто куда: одни — в университет, другие — в армию, третьи энергично принимались за дела в своих селах, стали создавать новые города. Мы надолго потеряли друг друга из виду. Встречались 2 июня, 4 и 9 сентября — в памятные годовщины, когда собиралось много народа, произносились речи, играли оркестры, и царившее радостное возбуждение делало откровенные разговоры невозможными. Я начал замечать, что Елена находилась под влиянием какого-то оговора и со мной вела себя сдержанно.

Прошло много времени, прежде чем прошлой осенью она пригласила в гости меня и сестру с семьей. Погода была скверная — монотонный мелкий дождь, слякоть, и от этого на душе становилось грустно. Мы купили хризантемы и постучали в ворота дома Елены. Открыл ее муж — широкоплечий человек моего возраста со светлым лицом и русыми волосами. Он приветливо поздоровался и пригласил нас в дом. Накрытый в гостиной стол блистал такой щедростью, будто здесь старались возместить утраченную теплоту братских чувств. Елена появилась из кухни — ее лицо светилось хорошо знакомой радостью

счастливого человека, сумевшего, как это присуще храбрым людям, побороть себя. Моя сестра шумно обняла ее. Они заговорили сразу обо всем, а мы с ее мужем обменялись снисходительными улыбками.

Я протянул Елене цветы. Она потянулась к ним, но вдруг вздрогнула и бросилась в кухню. Я мог бы предположить, что она забыла что-то на плите, но дело было совсем в другом.

Весь вечер Елена была очень внимательна к нам. Для нас не было ни телевизора, ни магнитофона — были разговоры между близкими людьми, которым долго не хватало друг друга. Ничего такого, что отягощало наши встречи, не осталось и в помине, и поэтому я недоумевал: почему Елена не приняла хризантемы?..

С того времени прошло несколько месяцев. Я оказался в больнице с переломом руки. Меня замучил твердый гипс, я устал от белизны стен и искренне радовался каждому, кто меня навещал. Пришла как-то и Елена. Положила что-то на столик и присела у постели. Весна была засушливая, солнце обжигало травы и листья. Белизна стен была поистине невыносима. Мы обменялись обязательными между больным и здоровым фразами, и она замолчала. Накануне я плохо спал, настроение было муторное, меня что-то тяготило, и, может быть, поэтому я вспомнил об осенних цветах, которые она не приняла. Я спросил ее, что тогда произошло.

— Ты очень настаиваешь, чтобы я ответила? — проговорила она глухо.

— Друг обязан давать другу простые ответы на сложные вопросы.

Она засмеялась и начала издалека.

— Мы с Мильо учились в одной школе. Встречались на переменках, а вечерами на площади в Лыджене, на тайных собраниях ремсистов. Еще не отдавая себе отчет в том, что это и есть любовь, я поймала себя на том, что с нетерпением ожидаю этих встреч. Мильо жил в Каменице, а я — в Чепино. Расстояние это было немалое, но мы часто бывали друг у друга — то он к нам придет, то я к ним. И все пешком: автобусов-то не было… Его мать, тетя Петруна, полюбила меня и, если не видела несколько дней, спрашивала: «Куда запропастилась Ленче? Почему не приходит?..»

Мильо был ее единственным ребенком, и она часто говорила, что ей грустно из-за того, что у нее нет дочери… Когда я ушла в отряд, Мильо стал еще чаще приходить к нам. Помогал моим маме и брату. И мама его любила как своего сына. Он сначала собирал продукты и одежду для партизан, а через пять-шесть месяцев сам ушел в отряд. Тогда я была в Чепинских горах, а он

пришел к нам в Каменские горы. Миновал месяц с небольшим, пока мы встретились. Едва взглянув на него, я почувствовала, что кто-то наговорил ему обо мне что-то недоброе.

Ты помнишь 3 сентября на вершине Милевой скалы? Вся бригада в сборе, пришли партизаны отряда Ангела Кынчева, под старыми буками огни, вокруг ночь и мрак, а на душе светло, потому что Красная Армия перешла Дунай. Все радуются, и только мне невесело. Мильо молчит, сторонится меня. На следующий день произошло то трагическое сражение. Погиб Методий Шаторов и с ним еще одиннадцать человек. Каменские партизаны заняли позиции по дороге на Белую воду. Среди них был и Мильо со старой итальянской винтовкой и десятком патронов. Я видела, как он залег между деревьями, потом потеряла его из виду. Войска двинулись против нас, в воздухе запахло гарью… С вершины Мильо отступил вместе с Каменским отрядом и не знал, что я ранена. Бинты пропитались кровью, я чувствовала острую боль в плече, но не думала о ране. Другая рана меня мучила: мы не смогли поговорить, объясниться… Под Млековицей мы нарвались на засаду и укрылись в овраге. Боя мы принять не могли и старались лишь вырваться из объятий смерти… Мы собрались вновь только в Каменских горах. Мильо не оказалось в Чепино — наши дороги снова разошлись.

Девятого сентября все партизаны стеклись к Каменице. Пришел и Мильо с группой из Чепинских гор. Как сейчас вижу его: идет мне навстречу, берет меня за здоровую руку и говорит: «Прости!..»

Одно слово! Он произнес его тихо, но меня это словно пробудило к жизни. Я только тогда услышала зазвеневшие вокруг песни, услышала радостные крики встречающих. По дорогам Ачовицы все шли и шли люди, тысячи людей. Где-то играла музыка…

Мы остановились в лыджeнской школе. Меня отправили в больницу на рентген и перевязку. Врачи сказали, что мне необходимо лежать, и отправили домой.

Мама перепугалась, не разрешила мне вставать, но как только я осталась одна, сразу же бросилась на дорогу к Лыджене. Вот тогда и была сделана эта единственная фотография: он в солдатской одежде и в фуражке с пятиконечной звездой, я — такая, как ты меня знаешь… Тогда, обнимая меня, Мильо сказал:

«Я знал, что есть люди, способные на клевету, но не думал, что они есть среди нас…»

Когда пришел приказ отправляться в Пазарджик, решила идти и я. Мама стала плакать, но не могла же я остаться. Вместе с Мильо, вместе со всеми пошла и я. Еще не успела даже согреть

постель в казарме 27-го полка, как меня направили в больницу. Мильо по нескольку раз в день приходил навещать меня. Однажды он сказал, что есть приказ выступать на фронт, но ученики должны оставаться в школах, а раненые — в больницах.

«Пешком пойду, но все равно уйду на фронт…» — Мильо буквально ощетинился.

«Куда ты, туда и я», — приподнялась я ему навстречу.

Врачи и слова не давали мне вымолвить. Спрятали мои вещи, но Мильо принес мне другие. Я надела их и убежала из больницы.

Ушли почти все — молодые и пожилые, парни и девушки, здоровые и раненые. Серое утро мы встретили на станции Гюешево. Оттуда мы стали карабкаться по вершинам Киселица и Стража. Над нашими головами кружили немецкие самолеты, поблизости рвались снаряды.

В октябре батальон выбил немцев из сел Попова Нива, Цырвен Камень и достиг вершины Никая. В затопленных окопах страцинских позиций нас прижала вражеская артиллерия. На нас обрушились осколки снарядов, камни, земля. За глубоким оврагом, над которым клубился туман, темнела лесная чаща. В этом лесу должен был занять позиции третий батальон нашего полка. Должен был, но противник опередил нас. Под покровом ночи враги пробрались тайком и оказались у нас в тылу. С рассветом открыла огонь артиллерия противника, из леса нас поливали из пулеметов. Что-то страшное: по тебе стреляют, а ты не видишь, кто и откуда стреляет. Мильо и еще двоих бойцов послали на разведку в лес. Оттуда его принесли окровавленного.

Я бросилась к другу, схватила его за плечо: «Куда тебя ранило?»

«Ничего… Ничего…» — успокаивал меня заметно побледневший Мильо.

Его ранило в живот разрывными пулями. Положили его на носилки и понесли в тыл. Я пошла за ним. Мильо не жаловался, не стонал, но его лицо все больше и больше бледнело. На лбу выступили капли пота. Я следовала за носилками и молчала, чтобы не выдать своих чувств.

Из полкового лазарета Мильо отправили в армейский госпиталь. Было много раненых, и меня не взяли в машину. Я отправилась в Кюстендил пешком. По дороге меня нагнала военная повозка, и я вскочила на нее. Нашла Мильо в Кюстендиле, он уже угасал, но был спокоен, только глаза его лихорадочно горели. Говорил мало, потому что силы оставляли его. Не знаю — рана ли была тяжелой, или неумело его лечили?!

Мильо умер. Пришлось мне побегать, похлопотать у начальства, пока наконец заполучила вагон, чтобы отвезти тело

Мильо в Каменицу. Только мне известно, как я ехала в том вагоне одна с гробом, в котором лежал мертвый Мильо. В Каменицу добралась через два-три дня, сообщила в Пазарджик, что доставлен погибший партизан. Оттуда прислали воинское подразделение, чтобы отдать ему последние почести. Хоронить Мильо собралось много людей. Кто-то произнес речь. Убрали гроб цветами. Цветы, цветы, цветы… Никогда я не видела столько цветов. И все осенние. С той поры, когда я вижу хризантемы, меня охватывает дрожь…

Родители Мильо — тетя Петруна и бай Тодор — остались одни. С трудом их оторвали от свежей могилы. Я проводила их домой и осталась с ними. Через несколько дней мы вместе отправились к нашим в Чепино.

«У меня хоть трое, — говорила мама, — а Мильо у вас один…»

Два года я жила с родителями Мильо, была их утешением и надеждой. Потом уехала учиться. Но когда возвращалась в Велинград, всегда останавливалась в их доме. Так было много лет подряд. Родители Мильо горевали о своем сыне, но им было жалко смотреть на мое одиночество, и они все чаще стали поговаривать о том, что мне время подумать о замужестве.

«Всю жизнь незамужняя вдова… Такого не должно быть!..» — говорила мне мать Мильо.

Долгое время я не любила никого другого, потому что не могла забыть Мильо и мне трудно было расстаться с его родителями. Позже как-то незаметно в мою жизнь вошел один студент, а выйти за него замуж я долго не могла решиться. Сын старого коммуниста, прошедшего через аресты и тюрьмы, он понимал меня, помогал мне преодолеть этот трудный барьер. Он принял меня вместе с обязанностями по отношению к родителям Мильо.

Сейчас у нас две взрослые дочери. У них, как и у нас с мужем, в Велинграде два дома: один — в котором я родилась и выросла, другой — дом Мильо.

Не желая скрывать своих намерений, я признался Елене, что собираюсь написать об этой грустной, но и оптимистической истории. «Не надо, — прочитал я в ее глазах, — ничего особенного здесь нет…» Как это нет! Ведь не так уж много встречал я людей, которые за свою короткую жизнь не годами, как она, а едва ли месяцами хранят верность данному слову и чувству! Найдутся ли такие, которым выгоднее терять, чем приобретать?..

Есть моральные ценности, которые принадлежат не тем, кто

ими обладает, а являются общим достоянием. Нужно, чтобы люди были мужественны, жили с верой в красоту, нужно, чтобы всегда были люди, способные переносить страдания ради других.

notes

Примечания

1

В русском переводе книга издана под названием «Родопские партизаны».

2

Ласкательное от имени Димитр.

З

Издававшаяся нелегально газета, орган Болгарской коммунистической партии.

4

Члены Рабочего молодежного союза (РМС).

5

Члены фашистской организации молодежи.

6

Христо Ботев — великий болгарский поэт и революционер. Погиб в борьбе против турок за освобождение Болгарии.

7

Связной партизанского отряда.

8

Безделушка на шнурке из белых и красных шелковых ниток, знак наступающей весны.

9

Войска фашистской Германии вошли в Болгарию в первых числах марта 1941 года после подписания монархо-фашистским правительством пакта о присоединении Болгарии к гитлеровской коалиции.

10

Историческое село в Родопах. Оно было одним из центров национально-освободительной борьбы против турок. После поражения Апрельского восстания против турок в 1870 году оно было сожжено и большинство его жителей (примерно 4700 человек) уничтожено. Когда зародилось рабочее движение в Болгарии, население Батака приняло активное участие в борьбе против капитализма, а позже и против монархо-фашизма.

11

Партизанская кличка Георгия Ванчева.

12

Уважительное обращение к старшему по возрасту мужчине.

13

Ласкательное от имени Трендафил.

14

Руководитель резни, устроенной турками в Батаке после подавления Апрельского восстания 1876 года.

15

Георгий Бенковский — руководитель Апрельского восстания против турок в 1876 году.

16

Старинная женская одежда.

17

Секретарь ЦК РМС. Погиб в 1944 году.

18

Речь идет об Апрельском восстании против турок в 1876 году.

19

Строки из известного стихотворения Христо Ботева «Хаджи Димитр».

20

Народный музыкальный инструмент, похожий на волынку..

21

Болгарский народный танец.

22

Сорт домашней колбасы

23

В сражении под Беласицей в 1014 году византийцам удалось взять в плен много воинов болгарского царя Самуила. Император Византии Василий приказал выколоть им глаза и на каждые сто человек оставить по одному поводырю с одним глазом. После этого он их отпустил, и они возвращались на родину, держась друг за друга.

24

Нерегулярные турецкие войска, известные своими зверствами.

25

Борец за освобождение Болгарии от турецкого ига.

26

Крупнейший болгарский революционный поэт начала XX века.

27

Партизанская кличка Стойо Калпазанова.

28

Дедом Иваном любовно называют в Болгарии Советский Союз, Россию.

29

Один из организаторов народно-освободительного движения в Македонии против турецкого ига.

30

Четник — боец повстанческого отряда.

31

Реакционные банды, в конце 20-х годов терроризировавшие прогрессивные и демократические слои населения в Юго-Западной Болгарии; выдавали себя за борцов за освобождение Македонии, пользовались поддержкой царского правительства.

32

Хала — змей, дракон, буря, ураган.

33

Хоро — место, где танцуют болгарские народные танцы.

34

Перед второй мировой войной Советское правительство направило своего представителя — генерального секретаря НКИД Л. Соболева в Болгарию для ведения переговоров о заключения договора о ненападении между Болгарией и СССР. Коммунисты Болгарии развернули широкую пропаганду за заключение такого договора, в стране были собраны сотни тысяч подписей в поддержку договора. Отсюда и наименование «Соболевская акция».